

М. И. Туган-Барановский

Утопический и критический социализм

Содержание:

Утопический социализм

Оуэн

Сен-Симон и Сен-симонисты

Фурье

Критический социализм

I. Прудон

II. Родбертус

III. Маркс

Утопический социализм

Со времени появления знаменитой полемической книги Энгельса о Дюринге в социалистической литературе утвердилась мысль, что социализм прошел в своем развитии два фазиса: до Маркса он представлял собой утопию, после Маркса стал наукой. И так как, по мнению того же Энгельса, утопия есть нечто, исключающее науку, то Маркс оказывается истинным творцом современного научного социализма. Эта точка зрения может считаться в настоящее время более или менее общепринятой, что не мешает ей заключать в себе, если не глубокую ошибку, то по меньшей мере, значительную дозу преувеличения.

На самом деле, утопический социализм гораздо научнее, чем допускал Энгельс, а в так называемом научном социализме гораздо больше утопии, чем думал автор "Капитала". Противопоставление науки утопии несостоятельно в том отношении, что наука и утопия отнюдь не являются противоречащими понятиями. Утопия не есть вздор или нелепость. Утопия - это идеал. Всякий идеал содержит в себе нечто неосуществимое, бесконечно далекое и недоступное, мечту, некоторое присущее нашей духовной природе стремление выйти из пределов возможного, подняться над миром явлений. Осуществленный, или, что то же, осуществимый, идеал потерял бы всю свою красоту, всю свою особую и чарующую притягательную силу. Идеал недостижим, ибо в противном случае это не был бы идеал, а простое эмпирическое понятие. Идеал принадлежит к числу таких идей нашего разума, как идеи бесконечности, свободы, долга, которые выходят за пределы опытного познания или ближайшей пользы и назначение которых заключается в указании направления, пути, следуя которым наш разум достигает своих высших целей - приведения к верховному единству нашего опытного познания и практического дела. Идеал играет роль звезды, по которой в ночную пору заблудившийся путник выбирает дорогу; сколько бы ни шел путник, он никогда не приблизится к едва мерцающему, удаленному на неизмеримые расстояния светилу. Но далекая, прекрасная звезда верно указывает путь, и ее не заменит прозаический и вполне доступный фонарь под руками.

Если идеал можно сравнить со звездой, то наука играет роль фонаря. С одним фонарем, не зная куда идти, не выйдешь на истинную дорогу; но и без фонаря ночью рискуешь сломать себе шею. И идеал и наука в равной мере необходимы для жизни. Идеал дает нам верховные цели нашей деятельности; наука указывает средства для

осуществления этих целей и снабжает нас верным критерием для определения, что в наших целях и в какой мере, в какое время осуществимо.

В виду этого, мы никак не можем согласиться с противопоставлением утопического социализма научному. Великие утописты - Оуэн, Сен-Симон и Фурье - далеко не были только утопистами. Что касается Оуэна, то этот утопист оказался, перед судом истории, величайшим практиком. Он явился инициатором и творцом самого трезвого, самого рассудочного, самого практического - слишком практического - рабочего движения наших дней, так называемого кооперативного движения. Современные продолжатели дела Оуэна упрекают в утопизме именно марксистов, противопоставляя свои ограниченные, близкие и успешно достигаемые цели мечтательным задачам социал-демократов. А Сен-Симон и Фурье были величайшими исследователями социальных явлений, каких мы только знаем.

Таким образом, существуют серьезные основания, чтобы совсем отказаться от обычного деления социализма на утопический и научный. И если мы, тем не менее, объединяем трех названных социальных мыслителей общим названием утопистов, то это лишь потому, что и Оуэну, и Сен-Симону, и Фурье свойственна одна чрезвычайно характерная черта: вера во всемогущество человеческой мысли, в силу идеи. Первые социалисты закончившегося века еще не вполне порвали связь с рационалистическим мировоззрением XVIII столетия. Этот рационализм чувствуется даже в Сен-Симоне, хотя именно Сен-Симон, более чем кто-либо другой, поработал для построения противоположного, исторического мировоззрения. Все три великих утописта, при своей гениальности и глубине понимания человеческой природы и современного им общества, были проникнуты прямо трогательным по своей наивности доверием к разуму человека. Сен-Симон был одним из творцов философии истории. Это не помешало ему, как и Оуэну и Фурье, верить, что его собственные литературные произведения представляют собой более могущественную историческую силу, чем все сложившиеся веками и тысячелетиями общественные формы, чувства, привычки, симпатии и антипатии, верования, нравы и убеждения людей. И Оуэн, и Сен-Симон, и Фурье придумывали, изобретали новый общественный строй, как механик изобретает новую машину. Они верили в превосходство своих изобретений перед всякими другими, и для применения этих изобретений на практике - для перестройки всего человечества на новых началах - оставался только сущий пустяк:

растолковать неумным и невежественным людям, как хорошо им будет житься при новых условиях. Отсюда вытекал и специфический метод осуществления нового социального порядка, характерный для всех утопистов: метод мирной пропаганды путем печати новых взглядов, без всякого посредства политической борьбы. Политические формы, с точки зрения утопистов, имели столь же мало значения по отношению к осуществимости нового строя, как и вообще исторические отношения общежития. Пока истина скрывалась от взоров человечества, люди могли коснеть в невежестве и угнетать друг друга. Но теперь истина показалась во всем блеске - новый, блаженный общественный порядок придуман, и люди, если только они не совершенные безумцы, должны поспешить устроить свою жизнь на новых началах.

Это мировоззрение было более или менее обще трем названным социальным мыслителям, и оно дает нам право называть их утопистами. При этом нужно, однако, оговориться, что наша характеристика утопизма требует значительных ограничений по отношению к Сен-Симону, который был наиболее научен из трех. В числе утопистов Оуэну принадлежит первое место по практическому влиянию его идей на рабочее движение.

Оуэн

История - большая фантазерка. Она любит неожиданные, причудливые комбинации, которых не придумаешь по заказу. Мы уже видели малообразованного биржевого игрока в роли замечательнейшего теоретика политической экономии. Теперь перед нами богатый фабрикант, проповедующий общность имущества, восстающий против зла наемной работы; человек с поразительными способностями к практическому делу, с совершенно исключительной коммерческой сметкой в роли самого смелого, фантастического утописта. Роберт Оуэн был очень плодовитым автором и написал на своем веку огромное множество книг, брошюр, памфлетов, адресов, статей по самым различным поводам и вопросам. Но, без сомнения, самое интересное, поучительное и глубокое его произведение - это его собственная жизнь. Писатель совершенно исчезает в Оуэне перед борцом и социальным реформатором. В его личности, поразительной по своей деятельной мощи и трогательной доброте и любви к людям, лежит ключ к пониманию его единственной в своем роде исторической роли.

Одной из своих статей Оуэн дал характерное название, которое можно было бы поставить эпиграфом ко всей его литературной деятельности, даже более - ко всей его жизни: "Попытка превратить этот сумасшедший дом в разумный мир". На склоне лет Оуэн не мог не прийти к убеждению, что эта попытка безнадежна; но весь его чрезвычайно богатый жизненный опыт только подтверждал его невысокое мнение о человеческом роде. Его ошибка заключалась, главным образом, в том, что он постоянно забывал, с кем имеет дело, и говорил с безумцами, как с людьми, вполне владеющими умственными способностями.

Первые шаги Оуэна на жизненном пути (род. в 1771 г., умер в 1858 г) тесно связаны с ростом фабричной промышленности. Сын бедного ремесленника в маленьком уэльском городке, он был всем обязан самому себе. Его успехи на поприще обогащения были столь же быстры и блистательны, как и успехи другого знаменитого деятеля в области общественной мысли - Рикардо. Но в то время, как Рикардо, банкир и биржевой делец, был далек от серой народной массы, которая своим потом и трудом создает богатство, Оуэн сам вышел из этой массы и до конца жизни не терял тесного соприкосновения с ней. В 10 лет он поступил в суконную лавку, затем сделался приказчиком. Ему было только 18 лет, когда он решился начать самостоятельное дело и устроил в одном из тесных переулков Манчестера маленькую бумагопрядильную фабрику с несколькими незадолго перед тем изобретенными прядильными (мюльными) машинами. Его дело пошло отлично, но, будучи человеком смелой инициативы, Оуэн скоро бросил свое крохотное предприятие, для того, чтобы поступить управляющим на настоящую, большую бумагопрядильную фабрику с несколькими сотнями рабочих. В это время ему еще не было 30 лет; затем его жизненная карьера идет быстрыми скачками. Вскоре он покупает, во главе компании капиталистов, одну из старейших в Шотландии огромную бумагопрядильную фабрику в Нью-Ланарке и становится полновластным распорядителем ее. С этого времени начинается и реформаторская деятельность Оуэна, сначала стяжавшая ему общее уважение и почет, сделавшая его одной из наиболее влиятельных авторитетных личностей в Англии, а затем приведшая к совершенному разрыву неисправимого утописта с современным ему образованным обществом и потере им всякого авторитета.

Первый и самый блестящий период деятельности Оуэна связан с Нью-Ланарком. Он стал во главе обширного фабричного населения в 2-3 тысячи человек, населения, представлявшего собой наиболее деградированную группу людей, какую только можно себе представить. Все ужасы нерегулируемой фабричной системы имелись в концентрированном виде в Нью-Ланарке. Почти четверть рабочих были детьми пауперов, купленными у приходов; это были в полном смысле слова белые рабы, с которыми обращались, как с рабочим скотом, и которых только такое обращение могло побудить к работе. В числе этих детей, работавших по 12 и более часов в день,

были семи, шести и даже пятилетнего возраста. Взрослые рабочие состояли из всевозможного общественного отброса, так как при начале фабричной промышленности сколько-нибудь порядочный рабочий не шел на фабрику, представлявшуюся ему чем-то вроде кромешного ада, где губили и тело, и душу людей. Преступники, бродяги, пьяницы, пауперы - вот из кого слагалось население Нью-Ланарка. Эта разношерстная, грубая, дикая и своевольная толпа сдерживалась сколько-нибудь в порядке только железной дисциплиной и суровыми наказаниями и штрафами. Положение Оуэна затруднялось еще тем, что рабочие-шотландцы видели в нем, как англичанине, иностранца и относились к нему с сугубым недоверием.

И несмотря на все это, через несколько лет управления фабрикой Оуэну удалось достигнуть поразительных, прямо феерических результатов. Как будто он обладал волшебной силой для искоренения дурных свойств людей и их нравственного возрождения! Два года, по словам Оуэна, длилась горячая битва между ним и подвластным ему фабричным населением Нью-Ланарка. Рабочие видели в нем своего злейшего врага; он решил держать себя с ними как искренний друг. Его неизменного доброжелательства не могло победить никакое проявление ненависти рабочих. Оуэн сократил рабочий день, повысил заработную плату, уменьшил детскую работу, организовал целую сеть учреждений воспитательного характера, общественные кухни, столовые и жилища, лавки для снабжения рабочих за дешевую цену провизией лучшего качества, позаботился о пенсиях для престарелых, кассах взаимопомощи, медицинской помощи для больных и т. д. и т. д. В результате получилось полное пересоздание рабочего населения. Нью-Ланарк стал единственной в мире фабрикой по своему образцовому устройству, по благосостоянию, довольству и образованности своих рабочих, по высокому уровню их умственного и нравственного развития. Можно было бы усомниться в действительности достигнутых Оуэном успехов, если бы не свидетельства многих частных лиц и нескольких правительственных и общественных комиссий, осматривавших учреждение Нью-Ланарка и воздававших самый восторженный хвалы его руководителю и патрону. Слава Нью-Ланарка гремела во всем свете, и ежегодно около 2000 лиц, в числе которых были и царственные особы, посещали эту удивительную фабрику, на которой производились в огромных размерах любопытнейшие социальные эксперименты, какие когда-либо видел мир.

И что всего поразительнее, - эти эксперименты не только не вредили коммерческому успеху дела, не только не шли в ущерб барышам фабриканта, но приводили к еще более быстрому росту богатства последнего. Нью-Ланаркская фабрика была куплена Оуэном в 1798 г. за 60 тысяч ф. с.; в 1812 г. она ценилась уже в 200 тысяч ф. с. (т. е. около двух миллионов рублей), причем доход с нее достигал 12% этой последней суммы.

Все это время Оуэн еще не выступал в литературе. Он был в полном смысле слова самоучкой, и его образование оставалось до конца жизни скудным. Его деятельность в Нью-Ланарке, не вытекала ни из какой теории; но теория естественно вытекала из нее. Эту теорию Оуэн и изложил в своем первом литературном произведении - "Новый взгляд на общество или опыт о принципах образования человеческого характера", вышедшем в 1813-1816 гг. и содержащем, несмотря на свою краткость, все существенное в его основных теоретических воззрениях, которым он оставался верен в течение всей своей жизни.

Отправным пунктом Оуэна в его рассуждениях является постоянно повторяемое им положение, что человек не создает и не может сам создать своего характера. Характер человека слагается под влиянием условий его жизни и воспитания, причем сам человек играет, вполне пассивную роль. Тезис этот, который отнюдь не может считаться оригинальной мыслью Оуэна, и был внушен ему господствовавшей в то время утилитарной философией Бентама, приводит нашего автора к выводу, что человек не может считаться ответственным за свои достоинства или недостатки,

ответственность за которые всецело падает на общество. Все люди могут быть сделаны добродетельными, если только они будут поставлены в обстановку, благоприятствующую развитию их хороших свойств. "С помощью надлежащих мер, - говорит Оуэн, - можно приучить человека жить в какой угодно стране без нищеты, без преступлений и без наказаний, потому что все эти несчастья проистекают из ложных систем воспитания, основанных на грубом незнании человеческой природы... В человеке, можно воспитать какие угодно чувства, свойства и какой угодно характер... Причина всех зол - невежество, происходящее от заблуждений, переданных нашему поколению предшествующими, и главным образом, от величайшего из заблуждений - от того взгляда, будто личности сами образуют свой характер".

Оуэн дает яркую картину бедствий рабочего населения Англии под влиянием фабричной системы. "С тех пор, как на британских фабриках были повсеместно введены машины, - с негодованием говорит он, - на человека стали смотреть, как на машину второстепенную и низшую. Стали обращать гораздо больше внимания на усовершенствование дерева, металла и сырых материалов, чем на человеческое тело и душу".

Вопрос об уничтожении бедности связался для Оуэна с более широким вопросом о нравственном перевоспитании человечества.

Кто же должен выступить в роли спасителей человечества из глубины бедствий и порока, в которую оно впало? Те самые, кто теперь получает выгоды от этого порядка вещей. "Стоит только обнаружить страдания миллионов, - надеется Оуэн, - чтобы вынудить у лиц, управляющих миром, восклицание: "может ли существовать подобное положение вещей и могли ли мы не знать о нем?.." При существовании верных средств для предупреждения преступлений можно ли предполагать, чтобы британские законодатели отказались приводить эти меры в действие, как скоро узнают их? Нет, я уверен, что ни государь, ни министры, ни парламент, ни одна из религиозных и политических партий не захочет обнаружить такой склонности к вопиющей несправедливости". Далее наш наивный утопист обращается к фабрикантам и капиталистам с тем же, с чем он обращается и к правительству. По его мнению, возможно, искоренить нищету и нравственно воскресить рабочее население без всякого ущерба для кого бы то ни было. Доказательством этого является, в глазах Оуэна, его опыт в Нью-Ланарке. Его богатство не потерпело никакого ущерба от его социальных опытов. Почему же невозможно повторить такой же опыт в больших размерах для всей страны? "Привилегированные классы докажут свою мудрость, если будут искренне содействовать лицам, не желающим тронуть ни йоты из их теперешних мнимых выгод, напротив, старающимся доставить возможное счастье как этим привилегированным классам, так и всему обществу".

В этом своеобразном сплетении верных и глубоких мыслей с самым детским незнанием людей обнаруживается весь Оуэн, с его ясным пониманием общественных недугов и человеческих слабостей и непоколебимой, простодушной верой в хорошие свойства человеческой природы. Обращаться к парламенту и фабрикантам с предложением выступить на защиту рабочих было так же остроумно, как увещевать волков позаботиться об овцах. Непонимание социальных антагонизмов и глубоких причин классовой борьбы в современном капиталистическом обществе было коренным недостатком мирозерцания не только Оуэна, но и всего утопического социализма. И Оуэн никогда не мог избавиться от этого недостатка, несмотря на горькие разочарования, которые ему пришлось перенести впоследствии.

В 1818 г. он обратился с двумя адресами к государям, собравшимся на Ахенский конгресс, в которых увещевал их принять меры к прекращению бедствий рабочего класса. Само собою, разумеется, что адреса эти остались без всякого ответа со стороны государей; но ответ Оуэн все-таки получил. На одном обеде, данном в его

честь во Франкфурте, Оуэн указал на нищету и невежество рабочих классов и на необходимость помочь рабочим; один из участников обеда, официальное лицо, секретарь германского сейма Гейнц тонко и насмешливо заметил на это: "Правительствам хорошо известно все то, о чем вы говорите. Но зачем им искоренять невежество и бедность? Разве это поможет им управлять народом?"

Блестящий успех Нью-Ланарка являлся, в глазах Оуэна, доказательством осуществимости в самых широких размерах предлагаемых им социальных преобразований. Но наш утопист упускал из виду одно коренное различие: во главе Нью-Ланарка стоял человек такой огромной духовной мощи, направленной на благо людей, как он сам. И понятно, если бы все фабриканты, или хотя многие из них, походили на Оуэна, то в планах его не было бы ничего утопического. К сожалению, таких фабрикантов, как хозяин Нью-Ланарка, мы знаем не очень много - точнее говоря, не знаем никого, кроме него самого.

В период управления Нью-Ланарком Оуэн был лучшим и благороднейшим типом гуманного фабриканта-филантропа, но не более. Его еще нельзя было назвать социалистом; все его планы улучшения участи рабочего класса покоились на существующих отношениях труда и капитала. Он выступил инициатором некоторых важных социальных реформ; так, ему принадлежит великая заслуга проведения фабричного закона 1819 г., регулировавшего труд детей на фабриках. С этого закона начинается фабричное законодательство Англии (более ранние законы не имели никакого практического значения), завершившееся, после нескольких десятилетий упорной борьбы, великой и славной победой рабочего класса - биллем 1847 г. о десятичасовом рабочем дне. Но все это было социальной реформой, а не социализмом. Решительный шаг в сторону социализма, Оуэн сделал лишь в 1817 г., докладом комитету, исследовавшему меры помощи нуждающемуся населению Англии.

Образование этого комитета было вызвано тяжелым промышленным кризисом, повлекшим за собой безработицу и обострение нужды рабочих классов. Массы голодных рабочих волновались во всех крупных промышленных центрах страны. Разрушения и поджоги фабрик, столкновения рабочих с полицией и войсками, демонстрации, оканчивавшиеся побоищами и выстрелами, были обычными явлениями. Оуэн попал в число членов комитета, образованного из известнейших лиц Англии, для выработки средств борьбы с нищетой, рост которой пугал общественное мнение, и выступил с грандиозным планом переустройства всего хозяйственного строя страны на новых началах. Вместо того, чтобы тратить совершенно непроизводительно огромные суммы на содержание нищих, не занимающихся никаким полезным трудом, ничего не производящих и развращающихся морально, государство должно, по мнению Оуэна, приступить к систематической организации труда нищих. Для этой цели государство должно заняться устройством общин одновременно земледельческого и промышленного характера. Население каждой общины не должно превышать 1.500 человек. Все жители общины должны жить в одном здании и обрабатывать собственными силами общинную землю в размере 300 - 400 десят. на каждую общину. Хозяйственные работы должны производиться сообща за счет общины, причем изготовляемые продукты поступают в распоряжение общины. Каждая семья имеет свою особую квартиру в общинном доме, но дети с трехлетнего возраста воспитываются сообща. Обед должен получаться из общественной кухни. Община всецело берет на себя содержание каждого своего члена, требуя от него соответствующей его силам и способностям работы. Так как все производство и потребление будут организованы в крупных размерах, то последует огромная экономия в расходах и огромный выигрыш в производительности труда. Благодаря этому общины, при первоначальной поддержке со стороны государства, получают возможность сами себя содержать, доставляя своему населению такие

удобства и такое благосостояние, которые совершенно недоступны рабочему классу при современных условиях производства. Преимущества общинной работы должны быть так велики, что Оуэн надеется на постепенное вытеснение этим новым типом хозяйственных организаций господствующей системы наемного труда. Таким образом, мало-помалу, без всякого принуждения и без ущерба кому бы то ни было, наемная работа прекратится, и кооперативные общины (как Оуэн называет их), станут единственными формами хозяйственных предприятий. Планомерная организация труда заменит существующую свободу конкуренции, сводящуюся к борьбе всех со всеми. Незанятые капиталы, не находящие работы рабочие, пустующие земельные участки найдут выгодное применение. Пауперизм исчезнет благодаря тому, что производительные силы общества, которые теперь остаются без надлежащего использования вследствие неорганизованности общественного хозяйства, будут утилизироваться по определенному плану в общих интересах.

Этот проект знаменовал собой решительный поворот в деятельности Оуэна. Перед нами уже не гуманный фабрикант, рассчитывающий на поднятие благосостояния рабочего класса путем частичных улучшений условий труда. Новые задачи открываются перед великим утопистом; дело идет о создании нового мира общественных отношений, в котором не должно быть ни хозяев, ни рабочих, ни господ, ни слуг, ни богатых, ни бедных. Историческое здание нерегулируемого обществом частного хозяйства должно пойти на слом, как не удовлетворяющее своему назначению - обеспечения наибольшего богатства и благосостояния всем членам общества. На смену существующего хозяйственного строя должен быть создан новый, в основу которого будет положена разумная планомерная организация общественного хозяйства в интересах всех...

С этого времени кипучая общественная деятельность все более и более захватывает Оуэна. Он превращается в самого неутомимого агитатора, какого только можно себе представить. Из-под его пера выходят массы памфлетов, статей, записок, проектов, он устраивает по всей стране митинги, где произносит длинные речи и ведет дебаты со своими противниками, он участвует, через посредство друзей, в парламентской деятельности, стремясь воздействовать на правительство, организует всевозможные общества для распространения и практического осуществления своих идей. Мало-помалу отношение господствующего общества к Оуэну изменяется; честность его намерений, бескорыстие его побуждений еще не заподозриваются (впоследствии ему пришлось пережить и это), но его авторитет как богатого фабриканта и удачного общественного реформатора исчезает, в виду нового характера его деятельности. В этом апостоле новой веры видят уже не благоразумного и заслуживающего доверия практического человека, а вредного и опасного безумца и мечтателя. Восторженные похвалы, к которым так привык Оуэн в начале своей карьеры, сменяются все более резкими порицаниями, которые постепенно переходят в ожесточенную брань и клевету. Пропасть между смелым реформатором и образованным обществом быстро растет: от его былой популярности среди влиятельных и богатых людей, лордов, архиепископов и даже принцев крови, не остается и следа. Он теряет своих прежних друзей, многие из которых делаются его непримиримыми врагами.

Но одиночество не грозит Оуэну! Если богатые от него отворачиваются, то тем более горячие симпатии несутся к нему от бедняков. Идеи, с которыми благородный мечтатель обращался к королям и фабрикантам, находят себе в другой среде благодарную почву и дают богатые ростки. Тысячи английских рабочих проникаются взглядами Оуэна и становятся его одушевленными учениками и последователями. Английский рабочий делается энтузиастом нового евангелия, проповедуемого богатым фабрикантом, отрекшимся от своего класса, принявшим в свои руки дело слабых и угнетенных. И чем полнее отчужденность Оуэна от людей науки и капитала,

тем сильнее, интимнее и неразрывнее его связь с обширным жалким и страдающим миром бедных и невежественных, жадно ищущих и не находящих выхода из окружающего их мрака.

Для характеристики взглядов Оуэна, а вместе и всего утопического социализма, весьма поучительно его отношение к политическим реформам. Двадцатые годы были временем чрезвычайно энергичного политического движения в Англии, имевшего целью парламентскую реформу - расширение числа избирателей в парламенте. Оуэн всегда выступал против этого движения, равно как и против позднейшего политического движения 30-х и 40-х годов - чартизма. С точки зрения Оуэна, форма правления не имела никакого значения по отношению к экономическому положению народной массы и к осуществлению проектируемых им социальных реформ. На конгрессе своих последователей в 1832 г. он даже заявил, что "деспотические правительства нередко оказываются лучшими, чем так называемые демократические... по отношению к кооперативной системе не имеет ровно никакого значения, деспотично ли правительство или нет".

Вместе с тем Оуэн до конца жизни остался чужд идеи классовой борьбы. Он неизменно настаивал на том, что его планы отнюдь не враждебны богатым. При господстве кооперативной системы все выиграют, всем станет лучше. Рабочие выиграют, разумеется, гораздо больше, чем хозяева, так как положение тех и других сравняется. Но и хозяева не проиграют: жизнь в новом мире, исполненном свободы, братской любви и общего благополучия, при огромном росте народного богатства, благодаря соединению труда и производству в крупных размерах, благодаря разумному и планомерному использованию сил природы, применению машин, усовершенствованию самого человека, путем рационального воспитания и обучения, будет настолько счастливее, богаче наслаждением и прекраснее, чище и выше во всех отношениях жалкой жизни в современном обществе, страдающем от бедности, преступлений, пороков и угнетений всякого рода, которые не могут не отравлять существования даже и богатого человека, что и богатые имеют все основания пламенно желать нового мира. "Те, кто проводит новые принципы общества, - сказал Оуэн в заседании одного кооперативного конгресса, - не желают причинять зла кому бы то ни было, и не желают что бы то ни было отнимать у богатых, ибо они имеют возможность создать больше нового богатства, чем кто-либо в состоянии потребить". По словам Голайока, ученика Оуэна и автора "The History of the Cooperation in England", "Оуэн всегда оставался верен той идее, что кооперация не засовывает руки ни в чей карман и не посягает ни на чью личность".

Никакие разочарования, никакие горькие уроки, которые ему в таком изобилии преподносила жизнь, не могли разрушить в этом удивительном человеке его прирожденной веры в людей. По своей натуре он не мог проповедовать вражды; со словом любви он обращался ко всем, - и если богатые оставались глухи к его проповеди, то это вызывало в великом социалисте только жалость к этим неразумным людям, не понимающим своих собственных интересов. Поэтому вполне естественно, что Оуэн не сочувствовал всяким проявлениям классовой борьбы. Он не был другом стачек и хотя сам принимал энергичное участие в рабочих союзах и даже стоял во главе многих из них, но видел задачу их не в борьбе с хозяевами, а во взаимопомощи рабочих и накоплении денежных средств для устройства кооперативных предприятий. С этой целью Оуэн образовал в 1833 г. огромную федерацию рабочих союзов, число членов которой считалось около полумиллиона. Федерация эта, называвшаяся "General Union of the Productive Classes", просуществовала недолго и через несколько лет распалась. Но несмотря за эту неудачу, влияние Оуэна на рабочие союзы было очень глубоко и в общем благотворно, так как социалист Оуэн внес в английское рабочее движение дух энтузиазма, которого оно раньше было чуждо. Что же касается до ошибок Оуэна, то они не были восприняты рабочим классом.

В 1823 г. наш социальный реформатор выпустил очень интересный памфлет "An Explanation of the Causes of the present Distress", в котором он, между прочим, с полной ясностью формулирует центральный факт промышленной революции. Этим центральным фактом является, по мнению Оуэна, разрушение прежнего мелкого производства, при котором производитель был собственником орудий производства и продукта своего труда. Новый промышленный строй основывается на соединении в одном предприятии обширных групп рабочих, причем никто из них в отдельности не может сказать, что в окончательном продукте их совместной работы принадлежит ему и что другим. Таким образом, коллективное владение является естественным дополнением коллективного производства, и Оуэн предлагает закончить дело промышленной революции передачей в общее пользование земли и капитала.

К двадцатым годам относятся и практические попытки нашего социалиста создать ячейку будущего социального строя - кооперативную общину. Самая крупная из таких попыток была сделана в Америке. Старая Европа оказалась малоприспособленной почвой для восприятия нового учения. И вот, Оуэн в несокрушимой уверенности в осуществимости своих социальных утопий покидает родину и едет в новый мир - в Америку. Здесь, в штате Индиана, в глухой, малонаселенной местности, он приобретает 10.000 дес. земли, принадлежавшей раньше одной религиозной общине. Поселок носил символическое имя "Гармони" (Гармония). Оуэн переименовывает его в Нью-Гармони и приступает к устройству своей общины. Принципы, положенные в ее основу, были сформулированы одним из его участников следующим образом:

1. "Цель ассоциации состоит не в том, чтобы богатых подвести под уровень бедных, а в том, чтобы всем обеспечить наибольшую сумму истинного богатства, физического и духовного".

2. "Кооперативная община должна быть устроена на началах самой неограниченной свободы. Никто не может быть принужден вступать в нее или оставаться в ней".

3. "Все труды будут добровольны; вместе с тем будут приняты все меры к тому, чтобы сделать по возможности привлекательными занятия в общине; будут употребляться все механические средства для исполнения необходимых работ неприятных, нездоровых или слишком тяжелых".

4. "Будет кооперативная общность в изготовлении продуктов физического или умственного труда; всякий будет работать в соответствии со своими влечениями и в согласии с интересами всех".

5. "Будет общность собственности относительно всех земель, домов и всякого другого недвижимого имущества, равно как всех инструментов, сырых материалов, предназначенных для производства, и всяких других предметов, известных под именем капитала в самом обширном значении слова, т. е. всего того, что не предназначается для непосредственного потребления".

6. "Предметы, предназначенные для непосредственного потребления, будут получаться из общественных магазинов и могут сделаться собственностью только в момент потребления. Что касается до предметов, которые потребляются не сразу, как например жилые покои или мебель, то они могут принадлежать отдельному лицу только на время потребления их".

7. "Община будет сама управлять своими делами или непосредственно или посредством во всякое время сменяемых уполномоченных. Права и обязанности всех взрослых членов совершенно равны; права женщин вполне равны правам мужчин".

8. "Несогласия между членами общины будут оканчиваться в недрах общества посредством дружеского соглашения, без потребления каких бы то ли было мер строгости, кроме удаления из общины".

9. "Воспитание детей будет общее с того времени, когда для них не будут нужны заботы матерей; но при этом родители не лишаются возможности наблюдать за детьми и оказывать им ласки".

Таков был выработанный Оуэном план коммунистической общины, в которой общность имущества должна была соединяться с общностью труда, без всякого определенного принципа распределения продуктов между членами общины, кроме потребностей каждого. Неудивительно, что опыт Нью-Гармони, в конце концов, окончился полным фиаско; удивительнее, что такое фантастическое предприятие могло осуществиться и хотя несколько лет держаться не без некоторого блеска. Около 1.000 человек - энтузиастов, бедняков и просто проходимцев и искателей приключений - откликнулось на зов Оуэна. Община вскоре распалась на несколько меньших, некоторые из которых, на первых порах, оправдывали самые горячие надежды искателей новой правды. Вот, например, в каких привлекательных красках описывает жизнь в одной из таких общин, образовавшейся преимущественно из более интеллигентных людей, один из ее участников в 1862 г.

"После трудов мы почти каждый вечер устраиваем балы, концерты или общие беседы. У нас есть прекрасный оркестр, равно как и другие утонченности общественной жизни. Наши ученые и литературные собрания хотя немногочисленны, но согласием и гармонией превосходят собрания в больших городах. Забава служит вознаграждением труду, и деятельность находит в отдыхе вознаграждение, неизвестное ленивым. Наши молодые женщины, встав из-за фортепиано, идут доить коров или стряпать на кухне, что весьма забавляло герцога Саксен-Веймарского, который прожил у нас с неделю. Его секретарь танцевал на всех наших балах в костюме общины; этот костюм состоит из изящной греческой туники и широких панталон для мужчин. Женский костюм также походит -на этот. Тот и другой сделаны так, чтобы нисколько не стеснять движений человека.

...Может быть, на всем земном шаре нет столь большого числа людей, соединенных в одном месте, свободных от предрассудков и столь далеких от всех старых ошибок, политических и религиозных... Мы имеем от пяти до шести тысяч томов лучших сочинений и довольно времени для того, чтобы просвещать себя чтением и разговорами. Из будущих поколений мы надеемся образовать человеческую расу, более совершенную, чем те, которые существовали до сих пор, и на развалинах старого общества создать новое, устройство которого будет согласно с природой и потребностями человека".

В 1827 г. в разных пунктах Соединенных Штатов существовало уже до 20 кооперативных общин сходного характера. Но все они, как и следовало ожидать, благополучно распались через несколько лет. Неудача попыток такого рода - создать на началах братской любви маленький новый мир, как цветущий и благоуханный оазис среди беспредельной и мрачной пустыни старого мира, - не представляет собой ничего удивительного. Жители Нью-Гармони воспитались и выросли в совершенно иной социальной обстановке, чем та, которую они стремились создать в своей кооперативной общине. Их нравы, привычки, характеры, симпатии, потребности развились на почве борьбы за существование и закона конкуренции, верховных владык капиталистического мира. Как же они могли годиться для создания нового общества, основной закон которого требовал бескорыстного служения общим интересам? Порыва энтузиазма могло хватить на несколько лет, но огонь воодушевления не принадлежит к числу прочных и устойчивых строительных материалов. Новый социальный строй требует и нового человека, который не может явиться по первому зову благородного мечтателя.

Итак, американский опыт окончился полным крушением. Столь же неудачны были попытки устройства кооперативных общин и в Англии. Но все это нисколько не поколебало непобедимой веры Оуэна в свое дело. Каждая новая неудача только прищипывала его почти нечеловеческую энергию; его пропаганда развертывалась все шире и шире, захватывала все новые и новые слои общества. О кипучей деятельности этого замечательного человека можно составить себе представление по

следующему расчету, приводимому Ребо, автором книги "Etudes sur les Reformateurs". По словам Ребо, Оуэн за время 1826-1837 гг. произнес около 1.000 публичных речей, издал около 500 адресов разным классам общества, написал около 2.000 газетных и журнальных статей и сделал от 200 до 300 путешествий. В 30-х годах число последователей Оуэна в Англии считалось уже сотнями тысяч; идеи великого социалиста глубоко вкоренились в умах английской рабочей массы, смотревшей на него, как на нового Моисея, обещающего вывести свой народ из капиталистического пленения.

Около этого времени Оуэн занялся новым предприятием, на которое он, по своему обыкновению, возлагал великие надежды - устройством "рабочей биржи". Под этим названием он разумел весьма своеобразное учреждение, идея которого возникла у него под влиянием тяжелых промышленных кризисов, причинявших такие страдания английскому рабочему населению. Непосредственной причиной или, во всяком случае, наиболее очевидным симптомом этих кризисов было переполнение рынка товарами и невозможность сбыта последних, несмотря на то, что общественная потребность в этих товарах была далека от удовлетворения. В кризисах особенно выпукло обнаруживается своеобразный парадокс капиталистического хозяйства - парадокс бедности, вызываемой богатством. Так называемое перепроизводство товаров отнюдь не означает собой, что товаров имеется больше, чем общество может потребить их; у огромного большинства населения остается масса неудовлетворенных потребностей. Товары не находят сбыта только потому, что у тех лиц, которые испытывают нужду в них, не хватает средств для покупки этих товаров. С другой стороны, отсутствие сбыта товаров расстраивает промышленность, ведет к сокращению производства, безработице и еще большей бедности.

Отсюда легко прийти к мысли, что возможно уничтожить кризисы увеличением покупательных средств в руках населения. Но откуда взять эти средства? Оуэн решил, что эти средства могут быть созданы, если только отказаться от употребления, как менового посредника, денег. Вместо денег меновым посредником должны стать просто бумажные знаки, на которых обозначено, какое количество среднего человеческого труда заключено в данном товаре. Естественное мерило ценности есть труд. Однако, при существующих способах обмена, ценности товаров сравниваются лишь при посредстве денег. Кто не имеет денег, тот не может ничего купить, хотя бы он и располагал трудовой ценностью, заключенной в товаре. Чтобы избавить производителей от губительной власти денег, достаточно создать учреждения, в которых трудовая ценность товаров выражалась бы не деньгами, а ничего не стоящими бумажными знаками, причем обмен товаров совершался бы при посредстве этих бумажных знаков. Таким учреждением и должна была стать "рабочая биржа" Оуэна.

Каждый клиент этой биржи имел право доставить в нее любой товар для сбыта. Сведущие лица устанавливали, какое количество труда было потрачено на производство этого товара, и выдавали собственнику товара квитанцию, на которой было обозначено это количество труда. Эта квитанция могла быть обмениваема на любой другой товар равной трудовой ценности, имевшийся в распоряжении биржи. Таким образом, обмен совершался без всякого посредства денег, и ценность товаров измерялась только трудом. "Рабочая биржа" должна была, по мнению Оуэна, произвести полный переворот в условиях товарного сбыта, прекратить кризисы, уничтожить зависимость производителя от денежного капитала и обеспечить каждому рабочему пользование продуктами его труда.

Теперь для нас вполне ясна ошибочность основной идеи "рабочей биржи". Невозможность сбыта товаров зависит не от недостатка денег, а от непропорционального распределения общественного производства. Оуэн рассчитывал организовать обмен, оставляя неорганизованным общественное производство. Но

именно в неорганизованности общественного производства и лежит корень зла, основная причина промышленных кризисов. Если производитель изготавливает не те товары, которые требуются потребителем, то товары эти должны остаться непроданными, какова бы ни была организация обмена. Затруднение сбыта указывает на непропорциональность распределения общественного производства; гарантировать сбыт всех товаров, независимо от того, соответствуют ли они спросу или нет, значило бы уничтожить тот естественный механизм, которым в настоящее время восстанавливается пропорциональность общественного производства. Если бы каждый мог рассчитывать продать свой товар, все равно, нужен этот товар или не нужен потребителю, то предложение товаров перестало бы приспособляться к спросу, производитель перестал бы руководствоваться вкусами и нуждами потребителя, и всякая пропорциональность должна была бы исчезнуть в народном хозяйстве.

Поэтому, все подобные попытки организации обмена без посредства денег, при неорганизованности общественного производства, неизменно кончались неудачей. "Рабочая биржа" стояла перед альтернативой: или принимать только такие товары, на которые имелся спрос, и по той цене, по которой покупатели соглашались эти товары приобретать, но в таком случае биржа не удовлетворяла своему назначению - обеспечить сбыт всех товаров по их трудовой ценности, или же биржа, оставаясь верной своей задаче должна была без разбора принимать всякие товары по трудовой ценности, не имея никакой возможности сбыть эти товары, за отсутствием на них спроса.

"Рабочая биржа" была новой неудачей Оуэна. Она продержалась около двух лет благодаря денежной поддержке со стороны, но, в конце концов, должна была ликвидировать свои дела с большим убытком.

Последующая деятельность Оуэна тесно связана со всеми движениями английских рабочих 30-х и 40-х годов. Он близко стоял к агитации в пользу 10-часового рабочего дня; с чартизмом Оуэн боролся, хотя из рядов его последователей вышли некоторые вожди чартистов. Главным литературным произведением Оуэна этой эпохи может считаться его работа "A book of the new moral world". "Новый нравственный мир", картину которого рисует наш уже убежденный сединой мечтатель, не имеет ничего общего со старым миром. Каждый гражданин нового общества будет занят в возрасте от 12-25 лет каким-либо полезным производством; затем деятельность его найдет себе применение в других сферах - в области общественного управления, художественного и научного творчества и т. д. Современные большие города должны исчезнуть. Их заменят общины рассеянные по всей стране, с населением в 500-3.000 человек, в руках которого земледелие будет соединяться с обрабатывающей промышленностью. Обмен будет происходить только между отдельными общинами, но вообще его область сократится. Обитатели "нового нравственного мира" будут жить вместе, в обширных роскошных домах, частная собственность совершенно исчезнет, женщины будут пользоваться полной равноправностью с мужчинами, воспитание детей будет лежать на общине. Брак станет вполне свободным, и люди будут сходить и расходиться только по взаимному влечению. Само собою разумеется, что тюрьмы, наказания, полиция, войско и вообще все средства насилия старого мира не найдут себе места в мире будущего.

Эти социальные фантазии, значение которых заключалось в новом социальном идеале, показываемом Оуэном человечеству, не мешали великому утописту деятельно работать над практическим улучшением нашего старого мира. Мы подходим теперь к главному практическому делу Оуэна, блестящий успех которого покрывает все неудачи, которыми судьба так щедро усеяла жизненный путь бедного мечтателя, наивно поверившего в возможность сокрушить силою любви древнего могучего дракона, столько тысячелетий терзающего человечество - бедность.

Мы видели, как далеко заносился Оуэн в своих социальных фантазиях. Но в натуре этого поразительного человека было единственное в своем роде соединение необузданного полета воображения с самым трезвым пониманием практического дела. Утопист Нью-Гармони был в то же время расчетливым хозяином Нью Ланарка. Эта драгоценная черта, составлявшая главную силу Оуэна, спасла дело его жизни. Среди общего крушения начатых им предприятий мало-помалу упрочилось и окрепло могучее и практическое кооперативное движение, которое представляет в настоящее время, наряду с тред-юнионизмом, одну из главных форм самопомощи рабочих во всем мире и которое в огромных размерах содействовало несомненному подъему за последнее время экономического благосостояния и социальной мощи рабочего класса Запада.

Неутомимая пропаганда Оуэна повела к тому, что сотни тысяч трезвых и практических английских людей поверили в проповедуемое им новое евангелие. Но усвоив новую веру, они не перестали быть практическими людьми. Они верили в будущее наступление "нового нравственного мира". Что же дремать, однако, теперь, пока мир еще не изменился? Ждать они не могли и искали немедленного дела. И такое ближайшее практическое дело нашлось. Оуэн объяснил им, в какой огромной мере возрастают экономические силы вследствие их соединения; разрозненные бедняки, соединившись вместе, могут достигнуть благосостояния. Задача заключалась в том, чтобы дать возможность мелким производителям и потребителям воспользоваться выгодами крупного производства и потребления в таких заманчивых красках рисуемыми Оуэном. Но для крупного производства требуется и крупный капитал, - откуда же его взять? Ощупью и шаг за шагом практическая мысль англичанина искала решения этой трудной задачи. Наконец, мало-помалу, путь к достижению цели стал выясняться. Если рабочий не располагает ни шиллингом капитала, то все же он представляет собой некоторую экономическую силу в качестве потребителя. Лавочник, продавший рабочему провизию, живет барышами, получаемыми со многих подобных бедняков. В своей совокупности, бедняки эти достаточно богаты, чтобы поддерживать лавочника и давать ему высокие барыши. Почему же потребители, соединившись вместе, не могут заменить лавочника и сохранить все эти барыши в своих карманах? Таким образом может возникнуть фонд, который постепенно, после ряда лет, может превратиться в крупный капитал, необходимый для организации производства на кооперативных началах.

Итак, первым шагом к кооперативному производству является кооперация потребителей. Потребители соединяют свои средства, заводят кооперативную лавочку, из которой берут товары и сберегают в свою пользу прибыль лавочника. Вот основная идея так называемых кооперативных потребительных обществ, получивших в настоящее время повсюду такое развитие.

Когда идея этой организации достаточно выяснилась, во всей Англии стали возникать потребительные товарищества среди рабочих. В 1832 г. таких товариществ насчитывалось уже около 500. Большинство из них были очень мелкими и плохо организованы. Все они были проникнуты идеями Оуэна и рассматривали кооперацию потребления только как первый шаг к кооперативной организации производства; поэтому, они стремились накапливать свои дивиденды для образования фонда будущей производительной ассоциации,

В несколько лет Англия покрылась целой сетью потребительных товариществ. Связью между ними являлись различного рода общества, непрерывно возникавшие по инициативе Оуэна и также быстро распадавшиеся; кооперативное движение имело несколько своих газет, тщательно следивших за всеми успехами кооперативного дела и стремившихся улучшить его организацию,

Однако, первые успехи оказались весьма эфемерными. Огромное большинство первоначальных потребительных ассоциаций не продержалось и нескольких лет и

быстро распалось, вследствие ли неумелости руководителей, неподготовленности рабочих, необеспеченности имущества ассоциаций в юридическом отношении, неудовлетворительности внутренней организации или других причин.

Но семя, брошенное Оуэном, не заглохло. Прошел десяток лет, и кооперативное движение возобновилось с новой силой. Колыбелью этого нового движения был маленький ланкаширский городок Рочдэль, где в 1844 г. 28 рабочих основали крошечное потребительное общество с несколькими фунтами капитала. Из этого слабого ростка выросло современное могущественное кооперативное движение Англии, с его миллионами членов, многими десятками миллионов фунтов ежегодного оборота и миллионами фунтов ежегодной прибыли.

Мы не будем останавливаться на этой поучительной и славной странице новейшей социальной истории Англии. Нам достаточно констатировать, что, по общему мнению, современное кооперативное движение всецело вытекло из пропаганды Оуэна. Правда, оно далеко не осуществило возвышенного идеала отца английского социализма. Оно не послужило переходной ступенью к "новому нравственному миру". То, что великий утопист считал только первым шагом к цели, - кооперация потребителей, - является для современных продолжателей его дела конечной целью. Вообще, юношеский энтузиазм, отличавший первые робкие шаги кооперативного движения, совершенно чужд последнему в настоящее время. Но все же это несколько не колеблет знаменательного факта, что миллионы рабочих Англии и всего мира, извлекающие ныне вполне реальные экономическая выгоды из кооперативного движения, обязаны благодарностью не кому иному, как наивному мечтателю Оуэну, вызывавшему в свое время столько издевательств со стороны людей так называемого здравого смысла, отлично понимающих свои ближайшая выгоды, но совершенно лишенных способности проникать взором в грядущее. Как евангельский сеятель, наш утопист рассеял много семян, большинство которых упало на каменистую почву, заглохло и не дало ростков. Но одному семени посчастливилось: оно укоренилось и мало-помалу выросло в роскошное и могучее дерево, укрывшее свою сенью миллионы тружеников, для которых работал Оуэн. Этим семенем было кооперативное движение. И таким образом, мечта облеклась в плоть и кровь, превратилась в действительность и стала трезвой правдой, которая теперь у всех на глазах и всем кажется такой простой и будничной вещью. А далеко ли то время, когда эта обыденная действительность была несбыточной мечтой?

Сен-Симон и сен-симонисты

Политическая экономия долгое время была по преимуществу английской наукой - не вследствие какой-либо прирожденной склонности британцев к изучению хозяйственных явлений, а благодаря особенностям социального строя Англии. Англия была и остается авангардом человечества в области социального прогресса. Политическая экономия - специфический продукт капиталистического строя. В Англии раньше, чем в других странах, этот строй достиг преобладания - неудивительно, что и политическая экономия нашла себе самую благодарную почву в Англии. Но по мере того, как капитализм охватывал все новые и новые территории Старого и Нового света, стало распространяться и изучение политической экономии. В XVIII веке и в первой половине XIX века капиталистическое хозяйство было наиболее развито среди стран европейского континента, во Франции. Франция шла в этом отношении непосредственно вслед за Англией. Для Франции политическая экономия не была чуждой наукой, привозным товаром английского происхождения. В лице физиократов, особенно Кенэ и Тюрго, Франция имела в XVIII веке экономистов, превосходивших Ад. Смита силой теоретической мысли, хотя и далеко уступавших

этому последнему по пониманию практических задач своего времени и по отзывчивости к социальным течениям эпохи. Физиократы были слишком теоретичны - они были не только теоретиками, но и доктринерами, говорившими языком, непонятным для толпы, и создавшими теории, непригодные для применения к практической жизни. Система Смита, отчасти опиравшаяся на теории физиократов, была несравненно выше физиократических учений, как система практической политики; и потому Смит быстро затмил не только у себя на родине, но и во Франции, своего гениального предшественника - Кенэ. В лице Жана Батиста Сэя, Смит нашел во Франции популяризатора, или, скорее, вульгаризатора, обладавшего даром ясного изложения при значительной неясности мысли, неспособной к абстракции и теоретическому углублению. Эта слабость Сэя, еще больше, чем его сила как выдающегося стилиста и талантливое излагателя чужих мыслей, содействовала успеху учения Смита на континенте. Расплывчатое, многословное, несистематичное, местами глубокое и почти гениальное, а в общем цельное, могучее и объединенное господствующей мыслью великое творение Смита было превращено Сэем в распланированный, с обычным французским мастерством, упрощенный и обесцвеченный "курс" политической экономии, доступный всякому, даже самому ограниченному пониманию. Одним из секретов успеха Сэя было также и то, что в его обработке учение Смита утратило столь характерную для великого шотландца струю горячей симпатии к рабочим классам. Смит был переработан в интересах буржуазии, и буржуазия европейского континента, принявшая этого обезвреженного Смита из рук Сэя, провозгласила автора "Богатства народов" своим умственным Аллахом, а его вульгаризатора Сэя пророком новой религии свободной конкуренции и наибольшего барыша.

Но та же Франция выдвинула и людей иного духа. Если классическая политическая экономия была преимущественно творением англичан, в котором на долю французов выпала второстепенная роль, то утопический социализм может считаться духовным чадом Франции. Правда, англичане имели своего великого утописта Оуэна; но сила и значение Оуэна были не в теории, а в практике. Его прочным памятником остается развернувшееся ныне во весь свой могучий рост кооперативное движение; как теоретик Оуэн стоит гораздо ниже представителей французских утопистов - Фурье и, особенно, Сен-Симона.

Мы не знаем в истории человеческой мысли более ослепительной и блещущей всеми красками фигуры, чем граф Генрих де-Рувруа Сен-Симон (1760-1825), потомок Карла Великого и внучатый племянник герцога Сен-Симона, автора знаменитых мемуаров о французском дворе. В Сен-Симоне есть что-то чуждое нашей эпохе, что-то слишком яркое и вдохновенное, как бы отголосок давно минувшего времени. Историческое имя, связывающее Сен-Симона с величавой личностью Карла Великого, так пристало гениальному утописту. В Сен-Симоне воскресает перед нами средневековый рыцарь, с его гордостью, бесстрашием, чувством чести, верностью своей даме, любовью к славе, блеску и шуму боя. Правда, он не мечом завоевал свою славу; героическая борьба, которую он вел, не сопровождалась пролитием крови; и если у него была дама, которой он служил всю свою жизнь как верный до гроба любовник, то эта дама не требовала человеческих жертв. Ибо Сен-Симон был рыцарем Святого Духа и Истина была его дамой. Пророк и рыцарь - в этих двух словах вся характеристика этого истинного героя мысли.

Он родился в знатной семье и получил блестящее воспитание. В числе учителей, приходивших давать ему уроки, были такие люди, как Д'Аламбер. Когда Сен-Симону не было и 13 лет, он внезапно объявил отцу, что изменил свои религиозные убеждения и не желает причащаться. Суровый отец заключил его в тюрьму. Смелый юноша бежал оттуда, после удара ножом тюремщику.

Любовь к славе и сознание своего высокого призвания очень рано пробудились в Сен-Симоне. Говорят, лакей обязан был будить молодого графа следующими словами:

"Вставайте, граф, вас ждут великие дела". Действительно, великие дела предстояли Сен-Симону, но время для них наступило не скоро. Судьба готовила гордому графу трудную жизнь, исполненную всевозможных лишений; и только на закате, когда косые лучи вечернего солнца едва пробивались сквозь тучи, закрывшие небосклон, и весь долгий жизненный путь стал представляться бедному искателю новой правды длинной цепью неудач, унижений и разочарований, он вышел на дорогу, приведшую его в храм славы.

Едва юношей, Сен-Симон отплыл в Америку офицером французского корпуса, отправленного для помощи восставшим английским колониям. В течение пяти лет он храбро дрался с англичанами и, наконец, попался в плен. По заключении мира, двадцатитрехлетний воин вернулся на родину с чином полковника королевских войск, французским орденом св. Людовика и американским орденом Цинцината. Перед ним открывалась блестящая военная карьера. Его назначают комендантом такой важной крепости, как Мец. Но Сен-Симон быстро пресыщается служебными успехами. Его честолюбие больше - он не ищет славы на военном поле. Он еще сам не знает, где его истинный путь, но чувствует постоянную неудовлетворенность, ломает свою жизнь, теряет колею и начинает лихорадочно переходить от одного дела к другому. Он бросает Францию, путешествует по Европе и, наконец, попадает в Испанию, где обращается к королю с фантастическим предложением: взять на себя прорытие канала, долженствующего соединить Мадрид с морем, причем работы должны исполняться иностранцами, которых Сен-Симон обязуется завербовать на военную службу королю.

Между тем, во Франции разражается революция. Наш искатель приключений возвращается в свое родовое имение, отклоняет свой выбор в общинные мэры, на том основании, что для народа опасно вручать власть прежнему дворянству, и отказывается от графского титула. Революция лишила Сен-Симона его родового состояния, но дала ему возможность заняться некоторыми спекуляциями, которые должны были бы доставить разорившемуся потомку Карла Великого огромное богатство, если бы не его чрезмерное доверие к своему компаньону Редерну. Дело кончилось тем, что Редерн получил несколько миллионов, а Сен-Симон должен был удовольствоваться сравнительно скромной суммой в 150.000 франков, что для такого важного барина, привыкшего к роскошной жизни и не считавшего денег, было сущим пустяком. Но Сен-Симона несколько не смутила потеря состояния; он увидел в этом доказательство различия между такими людьми, как он, и такими, как Редерн. "Дороги, которыми мы следовали, - писал он по этому поводу позднее, - были совершенно различны: он (Редерн) направился в грязные трясины, где богатство построило свой храм, в то время как я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершине которой находится алтарь славы".

Около этого времени Сен-Симон приходит к убеждению, что у него есть высшее призвание - преобразовать науку, объединить в одно гармоничное целое разрозненные знания человечества, и принимается за изучение точных наук, но довольно необыкновенным способом: приглашает к себе профессоров политехнической и медицинской школы, дает им роскошные обеды, угощает тонкими винами и в промежутке между двумя блюдами разговаривает с учеными о всемирном тяготении, законах неорганических и органических тел и пр. Конечно, изучение такого рода не могло сообщить Сен-Симону никаких серьезных знаний; но ни к какому ученичеству наш философ и не был способен по самой своей натуре. Он мог жить только в своем особом мире, созданном его фантазией, и его единственным учителем был его собственный гений.

После такого своеобразного курса точных наук Сен-Симон приходит к убеждению, что ему нужно расширить свой жизненный опыт, познать все страсти людей, изучить их слабости. Ему нужно широко открыть двери своего салона для самого разнообразного общества - светских людей, художников, артистов, игроков, красивых женщин и пр. и пр. Но он не женат - его салон лишен хозяйки. И вот Сен-Симон, ради успеха своих наблюдений над ярмаркой человеческого тщеславия, женится на красивой и привлекательной даме. Намеченная программа выполняется блестящим образом: достаточно было одного года, чтобы остатки состояния Сен-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими приемами. Он остается нищим и расходится со своей женой.

С этого времени, когда Сен-Симону было уже более 40 лет, для него начинается трудный и тернистый путь лишений и нужды. Судьба позаботилась о том, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомые им познания выбранным им самим методом: заставив его испытать в своей личной жизни все разнообразные положения, в которые только может попасть человек. Вторая половина жизни Сен-Симона представляет собой такой глубокий контраст с первой, какой только можно себе представить.

Перед нами уже не богатый знатный барин, покровительственно принимавший ученых, не занимавшийся никаким определенным делом и слегка интересовавшийся всем. Он даже больше не граф, так как официально отказался от этого титула, он не имеет никакого состояния и в то же время совершенно лишен способности зарабатывать деньги скромным трудом. В его голове постоянно возникают планы научных работ, один другого грандиознее, и он с неутомимым жаром работает над развитием своих идей. Но, увы! Счастье от него отвернулось. Одна неудача следует за другой. Его попытки обратить на себя внимание ученого мира кончаются унижительными фиаско. Его восторженность вызывает веселый смех, а научные доводы - улыбку сожаления. Жизнь начинает производить над нашим философом свои жестокие опыты, как бы в отместку за его опыты над своей собственной жизнью.

Последняя попытка Сен-Симона к самостоятельному экспериментированию над жизнью стоит того, чтобы о ней рассказать. В это время во всем мире гремела слава г-жи Сталь, как умнейшей и образованнейшей женщины Европы. И вот, Сен-Симон, расставшись со своей женой, едет в Женеву к г-же Сталь, которая вряд ли когда-либо слышала его имя, и обращается к ней с речью, приблизительно в таком роде: "Вы - замечательнейшая женщина своего времени, я замечательнейший мужчина. Почему бы нам не стать мужем и женой?" Сталь имела настолько ума, чтобы только рассмеяться над этим удивительным предложением, которое можно было принять за поступок сумасшедшего.

В Женеве Сен-Симон издает свой первый литературный труц - "Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains" - маленькую брошюру из трех писем, неясную, вдохновенную и почти безумную, в которой мысль великого социалиста еще только расправляет свои крылья для могучего полета впоследствии. Первое письмо так коротко, что мы приведем его почти целиком.

"Я не молод, - начинает Сен-Симон свое обращение к современникам, - я много наблюдал и думал в течение всей своей жизни, и целью моих работ было ваше благо: я придумал план, который мне кажется полезным для вас, и я изложу вам его".

"Откройте подписку над могилой Ньютона: подписывайтесь все, сколько хотите!"

"Пусть каждый назовет трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех писателей, трех живописцев, трех музыкантов".

"Каждый год возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будет свободен называть хотя бы тех же самых лиц".

"Разделите сумму, собранную по подписке, между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими наибольшее число голосов".

"Попросите президента Лондонского Королевского Общества принять вносимые деньги".

"В следующие годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подписке".

"Потребуйте от тех, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денег от кого бы то ни было, и оставьте их безграничными господами своих сил..."

"Этой мерой вы возрастите вождей для тех, кто работает над прогрессом человеческого знания, вы облечете этих вождей величайшим авторитетом и передадите в их распоряжение огромную денежную силу".

Во втором письме Сен-Симон говорит, что он имел видение. Ночью он услышал голос, который ему возвестил:

"Рим перестанет быть главой моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанут говорить от моего имени... Я запретил Адаму различать добро от зла -он не послушался меня. Я его изгнал из рая, но я оставил потомству Адама средство утолить мой гнев: пусть люди работают над усовершенствованием познания добра и зла, и я улучшу их участь. Наступит день, когда земля будет раем..."

"Узнай что я поместил Ньютона рядом с собой, доверил ему управление светом и поручил ему владычество над людьми всех планет".

"Собрание 21 избранника человечества получит название совета Ньютона. Совет Ньютона будет представлять меня на земле; он разделит человечество на 4 части, которые будут называться: английской, французской, германской и итальянской. Каждая из этих частей будет иметь совет, образованный так же, как и верховный совет. Всякий, где бы он ни жил, выберет себе одну из этих частей и будет избирать верховный совет, а также совет своей части".

"Женщины также будут избирать и будут избираемы".

Эти выдержки дают представление об общем тоне этого странного литературного произведения. Можно думать, что Сен-Симон его написал в состоянии крайнего, почти болезненного экстаза. Но, как увидим ниже, несмотря на свою экзальтированную и бессвязную форму, первая работа Сен-Симона уже содержит в зародыше некоторые глубокие, даже прямо гениальные идеи, более полно развитые им впоследствии.

Нечего и говорить, что эта брошюра не дала Сен-Симону ни славы ни денег... А деньги ему были нужны для жизни. С большим трудом ему удалось приискать себе место переписчика в ломбарде, с жалованьем в 1.000 франков в год за 9-часовую ежедневную работу. Для научной работы нашему философу оставались только ночи. К счастью, судьба вскоре свела его с его бывшим слугою Диаром, который сжалился над бедственным положением своего прежнего господина и предложил ему даровую квартиру и содержание. И вот, Сен-Симон поселяется у Диара.

Ему нисколько не кажется унижительным жить милостыней своего прежнего слуги. Он весь поглощен задуманными им великими трудами: на средства Диара он печатает несколько научно-философских работ, не обративших ничьего внимания. Вскоре судьба наносит бедному искателю истины новый удар: Диар умирает. Обнищавшему философу не на что печатать свои произведения, и он возвращается к первобытному способу распространения человеческого слова: собственноручно переписывает свои сочинения в нескольких десятках экземпляров и рассылает их выдающимся ученым, сопровождая посылку письмами такого содержания:

"Милостивый государь! Будьте моим спасителем. Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом; но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочитать мое сочинение, я спасен. Преданный в продолжение многих лет отысканию

нового пути в области мысли, я по необходимости должен был удалиться от школы и от общества... Я сделал открытие чрезвычайной важности... Занятый единственно общим интересом, я пренебрегал своими собственными делами и через это дошел до следующего положения: мне нечего есть, я работаю без огня. Я продал даже свою одежду для того, чтобы иметь возможность переписать свое сочинение. Стремление к науке и общественному благу, желание найти средства для мирного окончания страшного кризиса, в котором находится европейское общество, привели меня в столь несчастное положение, и потому я не краснея признаю свою бедность и прошу помощи для того, чтобы продолжать своей работу".

Итак, гордый потомок Карла Великого открыто просил милостыни у незнакомых людей. Но этого мало: он просил милостыни и не получал ее. И еще более: он не только не получал милостыни, но и его научные труды, сопровождаемые такими унижительными посланиями, оставались непрочитанными. Казалось, все соединилось для того, чтобы сокрушить самоуверенность Сен-Симона. Но тут и проявилось во всей своей силе величие его духа; ничто на свете, ни крайняя нищета, ни общее равнодушие и невнимание к его работам, ни полное одиночество, ни надвигавшаяся старость, при неизвестности будущего, не могли в этот самый тяжелый период жизни Сен-Симона заставить его склонить свою гордую голову. Обращаясь с просьбами о помощи и рассказывая о своих бедствиях, он держит себя со спокойным достоинством избранника неба и прирожденного повелителя людей.

В посвящении своему племяннику Виктору, приложенном к одному его сочинению, изданному в это время, Сен-Симон говорит в вдохновенном тоне о "великих обязательствах", возлагаемых на их семью их высоким происхождением. "Я бросил меч, чтобы взяться за перо, - говорит он, - так как чувствовал, что природа влекла меня к великим целям на научном поприще". История показывает, что все великие дела были исполнены людьми знатной породы. Сен-Симоны должны быть гордыми "до надменности", ибо судьба низвела их с высоты престола до самих низших рядов подданных. Однажды, в эпоху террора, когда Сен-Симон сидел в тюрьме, ему явился ночью Карл Великий и сказал: "С тех пор, как существует мир, ни одной семье не выпало чести создать и героя и философа первого разряда;

моему дому досталась эта честь. Сын мой, твои успехи, как философа, сравнятся с теми, каких я достиг как воин и политик".

В письме к тому же Виктору наш философ высказывает следующее: "Безумие, мой дорогой Виктор, не что иное, как высшая экзальтация, и эта высшая экзальтация необходима для совершения великих дел... В храм славы входят только клиенты домов сумасшедших, но не все клиенты сумасшедшего дома попадают в храм славы... На миллион одному удастся войти - остальные свертывают себе шею".

Одной из самых поражающих черт характера этого удивительного человека была прямо беспредельная наивность, с которой он относился к людям. Редерн обобрал его и лишил состояния. Сен-Симон поссорился с Редерном, отзываясь о нем крайне резко, как о человеке самом ничтожном и заслуживающем полного презрения. И вот, очутившись в крайности, бедный философ составляет проект привлечь к изданию своих научных работ не кого иного, как этого самого Редерна. Сен-Симон пишет своему врагу длинное послание, в котором излагает сущность своих философских воззрений и просит обеспечить ему жизнь и научную деятельность. Какое дело было Редернуде теории обобранного им неудачного спекулянта? Но наш философ детски простодушен в вопросах практической жизни; с подобными же просьбами он обращается решительно ко всем, даже к Наполеону. И характер всех этих просьб неизменно один и тот же: вдохновенные, запутанные и неясные рассуждения об общих вопросах, и в заключение трогательное по своей наивности предложение (именно скорее предложение, чем просьба) помочь умирающему от голода философу. Со всеми Сен-Симон говорит совершенно одинаково - со своим бывшим слугой

Диаром так же, как и с Наполеоном. Со всеми он говорит как высший избранник, как потомок и наследник Карла Великого, ничего не боящийся и сознающий, что ничто на свете не может его унижить.

В обращении к Наполеону Сен-Симон обещает указать средство сокрушить морское могущество Англии; этим средством оказывается отказ Наполеона от завоевательных планов. Если же Наполеон не послушает советов дружески расположенного к нему философа, то погубит себя и Францию. Неудивительно, что в ответ на это Наполеон приказал полиции следить за Сен-Симоном.

Крайняя наивность и вера в людей, непонимание их психологии и навязывание им своих собственных настроений и чувств вытекали у нашего утописта из чрезвычайного богатства его внутреннего мира. Грандиозные планы непрерывно возникали в его мозгу и поглощали все его внимание. Он был в состоянии постоянного экстаза, его умственный взор был обращен так далеко, что почти не различал близких предметов. И потому каждый раз, как гениальному мыслителю приходилось вступать в соприкосновение с практической жизнью, он оказывался детски беспомощным и смешным.

Вслед затем положение Сен-Симона несколько улучшается: благодаря тому, что его восторженная проповедь находит себе, наконец, некоторый отклик, у него появляются ученики. Правда, их немного, но зато среди них были люди такой огромной умственной силы, как философ Опост Конт или историк Огюстен Тьери. Последний даже присвоил себе в печати название "приемного сына Сен-Симона". Такие ученики могли заменить недостаток внимания к идеям Сен-Симона среди мира официальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бывают более глубоких ран - жизнь подачками богатых покровителей стала невыносимой для бедного чудака философа, уже одряхлевшего и лишившегося своей прежней гордой силы: в мае 1825 г. он проделал свой последний и самый печальный жизненный опыт - выстрелил в себя из пистолета. Но он не умер, а только лишился глаза. После этого он прожил еще около двух лет и вскоре после выхода в свет своего последнего сочинения "Le nouveau christianisme" скончался, как истый мудрец, на руках своих учеников.

Последние слова Сен-Симона были обращены к его любимому ученику Родригу: "Яблоко зрело, - сказал он, - о вы его сорвете. Мой последний труд "Новое христианство" не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это ошибка: религия не может исчезнуть из мира; она только преобразуется... Родриг, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей". Затем наступило короткое молчание и умирающий прибавил: "Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам". С этими словами он положил руку на голову и умер.

В чем же заключалось духовное наследство, которое завещал своим ученикам этот необыкновенный человек? Что давало Сен-Симону эту несокрушимую уверенность в себе, эту силу переносить самые унижительные положения с гордостью короля? Какова была философия этого нового Сократа, отвергнутого современниками, но с такой бодрой верой смотревшего в будущее?

Значение Сен-Симона в истории мысли так громадно, что не может быть преувеличено. Мы считаем его гениальнейшим социальным мыслителем нового времени, глубоко заложившим верной рукой прочный фундамент научного знания, над завершением которого предстоит трудиться еще многим поколениям. Идеи Сен-Симона оплодотворили не одну какую-либо науку, но весь цикл наук, изучающих человеческое общество. Философия истории, социология, политическая экономия,

отчасти право в своих высших обобщениях и до настоящего времени непосредственно примыкают к Сен-Симону. Этот замечательный мыслитель с гораздо большим основанием, чем Маркс, должен быть признан создателем современной науки об обществе.

Уже в первой своей странной и загадочной работе "Let-tres d'un habitant de Geneve" Сен-Симон высказывает глубокие мысли, значение которых для нас ясно только теперь, после Маркса. В своем фантастическом воззвании к человечеству Сен-Симон обращается к трем общественным классам, на которые распадается современное человечество. Первый класс "идет под флагом прогресса человеческого разума; он складывается из ученых, художников и всех тех, кто стоит за либеральные идеи. На знамени второго класса начертано: "Никаких нововведений!". В состав этого класса входят все собственники, не принадлежащие к первому классу. Третий класс, лозунгом, которого является равенство, охватывает собой остальную часть человечества".

Итак, Сен-Симон указывает 3 класса, из которых состоит общество нашего времени. Первый класс движет вперед человеческую мысль; второй по своему существу консервативен и является опорой порядка; третий - враждебен господствующему историческому строю, основанному на неравенстве и подчинении, и требует нового общественного устройства, в основание которого должна быть положена идея равенства.

Как мало слов в этих нескольких строках Сен-Симона и как поразительно много в них содержания! Чтобы оценить их значение, нужно знать, как редки оригинальные идеи в сокровищнице человеческого знания. Новые идеи походят на крупинки блестящего золота среди серых груд грубого песка, которого нужно промыть сотни пудов, чтобы отыскать несколько золотников благородного металла. В словах Сен-Симона содержится в зародыше одно из важнейших социологических обобщений нового времени - учение об общественном классе, как составном элементе современного общества и о классовой борьбе, как естественном результате классового сложения общества. Для взглядов Сен-Симона крайне характерно, что в основу своего деления общества на классы он кладет не один, а два различных признака: с одной стороны, экономический признак (владение имуществом - класс собственников и не собственников), с другой - интеллектуальный признак (характер занятий и взглядов - класс ученых и вообще, сторонников либеральных идей - приблизительно то, что у нас называют интеллигенцией). Эта двойственность отнюдь не случайна у нашего автора; она вытекала из всего его понимания процесса общественного развития. Как увидим ниже, Сен-Симон признавал две основные силы, движущие вперед человечество: прогресс человеческого знания и развитие хозяйства. Сен-Симон как социолог был не монистом, а дуалистом; подмечая с чрезвычайным остроумием экономические причины социальных переворотов, он в то же время считал успехи знания особой и самостоятельной причиной общественного прогресса.

В своей первой брошюре наш мыслитель высказывает и свою другую любимую идею: разделения общественной власти на духовную и светскую, причем духовная должна принадлежать людям знания и мысли, а светская - тем, кто является руководителем хозяйственного процесса производства. Наиболее странное место брошюры - обоготворение Ньютона - тоже не лишено глубокого смысла. Здесь находит себе выражение заветная мечта Сен-Симона - уничтожить антагонизм религии и науки, засыпать пропасть между ними, привести их к гармоническому единству, создать позитивную религию, основывающуюся на науке, но не лишаящую человечество высшего духовного дара - энтузиазма к добру.

Все эти мысли, едва намеченные в первой работе Сен-Симона, получили блестящее развитие в его последующих трудах, из которых наиболее важны три - "Systeme industriel", "Catechisme des Industriels" и "Nouveau Christianisme".

В "Промышленной системе" Сен-Симон дает поистине гениальный очерк философии европейской истории. Человечество, - говорит он, - неизменно проходит в своем развитии три стадии. Первая стадия характеризуется господством духовенства в области духа и военного класса в светской области. Для последней стадии характерно господство ученых и точных наук в области духовных интересов и промышленных классов - в сфере интересов материальных. Промежуточная стадия характеризуется преобладанием в сфере духовной - метафизиков, в сфере материальной - юристов и законовевдов.

В средние века господствующими классами в Европе были феодальная военная аристократия и духовенство. На чем же основывалось преобладание этих классов?

На том, что именно в этих классах сосредоточивались источники национальной силы.

Аристократия была самым необходимым классом общества, ибо на ней лежала важнейшая обязанность того времени - военная оборона страны. Рыцари были не праздными людьми, а самыми важными и ценными работниками, в которых всего более нуждалось общество. Они защищали трудящиеся классы, которые без помощи рыцарского меча и копья погибли бы от вражеских нападений. Баярд был полезнейшим человеком своего времени. Что касается до духовенства, то в его руках был другой источник силы - знание. Оно сосредоточивало в себе все просвещение, все знания средних веков. Этот социальный строй держался в течение многих веков потому, что он был в полной гармонии с состоянием общественных сил.

Промышленность была во младенчестве и война - важнейшим занятием народа, то как средство обогащения, то как средство отражения нападений врагов.

Неудивительно, что при таких условиях военные преобладали в обществе, что в их руках сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы играли подчиненную роль. Точно также понятно, при низком уровне умственного развития и при детском состоянии точных наук, преобладание духовенства в сфере высших духовных интересов.

Но мало-помалу промышленники, бывшие долгое время рабами феодалов, достигли сначала личной свободы, а затем и экономического благосостояния. Около этого времени рыцарству, как военному классу, был нанесен смертельный удар не на поле брани, а в лаборатории скромного монаха. Изобретение пороха покончило с рыцарством и подчинило военную силу промышленности. Деньги и вообще экономическая мощь становятся решающим фактором военного могущества. Соответственно этому значение промышленных классов растет, а феодальной аристократии падает; выражением этого процесса явилось постепенное перемещение земельной собственности из рук аристократии в руки промышленников. Мало-помалу большая часть движимой и недвижимой собственности сосредоточилась у промышленных классов. Вместе с тем и политическое влияние должно было перейти классу, экономически преобладавшему, т. е. к тем же промышленникам.

В то же время развитие точных наук привело в духовной области к утрате преобладающего положения духовенства. Ученые стали умственными вождями общества. Таким образом, и светская и духовная власть переместилась в обществе из одних классов в другие. Эта-то скрытая, но глубочайшая общественная перемена, а не действия тех или иных министров или народных вождей, и была основной причиной великой французской революции. Грандиозный политический переворот конца XVIII века был вызван не отдельными случайными политическими событиями, а тем, что политический строй, раньше соответствовавший внутреннему соотношению общественных сил, перестал соответствовать этому последнему. Политическая революция была естественным следствием общественных перемен, медленно совершавшихся на протяжении нескольких веков.

Но так как феодальная система, основанная на преобладании военной силы и духовенства, совершенно противоположна промышленной системе, то феодализм не может перейти в высшую общественную фазу без промежуточной системы. Между низшей и высшей системой должна быть некоторая переходная система - метафизическая. Политический и общественный строй, вышедший из революции, - парламентаризм - и является такой переходной системой. Парламентаризм есть метафизическое создание юристов и философов, чуждых положительной науке. Этот образ правления не открыт из изучения общественного развития, а придуман метафизиками, поставившими себе совершенно ненаучную задачу - изобрести идеальное политическое устройство. Действительно, что такое знаменитая декларация прав человека, как не применение высшей метафизики к высшей юриспруденции?

Но европейское общество не достигнет внутреннего мира, пока революция не будет завершена. До сих пор революция только разрушала - теперь она должна созидать. Метафизический переходный период должен закончиться возникновением нового политического и общественного порядка, гармонирующего с новым состоянием общества. Этим строем будущего должна стать промышленная система.

Духовная власть должна сосредоточиться в руках ученых, а светская перейти в руки фактических руководителей производства - предпринимателей, промышленников. "Истинная конституция, - говорит Сен-Симон, - не может быть изобретена - она должна быть открыта. Истинным законодателем является не король и не законодательные собрания. Таким законодателем следует считать философа, изучающего движение цивилизации и резюмирующего свои наблюдения в общественном законе, который и становится руководящим принципом законодательства". Конституция прочна только тогда, когда она выражает собой внутреннее состояние общества. Нельзя создать новой политической силы; ее можно только признать таковой, когда она достаточно обнаружилась. Это признание или, говоря иначе, законодательная санкция господствующих в обществе сил и есть то, что называют конституцией, которая, в противном случае, является только метафизической мечтой. Так например, палата лордов в Англии есть действительная политическая сила, так как лорды выражают собой характерную черту английского социального строя - именно, концентрацию земельной собственности в руках немногих лиц. Значение палаты лордов в Англии основывается не на теориях политического равновесия и тому подобных метафизических измышлениях, а на реальном факте, - на факте существования общественной силы, которая находит себе выражение в этом учреждении. Напротив, во Франции, где палата пэров была придумана по политическим соображениям, это учреждение не имеет никакого значения, потому что за ним не скрывается никакой общественной силы. Поэтому, и конституция Франции должна быть иная, чем конституция Англии. Королевская власть должна опираться во Франции на те общественные классы, которые во Франции действительно преобладают, т. е. на промышленников и ученых.

Читателю, незнакомому с состоянием исторической науки в начале XIX века, трудно достойным образом оценить значение нового освещения, в котором выступает у Сен-Симона история Европы. Как остроумно указание Сен-Симона на связь политического устройства с состоянием внутренних сил данного общественного организма. И как глубока и блестяща его критика французской конституции! Знаменитый социологический "закон" развития человеческого ума - прохождение всяким человеческим знанием трех стадий: теологической, метафизической и позитивной - этот "закон", открытием которого так гордился Огюст Конт и который был положен им в основу "позитивной философии" - был формулирован гораздо раньше вполне отчетливо не кем иным, как Сен-Симоном. Вообще, все основные идеи "позитивной философии" были заимствованы Контом у Сен-Симона, к которому Конт обнаружил впоследствии такую низкую неблагодарность.

Так называемое материалистическое понимание истории, связываемое обыкновенно с именем Маркса, также нашло себе, задолго до Маркса гениального выразителя в Сен-Симоне. Правда, автор "Нового христианства" был, в противность Марксу, не монистом, а дуалистом: он не считал эволюцию хозяйства единственным решающим моментом общественной эволюции и рядом с развитием хозяйства ставил в качестве самостоятельной движущей силы прогресса развитие человеческого знания. Но это не мешало Сен-Симону ничуть не хуже Маркса подмечать экономические причины исторических событий. Таково, например, его материалистическое объяснение причин великой революции; всем последующим историкам оставалось в этой области только дополнять и развивать идеи нашего мыслителя.

Значение классовой борьбы в истории также было понято Сен-Симоном. В "Catechisme des Industriels" наш философ изображает французскую историю как борьбу землевладельческой аристократии с промышленным классом. Королевская власть со времени Людовика XI примкнула к промышленникам (городским общинам); это и дало ей успех в борьбе с феодалами. Но Людовик XIV и его преемники изменили старинной политике французских королей и заключили союз с феодалами против промышленников, что и повело к революции. В новейшее время промышленники распались в свою очередь на два класса. Из их среды выделились денежные капиталисты, банкиры, составившие новую денежную аристократию, столь же враждебную остальной трудящейся массе промышленных классов, как и старая земельная аристократия. Таким образом, создался антагонизм владения и труда. Денежная аристократия вместе с юристами образуют в настоящее время средний класс общества, составляющий опору либеральной партии. Революция пошла на пользу именно этому среднему классу. Лозунгом либералов по отношению к правительству является "ote-toi de la que je m'y mette" ("освободи, мне место, чтобы я его занял"). Партия промышленников не имеет ничего общего с либералами. Ее задачи заключаются в создании нового хозяйственного и общественного строя, в котором работающие классы займут господствующее место, соответствующее их преобладающей роли в создании богатства и знания. Все существовавшие до сих пор общественные системы основывались на господстве человека над человеком, монополиях, привилегиях. Напротив, промышленная система должна уничтожить всякие общественные привилегии и доставить возможность совершенно свободного развития человеческих способностей, труда и таланта.

Но кого же понимает Сен-Симон под названием "промышленников", в защиту которых он возвышает свой голос? Здесь господствует в воззрениях нашего философа значительная неясность, зависевшая от того, выступивши с совершенно новыми воззрениями на природу общественных отношений, он не довел своей мысли до конца и остановился на полдороги. Он понимал социальные антагонизмы и угадал значение классовой борьбы; но как ни глубоко проникала его мысль, глубочайшего антагонизма современного общества - антагонизма труда и капитала - он не усматривал с полной ясностью. Под промышленными классами общества Сен-Симон обыкновенно понимает не только рабочих, но и предпринимателей-капиталистов, противопоставляя и тех и других классу землевладельцев и праздных капиталистов, к которым он причисляет представителей денежного капитала. Таким образом, в корне всех рассуждений Сен-Симона об отношениях общественных классов лежала некоторая недоговоренность и спутанность, дававшая возможность делать из этих рассуждений диаметрально противоположные выводы. Смотря по тому, кого считать промышленниками - капиталистов или рабочих, можно было истолковывать его идеи в смысле благоприятном представителям труда или капитала. Но не подлежит сомнению, что сам Сен-Симон, по мере большего и большего углубления в природу современного общества, все более и более суживал понятие "промышленников" представителями умственного и физического труда.

Так в своем последнем предсмертном сочинении "Nou-veau Christianisme" он следующим образом формулирует основную заповедь своей религии - преобразованного христианства: "Религия должна направлять общество к высокой цели возможно скорого улучшения участи самого бедного и самого многочисленного общественного класса". Эта заповедь должна быть положена в основу всех общественных учреждений. Недостатком существующих религиозных систем является то, что они не преследуют цели улучшения участи бедняков.

Но не только в "Nouveau Christianisme" Сен-Симон признавал важнейшей задачей общества помощь беднейшему классу. В том же смысле он высказывался и раньше. Так, в "Промышленной системе" Сен-Симон говорит, что государство должно прежде всего позаботиться об "обеспечении участи пролетариев, причем работоспособным должна быть гарантирована работа, а неспособным к работе - содержание". Правда, средства достижения этой цели не выяснены у Сен-Симона. Может показаться странным, что, становясь на сторону пролетариев, Сен-Симон приглашает передать правление страной предпринимателям. Но странность эта вполне объясняется невыясненностью классового антагонизма предпринимателей и рабочих во Франции эпохи реставрации. В это время мелкое производство еще решительно преобладало в стране, и экономический антагонизм труда и капитала маскировался политическим антагонизмом старинной феодальной аристократии и непривилегированных классов, с одной стороны, и труда, включая сюда как буржуазию так и рабочих, с другой.

Свои воззрения на относительную социальную ценность различных общественных классов Сен-Симон выразил в красивом сравнении: "Часто сравнивают общество с пирамидой. Действительно, общество походит на пирамиду, построенную из различных материалов, достоинство которых тем ниже, чем дальше удален данный слой от основания и чем он ближе к вершине. Основание общественной пирамиды состоит из гранита, затем идет несколько слоев также ценного материала, но верхняя ее часть, поддерживающая прекрасный бриллиант, есть не что иное, как позолоченный гипс. Основание пирамиды образуют производительные рабочие; первые слои над ними слагаются из предпринимателей, ученых, артистов. Высшие же слои, - позолота которых не может скрыть того, что они простой гипс - это придворные, аристократия разного рода, старая и новая, праздные люди, кто бы они ни были, все участники правительства, начиная от первого министра и кончая последним чиновником. Прекрасный же бриллиант, венчающий пирамиду - это королевская власть".

Мы изложили в общих чертах учение Сен-Симона. Весьма возможно, что читатель спросит: почему же мы называем этого замечательного мыслителя утопистом и в чем заключалась его утопия? На это можно ответить, что воззрения Сен-Симона представляют собой изумительнейшую смесь самых трезвых, реалистических построений с порывами самой необузданной фантазии. Что может быть утопичнее его приглашения открыть подписку над могилой Ньютона и таким путем преобразовать мир? Или его позднейшие мечты о передаче духовной власти ученым, а светской - промышленникам? Правда, он не создал таких детальных планов будущего общественного устройства, какие мы находим у других утопистов, например, у Оуэна или Фурье. Не кто иной, как Сен-Симон, признал глубокую истину, что конституция государства должна быть не изобретена, а открыта. Но всякий, знакомый с сочинениями великого мыслителя, согласится, что сам автор не был верен своему тезису. Фантазия постоянно влекла его к мечте и утопии. Экстаз был привычным состоянием души Сен-Симона, а в состоянии экстаза легче создавать воздушные замки, чем готовить кирпичи для жилых построек.

Отвращение Сен-Симона к организованной политической борьбе и вообще к политике также сближает его с другими утопистами. Как Оуэн обращался со своими проектами к государям Европы, так и Сен-Симон упорно пытался убедить Людовика

XVIII, что собственный интерес французской монархии требует отождествить ее дело с делом всего народа. Наш утопист не понимал, что политика королевской власти диктуется только реальным соотношением общественных сил, тесно связавшим во Франции дело Бурбонов с феодальной аристократией. Подобно Оуэну, Сен-Симон признавал только один путь социального преобразования - путь мирной пропаганды новых идей. "Новое христианство" достигнет господства так же, как и старое, - силой внутренней правды и высшей красоты своего учения. "Новые христиане могут стать мучениками, но они никогда не будут палачами". Богатые классы сами придут к убеждению, что их интересы не пострадают от преобразования общества на началах новой заповеди - "улучшения участи беднейшего класса", так как при новом общественном устройстве, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшению человечества, выиграют все классы населения.

Но, однако, в чем же заключается этот новый общественный строй, эта промышленная система, апостолом которой выступил Сен-Симон? Сам он не дал на это ясного ответа.

И если бы он не оставил после себя школы, продолжившей дело учителя, то сенсимонизм следовало бы считать скорее замечательной историко-философской теорией, чем определенной социалистической доктриной.

Умирая, Сен-Симон сказал ученикам, что вся его жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям возможно большее развитие их способностей, и указал способ, которым можно достигнуть этого, а именно - организацией особой партии рабочих. Завещание это было воспринято небольшой кучкой учеников, обладавших тем даром, который Сен-Симон ценил выше всего - даром энтузиазма. Во главе сенсимонистов стояло двое людей - Базар и Анфантен.

Первый был долгое время политическим заговорщиком и одним из вождей так называемых карбонариев. Сделавшись сенсимонистом, он не утратил своего революционного темперамента и политических интересов. Это была чрезвычайно замечательная личность и по уму и по характеру. Второй был чужд политической жизни и видел в сенсимонизме преимущественно новое нравственное учение и новую религию. Анфантен был во всех отношениях ниже Базара.

До революции 1830 г. сенсимонисты почти не обращали на себя общественного внимания. Но вот трон Бурбонов опрокинут, и Франция должна выбрать себе новый государственный строй. Через несколько дней после революции парижане увидели на стенах домов манифест никому неизвестной школы или секты, подписанный именами "Базар - Анфантен, провозвестники учения Сен-Симона". В манифесте требовалось уничтожение всех привилегий рождения, в том числе и наследственной собственности, провозглашался новый принцип распределения: "от каждого по его способности и каждому до его делам" и возвещалось в пророческом тоне много другого, столь же странного и непонятного. Манифест вызвал удивление и смех, но о сенсимонистах заговорили даже в палате депутатов, где некоторые представители народа сочли весь этот эпизод достаточно серьезным, чтобы обратить внимание правительства на опасность для общественного порядка от пропаганды новой секты.

Первые годы июльской монархии были коротким временем быстрого расцвета и столь же быстрого падения сенсимонистской школы. Восторженная речь, смелые и новые мысли, высказываемые в блестящей и образной форме, указывавшей на душевный подъем и глубокую веру, - все это не могло не заинтересовать публику. Некоторая театральность и искусственность сенсимонистского культа привлекла праздных любопытных. Не только в Париже, но и в провинциальных городах возникло несколько центров сенсимонистской пропаганды. В Тулузе, Монпелье, Дижоне, Лионе, Меце образовались церкви сенсимонистов, тесно связанные с главной церковью в Париже. Проповеди Базара и Анфантена собирали тысячи народа. Много талантливых и достаточных людей вошло в общину Сен-Симона. "Оставляя

свои занятия, свои стремления к богатству, свои привязанности детства,- говорит Луи Блан в своей известной "L'histoire de dix ans",- инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднейшие надежды... Это был опыт религии братства!.. Отсюда отправлялись миссионеры, чтобы сеять слово Сен-Симона по всей Франции, и эти миссионеры везде оставляли свои следы: в салонах, замках, отелях, хижинах. Одними они были встречаемы с энтузиазмом, другими с насмешкой или враждой. Но миссионеры были неутомимы в своей деятельности".

Инженеры, медики, адвокаты, поэты... а рабочие? Отчего о них не упоминает Луи Блан? Исполнилось ли предсказание великого учителя?

Нет. В противоположность оувэнизму, сен-симонизм остался до конца чуждым рабочему классу. Это было чисто интеллигентское движение, объединившее в себе на некоторое время многих талантливых людей из достаточных классов. Из среды сен-симонистов вышли блестящие ученые, философы, публицисты, но никакого прямого влияния на рабочее движение сен-симонизм не оказал. Сенсимонизм был слишком аристократичен - отрицая родовую аристократию, Сен-Симон провозгласил аристократию духа - ума и таланта. Гениальный автор "Нового христианства" был чужд практической жизни, и потому из его дела не могло получиться практических результатов.

"Семейство" Сен-Симона получило характер правильно организованной религиозной общины. Анфантен и Базар получили титулы "верховных отцов". Анфантен венчал сен-симонистов, совершал религиозные обряды при погребении. В мастерских общины работало временами до 4000 человек, а ежегодный бюджет ее превышал 200.000 франков. Но все эти успехи были мимолетны. Уже в конце 1831 г. в "семействе" произошел раскол: верховные отцы, Базар и Анфантен, решительно разошлись по вопросу о положении женщины в новой церкви. Анфантен утверждал, что мужчина и женщина составляют один нераздельный социальный индивид, почему во главе церкви должна стоять пара, из мужчины и женщины. Вместе с тем он провозгласил новое нравственное учение - *rehabilitation de la chair* (восстановление прав плоти). И тело, и дух равно прекрасны, - чувственность так же законна и нравственна, как и стремления нашего духа. Базар, отказавшийся принять это учение, должен был выйти из "семейства" и скоро умер.

Анфантен остался главой церкви. Пустое кресло, стоявшее рядом с ним в собраниях общины, красноречиво говорило, что церкви не хватает подруги верховного главы - женщины первосвященника. Наступает последний и самый грустный период истории сен-симонизма. Возвышенное учение вырождается в смешной фарс. Община повсюду ищет женщины, согласной и достойной занять высокое место матери сен-симонистов. Делается все возможное, чтобы привлечь эту недостижимую и недоступную женщину. К ней обращаются с горячими мольбами в религиозных собраниях, ее ищут на балах, устраиваемых "семейством" специально с этой целью, для ее отыскания устраиваются поездки в разные города Франции. Не мешает заметить, что тот, подругу которого так пламенно искали - Анфантен - был молодым и очень красивым мужчиной с черными глазами и выразительными чертами лица. В этих поисках расходуются значительные суммы, собранные путем пожертвований разных богатых людей, сочувствовавших сенсимонизму.

Затем следует финансовый крах, и "семейство" оказывается несостоятельным. Но история последних, жалких дней сен-симонизма еще не кончена. Несколько десятков оставшихся до конца верными адептов Анфантена удаляются со своим учителем во главе в его наследственное имение Менильмонтан вблизи Парижа и устраивают последнюю сен-симонистскую общину. Не видно, чем занимались члены этой общины; как кажется, главное внимание было обращено на внешность, которой Анфантен стремился поразить воображение соседей и этим снова привлечь к себе охладевший общественный интерес. Был выдуман для членов "семейства" особый

живописный костюм, было обращено особое внимание на куафюру: мужчины носили бороды, что было в то время большой редкостью, и волосы до плеч. Работали мало, но зато тщательно заботились о том, чтобы обставить работу возможно красивее, привлекательнее и эксцентричнее, во время работы пелись особые песни, совершались особые обряды. Живой дух совершенно отлетел от сен-симонизма, и идейное движение угасло среди пошлости и актерства.

Окончание пьесы вышло эффектным: в дело вмешался суд и доставил Анфантену возможность еще раз покрасоваться перед публикой.

Менильмонтанское "семейство" подверглось обвинению в безнравственности и пропагандировании вредных учений. Члены "семейства" отправились в суд, пришедшийся им как нельзя более кстати, живописной процессией со своим "отцом" Анфантеном во главе. Судебный диалог был в таком вкусе.

Председатель (обращаясь к Анфантену): "Не называете ли вы себя отцом человечества?"

Анфантен: "Да, я называю себя отцом человечества".

Председатель: "Не утверждаете ли вы, что вы живой закон?"

Анфантен: "Да, я утверждаю, что я живой закон", и т. д. и т. д."

Анфантен пробовал силу своего взора, который он имел претензию считать неотразимым, на судьях и присяжных. Судьи сердились - Анфантен видел в этом доказательство действительности своих приемов. "Я вас покори!" - обратился он к присяжным. Последние ответили ему присуждением главы и адептов менильмонтанского "семейства" к тюремному заключению.

Этим и закончилась история сен-симонистского "семейства". Но история сен-симонизма, как определенного круга идей, не завершилась и поныне. Мы уже говорили, что так называемое материалистическое понимание истории есть не что иное, как дальнейшее развитие некоторых мыслей Сен-Симона.

Во главе учеников Сен-Симона стоял, как мыслитель и теоретик, Базар. Он был главным автором коллективного труда школы "Exposition de la doctrine de Saint-Simon". Это в полном смысле замечательное произведение, стоящее на уровне лучших работ учителя.

В истории человечества, - говорит Базар, - можно подметить смену двух различных состояний общества, двух различных периодов - органического и критического. В период органический человеческое общество, в своей массе, религиозно и управляется единой верховной доктриной, господствующей в умах и руководящей деятельностью каждого отдельного человека. Общество образует собой связуемое общей верой целое. В критический период общая вера, религия утрачивается, и общество превращается в собрание отдельных личностей, преследующих разные цели и потому неминуемо приходящих к столкновению между собой. История показывает, что и органический и критический периоды уже дважды сменяли друг друга. Первый органический период продолжался в древней Греции до возникновения первых философских систем. Политеизм был господствующей религией, признаваемой как высшими, так и низшими классами населения. Политический и социальный строй был также прочен и устойчив, как и религиозные верования. Но новые философские учения поколебали наивную веру в олимпийцев. Наступил критический период, выразившийся в упадке древней религии и распадении прежнего общественного строя. Христианство снова вернуло человечество в органический период. Опять единая верховная религия подчинила себе ум и душу человека, и люди объединились в одном общем чувстве, в одной общей вере. Средневековый строй был высшим выражением органического периода христианства. Но вот уже несколько веков, как христианство вступило в критический период, начавшийся с Лютера и реформации. Французская революция была кульминационным пунктом этого критического периода. Препятствие социальный строй, основывавшийся на преобладании церкви и

феодалной аристократии, окончательно рухнул. Революция превосходно исполнила свою отрицательную задачу - она нанесла смертельный удар старому режиму. Но совершила ли она что-либо положительное?

Нет и нет. Наше время характеризуется общественным разложением, расстройством и анархией во всех областях жизни. Лозунгом нашего времени является знаменитое изречение - *laissez faire, laissez passer*. Экономисты вообразили, что личный интерес всегда совпадает с общим интересом. Но это неверно. Разве, например, введение машин не противоречит интересам тех рабочих, которые вытесняются машиной? На это экономисты возражают, что машины приводят к развитию промышленности и в будущем дадут новые источники заработка для населения. Но если бы даже это было верно, - чем будут существовать рабочие в переходное время? Не дождавшись лучшего времени, они умрут от голода. Руководители современного общества провозгласили "*sauve qui peut!*" (спасайся, кто может!), - и великая человеческая семья распалась на отдельных лиц, взявших себе девизом: "каждый - за себя, Бог - ни за кого".

Любовь отлетела от людей, и грубый эгоизм воздвигнул свой храм в современном обществе. Религиозное чувство угасло и с ним вместе исчезла преданность общим интересам. Средние века, несмотря на невежество народа, несмотря на свирепствовавшую национальную вражду, могли подвинуть народы Европы к одной общей великой цели, - например, к освобождению гроба Господня. Теперь такой общей цели нет и быть не может, ибо нет общей веры. Французская революция поставила знак минуса перед всеми членами символа веры средних веков, но нового символа веры не дала.

"Историки, - продолжает Базар, - любят объяснять великие события случайными причинами. Они любят ссылаться на появление гениального человека, случайное научное открытие. Историки не видят в этих фактах следствия общественного состояния, сделавшего данные факты необходимыми, не видят, что каждое развитие есть необходимый результат предшествовавшего развития, каждый новый шаг обусловлен предшествовавшими шагами. Французская революция, с точки зрения таких историков, была вызвана расточительностью двора, легкомыслием Калонна, расстройством финансов, причем только самые глубокие из таких историков доводят свои исследования до эпохи разделения Польши. Это-то понимание истории привело к известной поговорке: "*Aux grands effets - petites causes*" (у великих событий - малые причины). Но история, изучаемая по нашему методу, есть нечто совсем иное, чем волнующий воображение рассказ о драматических фактах прошлого. Для нас история - таблица последовательной смены физиологических состояний человеческого рода, рассматриваемого в своем коллективном существовании. Такая история - точная наука".

Эта история учит нас, что в основе всех известных нам общественных организаций лежала и лежит эксплуатация одних общественных классов другими. На почве этой эксплуатации вырастает классовый антагонизм, проникавший во все времена общественную жизнь. Задача будущего заключается в замене эксплуатации человека эксплуатацией человеком природы, причем начало ассоциации должно заменить начало антагонизма. И эта задача предписывается самой историей, ибо если мы обратимся к истории, то увидим, что область антагонизма постоянно ограничивается, а ассоциация - расширяется. Как ни тягостно современное положение рабочего класса, прежде оно было еще хуже. Современные отношения рабочего к хозяину суть результат долгого развития, первой ступенью которого было рабство. Затем положение раба улучшилось - он превратился в крепостного. Личное освобождение рабочего и переход его к работе по найму были дальнейшим улучшением его участи и уменьшением антагонизма между господствующими и подчиненными классами. История говорит следовательно, что хотя эксплуатация человека человеком и не

исчезла, но все же историческое развитие выражается не ростом, а ослаблением эксплуатации. Современному человечеству остается сделать последний шаг - совсем и навсегда покончить с эксплуатацией. Социальные антагонизмы должны исчезнуть и начало ассоциации должно стать единственной основой общественного устройства.

На чем же покоится эксплуатация в современном обществе? На это Базар дает категорический ответ: "На господствующей организации права собственности". Обыкновенно думают, что право собственности есть нечто неизменное и не изменяющееся во времени. Это совсем неверно: право собственности, как и все другие общественные институты, подлежит закону развития. Государственная власть во все времена регулировала право собственности, а также предметы, которые могут быть предметом собственности, а также определяла и самое содержание этого права. Первоначально предметом собственности мог быть человек, теперь человек изъят из области права собственности. Раньше собственность передавалась по завещанию совершенно свободно, затем было учреждено право первородства, и, наконец, французская революция установила равный раздел наследства между детьми. В современном хозяйстве право собственности, в сущности, есть не что иное, как привилегия получения дохода, не основанного на труде, - процента или ренты. Но значение такой привилегии уменьшается по мере прогресса хозяйства благодаря сопутствующему этому прогрессу падению процента на капитал.

Современному обществу предстоит осуществить последнюю и окончательную реформу права собственности, а именно совсем уничтожить право наследства. Единственным наследником всего национального имущества должно стать государство.

Современный хозяйственный строй покоится на принципе свободы конкуренции. Но свободная конкуренция есть не что иное, как новая форма беспощадной войны всех со всеми. Неограниченное господство свободной конкуренции приводит к подавлению слабых сильными, перепроизводству товаров и промышленным кризисам, от которых всего больше страдают рабочие. Государство должно положить конец этому порядку вещей и заменить господствующую анархию производства планомерной организацией производительных сил общества в интересах многочисленного и беднейшего класса общества - рабочих. Задача эта будет осуществлена, когда в руках государства как единственного наследника, сосредоточатся все средства производства страны. Тогда государство получит возможность распределять эти средства производства между отдельными группами производителей соответственно способностям и потребностям каждой группы. Верховным принципом распределения будет правило: "от каждого - по его способностям, каждой способности - по ее делам". Более способные и полезные работники должны и получать больше; им должно принадлежать и руководство работами. Распределение средств производства между производителями могло бы совершаться при посредстве центрального национального банка, который должен находиться в тесной связи с местными банками, а через посредство их - со всеми группами производителей.

Социально-политическая программа сен-симонистов была формулирована ими, в сжатой форме, в одной из статей их органа "Le Globe" следующим образом:

"Мы стремимся к уничтожению всех наследственных привилегий, без исключения; мы стремимся к освобождению рабочих и прекращению праздного существования на счет рабочих; мы стремимся к тому, чтобы почет, уважение, благосостояние доставались в удел лишь тем, кто питает общество, просвещает, возвышает его своим вдохновением - иными словами, производителям, ученым, артистам; мы стремимся к тому, чтобы жатва доставалась тому, кто посеял, чтобы плоды трудов рабочих классов не поглощались праздными классами, ничего не делающими, ничего не знающими, ничего не любящими, кроме самих себя; мы хотим общественного строя,

всего основанного на принципе: от каждого - по его способностям, каждой способности - по ее делам; мы хотим постепенного уничтожения всех налогов, которые труд уплачивает праздности под различными названиями - арендной платы, наемной платы, процента на капитал".

Таково было учение сен-симонистов. Все наиболее существенное, характеризующее современный социализм и в области критики капиталистического строя и в области положительных требований, было намечено школой Сен-Симона.

Фурье

Давно замечено, что гениальные люди сплошь и рядом кажутся современникам дураками. И это прискорбное недоразумение, от которого страдают обе стороны, объясняется не только тупостью и ограниченностью людей золотой середины, создающих общественное мнение. Гениальные люди нередко обладают крайне неуравновешенными натурами; их мысль не горит ясным и спокойным пламенем, как у простых талантливых людей, не владеющих высшим небесным даром вдохновения, а дрожит и трепещет, то вспыхивает ослепительным светом, то гаснет и обволакивается дымом. Отличительной чертой гения является бесстрашная смелость мысли, дерзновенье, не отступающее ни перед какими трудностями. Это дерзновение открывает гениальному уму великие тайны мира; но оно же может завести и в такие дебри нелепости, в которые никогда не попадут люди здравого смысла, не мудрствующие лукаво и идущие проторенной дорогой. Заметить эти нелепости нетрудно, - и здравый смысл хохочет над глупостью гения.

Таким гением, давшим пищу остроумцам многих поколений, и был Фурье. Высмеять его нетрудно. Он достигал предела нелепости, за которым уже начинается настоящая болезнь - безумие. Он совершенно серьезно утверждал, что через некоторое время морская вода превратится в приятный напиток вроде лимонада, что на земле появятся новые животные - антильвы и антитигры, - которые заменят людям лошадей и будут в несколько часов перевозить седоков из Парижа в Лион, антикиты, которые будут тащить на буксире корабли по морю, и т. п. Он высчитывал что в будущем социальном строе можно будет погасить весь огромный английский государственный долг половиной куриных лиц, ежегодно производимых в фаланстерах. Все работы по ассенизации и очистке от грязи помещений фаланстера Фурье возлагал на "маленькие орды" (ptites hordes) детей, которые под предводительством "маленьких ханов" будут добровольно, из любви к грязи и пачкотне, исполнять эти обязанности, представляющиеся столь мало привлекательными современному человеку.

Самым строгим объяснением всего этого было бы признание Фурье сумасшедшим. Но нет никаких оснований предполагать у него психическую болезнь - во всяком случае, она не проявлялась у него ни в чем ином, кроме сочинительства указанного рода. Все заставляет думать, что автор всех этих небылиц был в медицинском смысле человеком вполне здоровым.

Но если так, то не был ли он просто "идиотом", каким его решительно объявляет известный Евгений Дюринг в своей "Истории национальной экономики и социализма"? Но такой приговор о писателе, могущественно повлиявшем на общественные движения своего времени, создавшем огромную школу, относившуюся к своему учителю с благоговением, писателе, остающемся и поныне, через много десятков лет после смерти, одним из самых славных социальных мыслителей всего мира - не может затронуть Фурье и свидетельствует лишь о легкомыслии или дурном вкусе самого Дюринга. Только сильный ум может подчинять себе умы других людей, - а этот "идиот" владел как никто, умами многих и многих тысяч людей, и не просто

людей толпы, а лучших и талантливейших представителей человеческого рода, не только на своей родине, но и всюду, где шевелилась мысль человека, и где жизнь выдвигала те же вопросы, которые волновали и великую душу Фурье.

Нам остается одно: не смущаться странностями и нелепостями, которые мы можем найти на страницах Фурье, и твердо помнить, что писателя следует судить не потому, что он не дал, а потому, что он дал. Космогония Фурье - его рассуждения о морском лимонаде и антильвах - никуда не годится. Много слабого, а подчас и детски наивного, смешного содержится и в его социальной доктрине. Но все это не мешает последней быть, наряду с учением Сен-Симона, - одним из самых поразительных созданий человеческого гения, - какие мы только знаем. Знаменитый германский ученый Лоренц Штейн никак не может быть заподозрен в особом пристрастии к социальному утопизму. И тем не менее, Штейн дает следующую характеристику исторического значения Фурье: "Ни в одной стране, - говорит Штейн, - не появлялось сразу двух таких замечательных людей в истории общества, как Сен-Симон и Фурье. Оба они не были поняты своим временем, оба стремились с непоколебимой верой к своей цели, оба умерли без всякой другой награды за работу своей жизни, кроме внутреннего удовлетворения. Им обоим принадлежит слава стоять на пороге нового времени, сущность и противоречия которого они одни, среди всего своего народа, поняли вполне ясно и заявили об этом с полной определенностью. Им обоим нет места в обычной истории, но когда будет понята история общества, они займут в ней более почетное место, чем кто-либо иной".

Жизнь Фурье (1762-1873) также скучна и лишена ярких красок, как богата красками жизнь Сен-Симона. О ней совсем нечего рассказать. Вся биография его исчерпывается несколькими анекдотами, которые всегда пристают к памяти великих людей и, по большей части, ничего не характеризуют. Мы знаем о Фурье, что он происходил из купеческой семьи, был очень беден, долгое время жил скучным заработком приказчика в лавке и не был женат. Быть может, именно вследствие бессодержательности, однообразия и серого тона его собственной скучной и неинтересной жизни, он с такой поразительной яркостью рисовал прелести будущего социального порядка, красоту фаланстера, гармоничную организацию в нем работ, сопровождаемых музыкой, пением, красивыми процессиями, не могущих никогда наскучить и дающих все новую и новую пищу уму и воображению. Читая эти описания, легко понять как мог Фурье выносить в течение многих лет монотонное существование за купеческим прилавком; его дух был далеко от этого прилавка - от ничтожного мира, в который поместила его судьба, - и он жил в созданном им самим и блещущем всей радугой цветов прекрасном мире будущего.

Первая работа Фурье "Theorie des quatre mouvements" (1808) была посвящена, главным образом, его космогоническим мечтаниям, образчики которых мы видели. Тем не менее, уже в этой работе были намечены некоторые мысли относительно нового устройства общества на началах ассоциации, более полное развитие во втором и главном труде Фурье "Traite de l'association domestique agricole" (1822). Новая доктрина получила свое завершение в вышедшей через несколько лет его последней, большой книге "Nouveau monde industriel" (1829). В "Трактате о домашней земледельческой ассоциации" Фурье подробно, до мельчайших деталей изложил план организации производительно-потребительной ассоциации, ячейки будущего социального строя. Для первого приступа к устройству фаланстера (так назвал Фурье здание, в котором должна найти помещение эта ассоциация будущего), требовалась сушая безделица - миллион франков. Наивный мечтатель напечатал приглашение богатым людям, располагающим деньгами, доставить ему этот миллион. И в течение целого ряда лет Фурье оставался в определенный час дома и ждал мифического капиталиста, долженствовавшего превратить мечты в действительность и дать деньги для постройки первого социального дворца.

Этот капиталист, увы, не явился. Но все же такая горячая вера и такой пламенный призыв не остались без отклика. Вокруг Фурье стали группироваться поклонники и ученики. Среди них нашлись люди достаточные, не располагавшие, впрочем, требуемым миллионом. Один из них имел большое имение и предложил его для устройства фаланстера. Началась постройка здания, но по недостатку средств дело не было доведено до конца. Эта неудачная попытка осуществления на опыте идей Фурье была далеко не единственной. В Америке возникло довольно много общин последователей нашего утописта, просуществовавших, впрочем, недолго, и имевших такой же конец, как знаменитая "Новая Гармония" Оуэна.

Впрочем, если до постройки фаланстера дело и не дошло, то идея устройства огромной производительной ассоциации, живущей в одном здании и сообща организующей свое потребление, не осталась без некоторого практического осуществления. В одном из северных департаментов Франции процветает уже много лет замечательное предприятие такого рода - знаменитый "фамилистер", устроенный горячим поклонником Фурье, богатым фабрикантом Годеном, владевшим крупным металлургическим заводом. Годен построил для рабочих здание, несколько напоминающее по плану фаланстер, и передал на льготных условиях завод и все постройки ассоциации рабочих. Опыт оказался до известной степени, удачным: правда, большая часть рабочих на заводе в настоящее время не принадлежит к ассоциации и работает по найму, но все же несколько сот рабочих входят в состав ассоциации (всего на заводе рабочих около двух тысяч), и завод идет в коммерческом смысле вполне хорошо, постоянно расширяя свои обороты.

Разумеется, все это бесконечно далеко от проектированных Фурье фаланстеров - еще дальше, чем современные потребительные общества от кооперативных общин Оуэна. Жизнь безжалостно урезывает и искажает утопию. Но даже и в таком искаженном виде утопия не проходит бесследно для жизни, а возвышает и облагораживает ее.

Но сила фурьеризма, как общественного движения, заключалась не в подобных, в общем, все же неудачных опытах. Фурьеризм стал приобретать значение в политической жизни Франции в конце 30-х годов, после окончательного крушения сен-симонизма. Во главе школы, после смерти учителя, стал талантливый и энергичный Виктор Консидеран. Его книга "Destine Sociale", выдержавшая 3 издания, является бесспорно лучшим изложением социальной доктрины Фурье, освобожденной от мистического бреда и космогонических и иных нелепостей, присущих сочинениям этого последнего. В 30-х и 40-х годах фурьеристы имели несколько довольно распространенных периодических органов. Фурьеризм был самым влиятельным социалистическим направлением во Франции в эпоху февральской революции, когда, хотя и на короткое время, парижские рабочие стали господами положения. Революция доставила кратковременное торжество одному из основных правовых требований, выдвинутых школой Фурье, - так называемому праву на работу. Право на работу и организация труда вот два наиболее популярных лозунга 40-х годов. Что касается права на работу, то эта идея, без сомнения, принадлежит Фурье, причем выдающуюся роль в распространении ее в массах сыграла книга Консидерана "Theorie du droit de propriete et du droit au travail". Вторая идея - организации труда - исходила от сен-симонистов и была воспринята в 40-х годах многими писателями, в том числе и Луи Бланом, замечательным ученым, историком и общественным деятелем, любимцем парижских рабочих и одним из членов временного правительства, в руки которого перешла власть после крушения трона Луи-Филиппа.

Одним из первых актов временного правительства было торжественное провозглашение права на работу. Луи Блан в своей "Истории французской революции

1848 г." рассказывает следующим образом об обстоятельствах, вызвавших издание знаменитого декрета:

"Во вторник, 25 февраля, мы (члены временного правительства) были заняты обсуждением организации мэрий, как вдруг ратуша наполнилась страшным шумом. С треском распахнулась дверь и перед нами появился человек, с ружьем в руках... Кто его послал? Что ему было нужно? Он заявил, что его послал народ, указал повелительным жестом на переполненную толпой площадь перед ратушей и потребовал, - сильно стукнув прикладом ружья о пол, признания права на работу... Ламартин старался успокоить пришельца. Со сладкой миной подошел он к нему и пустил в ход все обычные ресурсы своего красноречия. Марш - так звали рабочего - посмотрел на него с явно нетерпеливым видом. Он еще раз стукнул ружьем о пол и сердито вскричал: "Довольно слов!". Я поспешил к ним, отвел Марша к окну и написал тут же, перед ним, следующий декрет, к которому Ледрю Роллен прибавил последний пункт:

"Временное правительство французской республики обязуется обеспечить рабочему существование работой.

"Оно обязуется обеспечить работу всем гражданам; оно признает, что рабочие должны образовывать ассоциации между собой для того, чтобы пользоваться плодами своих трудов".

"Временное правительство возвращает рабочим, по праву, миллион, следуемый по цивильному листу короля".

Через несколько дней этот декрет был опубликован в "Мониторе". Естественным последствием его была, организация временным правительством "национальных мастерских" и разного рода общественных работ в обширных размерах, для исполнения взятого государством на себя обязательства - доставить работу безработным, число которых, под влиянием промышленного кризиса и застоя в делах, было громадно. Мы не будем останавливаться на истории национальных мастерских, которые всего менее могут считаться серьезным опытом государственной организации промышленных работ. Как известно, большинство членов временного правительства относилось к мастерским крайне враждебно и только - под влиянием страха перед парижскими рабочими признало право на работу и организовало национальные мастерские, имея при этом тайную цель доказать неудачей последних неосуществимость подобных предприятий. Около сотни тысяч парижских рабочих находили небольшой заработок в национальных мастерских, в которых не производилось никакой серьезной работы; дело свелось к тому, что парижский пролетариат просто-напросто получал содержание из средств государственного казначейства, как бы состоял на государственной пенсии. Подобное положение вещей не могло долго продолжаться, и как только правительство окрепло, оно поспешило распустить мастерские, что, в свою очередь, повело к страшным июньским дням, безнадежному и тем более отчаянному восстанию парижских рабочих, которое было подавлено со свирепостью, исключительной даже для гражданских войн. Наступила реакция, унесшая все социальные завоевания февральской революции, в том числе и право на работу, - обязательство, принятое на себя в трудную минуту республиканским правительством, не придававшим этой вынужденной словесной уступке серьезного значения, никогда не думавшим о выполнении своего обязательства, да и не имевшим возможности его выполнить, ибо действительное осуществление права на труд потребовало бы глубочайшего преобразования всего капиталистического хозяйства, для чего время - в эпоху революции 1848 г. - еще далеко не созрело.

В кратковременную, но такую прекрасную, революционную весну 1848 г. идеи Фурье были главным ферментом социального брожения. Луи Блан проектировал даже нечто вроде фаланстеров - устройство в Париже, в рабочих кварталах, - на

государственный счет 4 обширных зданий, в которых могло бы поместиться в каждом до 400 рабочих семейств. В этих зданиях, устроенных не только с комфортом, но и даже с роскошью, рабочие должны были пользоваться выгодами потребления в крупных размерах, общественной организации приготовления пищи, отопления, освещения, стирки белья и пр. Проект этот не был осуществлен.

Точно также влиянию фурьеристских идей следует приписать и энергичное движение того же времени направленное к учреждению разного рода производительных ассоциаций - организаций рабочих, предпринимающих за свой общий счет, без участия хозяина, производство на продажу или для собственного потребления тех или иных продуктов. В 1848 г. среди французских рабочих возникло более сотни подобных ассоциаций, большинство которых распалось, но некоторые сохранились и до настоящего времени и процветают, утратив, правда, свой первоначальный характер и только тем отличаясь от обыкновенных капиталистических товариществ, что большинство пайщиков их принимает личное участие в работе. Вообще, как показывает опыт, производительные ассоциации рабочих только в том случае могут, не превращаясь в капиталистические товарищества, иметь успех, если они связаны с потребительными обществами. В этом последнем случае производительное предприятие принадлежит на правах собственности потребительному обществу. Рабочие работают по найму общества, являющегося их предпринимателем и хозяином. Поэтому мастерские потребительных обществ (например, бельгийские кооперативные булочные и пр.) не могут считаться в строгом смысле слова производительными ассоциациями, характерным признаком которых является отсутствие хозяина и работы по найму. Что же касается до собственно производительных ассоциаций, то в развитых капиталистических странах жизнь приводит к одному из двух: или к крушению предприятия или же к превращению его в замкнутую компанию пайщиков-хозяев, имеющих наемных рабочих и, следовательно, уже не составляющих производительной ассоциации в чистом виде.

После февральской революции фурьеризм быстро сходит со сцены. Посмотрим же, в чем заключалось это учение, обаяние которого чувствовалось далеко за пределами Франции и отзвуки которого доходили даже до нашей родины.

Мы ставим в стороне все те части доктрины Фурье, которые не имеют непосредственного отношения к социальному вопросу, например, его космогонию, а также и его хотя и менее фантастичное, но все же не представляющее в настоящее время серьезного научного интереса учение о страстях и движущих силах человеческой души. Сам автор, а также и его ближайшие ученики и последователи, редко бывает справедливым судьей своего дела. Нередко более слабое, но своеобразное и эксцентрическое, заслоняет в глазах школы сильные стороны нового учения, менее бьющие в глаза, но имеющие несравненно большую ценность перед судом исторической критики.

На надгробном памятнике Фурье его верные ученики поместили два изречения учителя, которые в их глазах резюмировали всю его жизнь и его учение:

Les Attractions sont proportionnelles aux Destinees.

La Serie distribue les Harmonies.

(Влечения пропорциональны своим назначениям.

Серия распределяет гармонию).

Это кажется чем-то вроде кабалистики. Неужели, действительно фурьеризм сводится к тому, что "серия распределяет гармонию"? Конечно, нет, - не этими непонятными тезисами, содержание которых, в конце концов, довольно скудно (объяснять его мы не будем, так как это завело бы нас в самые дебри

психологического учения Фурье), этот странный человек вызывал в течение многих десятилетий столько энтузиазма, столько благородных чувств, столько негодования против социального зла, и столько веры в лучшее будущее человеческого рода. Нас интересует не историческая оболочка фурьеризма, не странная и крайне неуклюжая форма, в которой это учение появилось на свет - не "серия", "пивотальные и кардинальные движения", "композиционные, кабалистические и мотыльковые страсти" и прочие излюбленные, но непонятные без длинных разъяснений, формулы Фурье. Для нас важно социальное ядро этого учения, и мы постараемся освободить это ядро от твердой скорлупы, в которую оно заключено самим автором.

В социальном учении Фурье одинаково замечательны как критическая, так и положительная часть. Обе части неразрывно связаны между собой и исходят из одного общего положения: человек создан для счастья, и задача общественного устройства сводится к обеспечению ему возможно большей суммы счастья. Несчастье, которое мы видим вокруг себя, зависит не от природы человека, не от природы, а от недостатков того, что Фурье презрительно называет цивилизацией.

Мы созданы для счастья, и гармоничное удовлетворение всех наших потребностей - как ума, так и тела - должно доставить нам это счастье. Но удовлетворение потребностей невозможно без внешних средств, - иначе говоря, невозможно без богатства. Богатство дает свободу делать то, что считаешь самым важным и нужным. Оно есть не только источник чувственных наслаждений, но и необходимое условие, материальная основа для осуществления самых высоких стремлений нашего духа. Богатство - это досуг, владычество над природой. Бедность не только причиняет человеку физические страдания, но она унижает его морально - пригибает к земле, приковывает к отупляющим ум и иссушающим сердце повседневным заботам о куске хлеба, уничтожает чрезмерным физическим трудом всякую возможность упражнять наши высшие способности. Бедность - самое ужасное проклятие человечества, и пока люди не победят бедности, до тех пор они не достигнут и счастья. "Богатство есть первый источник счастья, и материальная свобода есть основа всякой иной свободы".

Как должны мы относиться с этой точки зрения к господствующему социальному строю - цивилизации? Освободила ли цивилизация человечество от бедности? Мы знаем, что нет; огромное большинство человечества страдает ныне от бедности, которая не уменьшается, а увеличивается, по мере успехов цивилизации. Первобытный человек был свободнее и богаче современного рабочего.

Но не коренится ли причина бедности в условиях внешней природы, в недостаточности предметов потребления, которыми может располагать общество? Действительно, национальное богатство даже самых богатых стран сравнительно очень невелико. Если бы весь национальный доход разделить поровну между всеми жителями страны, на долю каждого пришелся бы доход весьма незначительный. Теперь богато лишь меньшинство, а при равном разделении дохода не будет никого богатого - наступит общее равенство бедности. Это доказывается статистикой даже самых богатых стран. Так, если равномерно распределить национальный доход Франции, то на долю каждого француза придется в день 55 сантимов (20 копеек). Это - настоящая бедность. Не следует ли отсюда, что причины бедности заключаются не в общественном устройстве, а в условиях самой природы?

Отнюдь нет. Действительно, цивилизация способна обеспечить обществу только весьма скудный национальный доход. Но это зависит лишь от недостатков общественного устройства цивилизации. Этот строй частью не утилизирует имеющихся уже общественных производительных сил, частью прямо разрушает их. Цивилизация не удовлетворяет "первому требованию, которое следует предъявить к хорошей социальной организации - требованию создания возможно большей суммы богатства. Посмотрим же, в чем заключаются "пороки цивилизации" - особенности

современного устройства, приводящие к тому, что общественный продукт так ничтожно мал.

Прежде всего, при господствующей организации общества огромное количество человеческой рабочей силы или пропадает без всякой пользы обществу или же прямо направляется к разрушению богатства. Цивилизованное общество состоит в своей большей части из непроизводительных элементов. Такими паразитами являются:

1) Домашние непроизводительные элементы - женщины, дети и прислуга. "Три четверти городских женщин и половина деревенских должны считаться непроизводительными, так как рабочая сила их утилизируется крайне недостаточно домашним хозяйством". То же следует сказать "о трех четвертях детей, совершенно бесполезных в городах" и мало полезных в деревне", и "трех четвертях домашней прислуги, работа которой, в сущности, бесполезна".

2) Социальные непроизводительные элементы: а) военные всякого рода "армию держат без всякого производительного дела, пока ее не употребят на дело разрушения", б) легионы чиновников и служащих по сбору податей, в) "добрая половина промышленных рабочих, признаваемых полезными, но относительно непроизводительных, ввиду плохого качества изготовляемых ими продуктов", г) "9/10 торговцев и служащих у них", д) "2/3 участвующих в транспорте по суше и морю", е) не имеющие занятий или работы по какой бы то ни было причине, ж) "софисты и пустые болтуны", з) люди праздные, "так называемые *somme il faut*, проводящие жизнь в ничегонеделании, сюда же входят и лакеи таких людей и вся их прислуга", и) заключенные в тюрьмах - представляют собой класс людей вынужденной праздности, к) и, наконец, все отверженцы современного общества, находящиеся в открытой вражде к ним - мошенники, игроки, публичные женщины, нищие, воры, разбойники и другие враги общества, "число которых нисколько не уменьшается и, борьба с которыми требует содержания полиции и администрации, одинаково непроизводительных".

К числу непроизводительных общественных элементов следует отнести и рабочих "отрицательного производства", служащего не для удовлетворения естественных потребностей человека, а вызываемого несовершенством господствующей социальной организации. Таким отрицательным производством является, например, постройка стены, ограждающей сад от воров, рубка леса, необходимого для страны и уничтожаемого жадным собственником, не думающим об общих интересах, устройство нескольких конкурирующих предприятий, когда одного достаточно для удовлетворения данной общественной потребности, и пр. и пр.

Итак, большую часть населения современного государства Фурье относит к числу непроизводительных классов, нисколько не содействующих, а иногда и препятствующих созданию общественного богатства. При этом обращает на себя внимание, что Фурье признает непроизводительными почти всех служителей торговли. Отрицательное отношение Фурье к торговле объяснялось тем, что в капиталистическом обществе торговля из подчиненного хозяйственного элемента по отношению к производству и потреблению, каковой она должна была бы быть, становится элементом господствующим. Торговец, наряду с ростовщиком, воплощает в себе самые отрицательные стороны капиталистического строя. Торговец ничего не производит, не создает никакой новой ценности, он только покупает и продает; но тем не менее, господствуя над рынком, он держит в своей власти действительного производителя. Так как торговля дает возможность легкой наживы и не требует тяжелого физического труда, необходимого для производства, то торговля притягивает к себе худшие общественные элементы, избегающие производительного труда и жаждущие денег и богатства. Поэтому, торговая армия повсеместно быстро растет на счет производительной части общества. Торговля, конечно, исполняет полезную общественную функцию, но плата, которую она требует и получает за это

от общества, чрезмерно высока. Улицы всякого большого города пестрят вывесками всевозможных лавок и магазинов, центральные кварталы почти сплошь застраиваются помещениями для торговли. Но есть ли какая-нибудь выгода для общества от того, что рядом с одним магазином вырастает другой, торгующий теми же товарами и за ту же цену и разоряющий первый?

Один магазин так же хорошо удовлетворял общественной потребности, как и два, - второй был не нужен. Гипертрофия торговли есть необходимое следствие свободной конкуренции и составляет крупное общественное зло, приводя к торговым и промышленным кризисам.

Исторически, торговля выросла из грабежа и разбоя. Морской торговец древних греков был вместе с тем и пиратом. И до настоящего времени ни у одного класса населения не существует таких растяжимых понятий о чести, дозволенном и недозволенном, как у торговцев. Обман составляет и поныне почти неизбежную принадлежность торговли, показывающую, что цивилизованный коммерсант нашего времени сохранил многие черты духовного сродства со своим отдаленным предком.

Что касается до отверженцев современного общества - преступников всякого рода, то существование этого класса, по мнению Фурье, должно быть всецело поставлено в вину господствующему общественному строю - цивилизации. "Кто решится утверждать, что эти несчастные создания вышли бы такими, каковы они теперь, если бы, они были поставлены в благоприятные условия жизни, если бы общество пребывало по отношению к ним с самого их детства нежной и предусмотрительной матерью, если бы они нашли воспитание, достаток и интересную работу? Разве над этими существами тяготеет проклятие? Разве они рождены разбойниками, негодьями, проститутками? Но если так, то в чем же их вина? А если это не так, то следует согласиться, что хорошая социальная организация могла бы сделать этих людей полезными обществу. Нужно не кричать против порока, преступления, зла - уже много тысяч лет мы слышим эти крики, и добродетель могла бы от них охрипнуть. Нужно найти корень зла, открыть общественные причины пороков, преступлений и уничтожить эти причины".

Таким образом, "первая порочная черта цивилизации - это колоссальная потеря человеческой рабочей силы... создание бесчисленных легионов непроизводительных или разрушительных общественных элементов". Этого, однако, мало: цивилизация не умеет утилизировать и тех немногих рабочих, которые заняты производительным трудом.

Всем известны выгодны производства в крупных размерах, выгоды, зависящие, главным образом, от разделения труда, более полного утилизирования рабочей силы, капитала и применения машин. Но мелкое производство все еще существует даже в самых передовых странах. Особенно страдает от этого земледелие. Во Франции большая часть территории принадлежит мелким хозяевам - крестьянам. Какую страшную растрату человеческой силы представляет собой современное крестьянское хозяйство!

Раздробленность хозяйства крайне затрудняет всякие общие предприятия, которые нередко необходимы для земледелия, как, например, ирригация, дренирование почвы, осушение болот и пр.

Если бы эти сотни мелких участков были соединены в одно крупное поместье, если бы вместо этих сотен жалких хижин было построено одно огромное здание, если бы вся земля обрабатывалась сообща по одному общему плану и за общий счет всеми этими сотнями производителей, то можно ли сомневаться, что количество собираемых продуктов возросло бы в огромной степени, и что та же площадь земли доставила бы несравненно больше богатства своему населению?

Еще очевиднее выгоды крупного производства в промышленности; а так как и здесь мелкое производство еще далеко не исчезло, то, значит, во всех областях хозяйства

мы наблюдаем неспособность цивилизации утилизировать наилучшим образом производительные силы общества.

Но раздробленность производства далеко не единственный недостаток господствующей организации хозяйства. Не меньшим злом является самый характер хозяйственной работы. Работа эта совершенно лишена привлекательности, человек соглашается исполнять ее только под влиянием необходимости, нужды, голода, и, разумеется, исполняет крайне плохо. Мы так привыкли к этому, что считаем хозяйственный труд по самому существу чем-то тягостным и неприятным. Причина нашего отвращения к труду коренится, однако, не в самом существе этого рода деятельности, а в неудовлетворительной социальной организации труда, в тяжелой обстановке хозяйственного труда при господстве цивилизации. Не видим ли мы, что люди добровольно, ради наслаждения деятельностью, берут на себя труды, далеко превосходящие затратой силы самый упорный хозяйственный труд? Охотник-любитель часто утомляет себя более, чем любой наемный рабочий; однако, он не тяготится этим трудом. Почему же? Потому, что труд соответствует его влечению, начинается и кончается по желанию человека. Всякая работа неприятна, если она исполняется по принуждению; и, наоборот, всякий труд, в том числе и хозяйственный, может доставлять наслаждение, если он не слишком продолжителен, исполняется добровольно и соответствует вкусам и способностям человека.

Непривлекательность хозяйственного труда при господстве цивилизации зависит, следовательно, от плохой организации хозяйства. Рабочий, работающий из-под палки, произведет, конечно, гораздо меньше, чем человек, наслаждающийся самим процессом труда и работающий с увлечением. Итак, вот еще один "порок цивилизации", приводящий к уменьшению общественного продукта.

Но перечень "пороков цивилизации" еще далеко не исчерпан. Всем известно, насколько энергичнее труд собственника труда наемного рабочего. Цивилизация стоит перед альтернативой: или труд собственника и мелкое производство, не дающее возможности пользоваться завоеваниями техники, или крупное производство и плохая, небрежная работа по найму. Соединить выгоды крупного производства с преимуществами работы не по найму, а для себя, в свою пользу, цивилизация оказалась не в силах.

Затем, посмотрим на весь хозяйственный организм цивилизации в его целом. Единственной связью между отдельными хозяйствами являются товарный обмен, в области которого царит так называемая свободная конкуренция. Никакого общего плана общественного производства не существует; каждый заботится только о себе и не заботится об остальных. В результате получается не гармония интересов, как утверждают экономисты, а ожесточенная война всех против всех, обогащение одних на счет других, разорение неудачных предпринимателей, банкротства, принимающие массовый характер во время торговых и промышленных кризисов, когда фабрики закрываются одна за другой и рабочие терпят неслыханные лишения.

Все это дает право на заключение, что "господствующая форма общественного устройства противоречит общим интересам как отдельных личностей, так и народов; она истощает и убивает общественный организм... И однако, дело не в недостатке средств для достижения лучшего: земля, капиталы, промышленность, могучая сила машин, искусств и наук, мускулистых рук и мысли человека находятся в распоряжении общества. Весь вопрос сводится к лучшей организации производства. Нужно ее найти, эту организацию, и испробовать на опыте, это великий вопрос судеб человечества, вопрос спасения или гибели, богатства или нищеты, быть может, жизни или смерти современного человечества!"

Итак, мы нашли причины ничтожности общественного богатства, даже у самых богатых народов нашего времени. Причины эти всецело коренятся в господствующей социальной организации. Она сковывает производительные силы общества,

превращает большую часть населения в паразитов, а остальной, производительной части не дает возможности вполне использовать свои силы, создающие, таким образом, только ничтожную долю богатства, которое общество могло бы произвести при лучшей организации.

Неудивительно, что при таких условиях бедность должна быть, даже при самом справедливом распределении общественного дохода, неизбежным уделом человечества.

Какой же выход из этого безотрадного положения вещей? Фурье находит выход в создании новой социальной организации, план которой выработан им во всех деталях. Но прежде, чем перейти к положительному решению социального вопроса у Фурье, остановимся на философии истории этого оригинального мыслителя.

Жизнь общества, говорит Фурье, подобна жизни отдельного человека. Человечество также переживает детство, достигает зрелости, потом клонится к упадку и смерти. До сих пор человечество еще не пережило детства и далеко от зрелости. Даже период детства еще не закончен. Этот первый фазис развития человечества - фазис детства - складывается из 7-ми периодов:

- 1 - эденизма;
- 2 - дикого состояния;
- 3 - патриархата;
- 4 - варварства;
- 5 - цивилизации;
- 6 - гарантизма;
- 7 - простой ассоциации, зари счастья.

О первом периоде, эденизме, у всех народов сохранились воспоминания, как об утраченном золотом веке. В этом периоде земельная собственность еще не существует, природа в изобилии дает человеку свои дары, и потому в человеческом обществе господствует согласие, отсутствуют внутренние раздоры и войны. Образцом такого состояния человечества может служить жизнь таитян и других жителей Полинезии. Человек в этом периоде счастлив, но это состояние не может долго длиться. Увеличение народонаселения мало-помалу приводит к тому, что первоначальное изобилие сменяется голодом. Гармония интересов исчезает, развиваются противообщественные страсти, и первобытная община распадается. Только то чувство, которое необходимо для продолжения человеческого рода, именно семейные привязанности, переживает общее крушение. Это-то чувство и становится узким и ограниченным основанием общества в последующие периоды.

Изобретается оружие, и человечество вступает во второй фазис - фазис дикости. Начинается война. Отдельные семьи соединяются, чтобы увеличить силу своего сопротивления и нападения, и таким образом возникает племя. Промышленность в этом периоде ограничивается охотой, рыбной ловлей и изготовлением оружия. Женщина делается рабой; частной собственности на землю в этом периоде все еще нет; Все члены племени свободно добывают себе пропитание и пользуются "естественными правами", обеспечивающими им существование. Эти естественные права суть: право свободной охоты, свободной ловли рыбы, свободного собирания плодов и свободной пастьбы скота. Без них невозможна была бы жизнь человека в этом фазисе истории.

Права эти могут, поэтому, рассматриваться как естественное достояние человеческого рода. Что же случилось с этими правами теперь, в цивилизованном состоянии общества? Пользуются ли ими все члены общества? Нет! Но если так, "если социальная организация (нашего времени) лишает этих прав часть граждан, то она должна гарантировать им в обмен некоторый эквивалент, каковым является право на работу".

"Пролетарий цивилизованного общества, лишенный, без всякого вознаграждения, своих естественных прав, раздираемый своими обязанностями, присоединяющий к тягостям сегодняшнего дня заботу о завтрашнем, пожираемый беспокойством относительно своей участи и своего семейства, находится, - конечно, в гораздо худшем положении чем дикарь. Неудивительно, что цивилизация противна дикарю". Известно, что дикари не выносят скуки и монотонности цивилизованной жизни, между тем, как матросы цивилизованных наций, попавшие к островитянам Полинезии, не хотят возвращаться к себе на родину.

Переход к 3-му и 4-му периодам - патриархату и варварству - вызывается изобретением нового орудия производства - плуга. Охота перестает давать достаточно средств к жизни, возникает земледелие и вместе с тем частная собственность на землю, которой до этого времени человечество не знало. Человек прикрепляется к земле, образуется государство, земледелие и обрабатывающая промышленность делают первые успехи. Но над всем господствуют люди меча, владычество грубой силы достигает своего апогея. Более слабые находятся в рабстве у более сильных. Приобретает большое влияние класс духовенства; жрецы сосредоточивают в своих руках знания и искусства своего времени и начинают исследовать природу. Храмы являются колыбелью науки. Правда, жрецы стремятся скрыть знания от людей, но это им не удается. Развитие науки приводит к новому периоду истории человечества цивилизации.

В этом периоде мы находимся в настоящее время. Рабство сначала заменяется крепостным правом, а затем рабочий получает личную свободу; женщина выходит из гарема, и ее гражданские права все более приравниваются к правам мужчины.

"Историческая задача цивилизации - создание наук, искусств и крупной промышленности". Цивилизация преобразовала технику производства, поставив ее на научную почву. Естествознание становится, благодаря цивилизации, базисом промышленности. Но вследствие вышеуказанных коренных пороков, присущих цивилизации, как особой формы социальной организации, успехи наук и промышленности покупаются крайне тяжелой ценой, - ценой счастья большинства населения.

Цивилизация - не конечный фазис истории человечества, а лишь промежуточный между варварством и ассоциацией. Можно заметить два периода в движении цивилизации - восходящий и нисходящий. Мы находимся в нисходящем периоде, в периоде отживания господствующего социального строя и зарождения нового. Признаки упадка старого и могучего роста нового видны всюду. Отличительной чертой цивилизации является господство частной собственности, единоличного предпринимательства и свободной конкуренции. Но что мы видим теперь? Везде растут ассоциации капитала, под названием акционерных компаний. Везде мелкая собственность, мелкое производство экспроприируются крупным капиталом и создаются новые монополии. Свободная конкуренция становится пустым звуком. Могущество крупных капиталов, умноженное слиянием их в акционерные компании, раздавливает, при помощи машин и приемов крупного производства, средних и мелких промышленников и торговцев. Пролетариат и пауперизм идут вперед гигантскими шагами. И так как капиталисты живут в городах, то в городах раньше всего и достигает господства промышленный феодализм и обнаруживаются раньше всего его губительные последствия; в городах скопляются массы пролетариев, живущих изо дня в день без всякой связи с хозяином, соединившей в былые времена сеньора и вассала. Батальоны нищеты угрожают цивилизации".

В восходящем периоде цивилизации революции имеют политический характер; в нисходящем "революция принимает характер социальный: дело идет не о форме правления, а о форме собственности и самом праве собственности. Дело идет о глубочайшей основе социального устройства".

Новый социальный строй естественно, сам собой, развивается в недрах старого. Собственность меняет свою форму: "из индивидуальной, простой и исключительной она становится акционерной, сложной и общественной". Производство становится общественным, благодаря поглощению мелкого производства крупным, которое начинается в промышленности, но затем должно распространиться и на сельское хозяйство. Цивилизованные страны идут к тому, чтобы превратиться в огромную территорию, эксплуатируемую и утилизируемую рабочими массами в интересах небольшой кучки всемогущих собственников.

"Капиталы неудержимо следуют закону взаимного притяжения. Тяготая друг к другу пропорционально своим массам, общественные богатства все более концентрируются в руках крупных собственников. Иначе и быть не может, при общей раздробленности интересов, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика, не могут бороться с крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледелие, все более и более раздробляясь, не может бороться с крупным земледелием, с его орудиями производства, капиталами, объединенным производством; потому что все открытия наук и искусств суть, фактически, монополия богатых классов и постоянно увеличивают могущество этих классов; потому что, наконец, капиталы увеличивают силу того, кто обладает ими, и раздавливают того, кто ими не обладает... Современное социальное движение экспроприирует все более и более низшие и беднейшие классы в интересах высших и богатых классов... Пролетариат и пауперизм возрастают вместе с населением и даже быстрее его, вместе с прогрессом промышленности... Конкуренция рабочих связывает пролетария по рукам и ногам и передает его во власть новых владык (капиталистов); народные массы становятся новыми крепостными". И однако, равенство перед законом остается первым параграфом конституции; все различные виды свободы - свобода личности, свобода совести, свобода печати - остаются неприкосновенными..."

Такова данная Фурье, поистине гениальная (несмотря на свои преувеличения), характеристика социального развития нашего времени. Правда, история не оправдала этих мрачных предсказаний; темные краски наложены в той замечательной картине слишком густо, и общая концепция развития слишком схематична. Жизнь частью опровергла эту схему, частью усложнила ее. Но как мало осталось Марксу прибавить к схеме Фурье, чтобы создать свое знаменитое учение о законах развития капиталистического хозяйства!

Переходом к новому социальному строю является "гарантизм" - период урегулированного капиталистического хозяйства, как сказали бы мы теперь. В этом периоде, который еще не наступил, крупное капиталистическое производство окончательно разрушит мелкое, и явится возможность планомерной организации общественного производства под руководством крупных капиталистических компаний. Это вызовет огромное увеличение общественного богатства. В то же время, отношения труда и капитала приблизятся к характеру ассоциации благодаря распространению таких форм оплаты труда, как участие рабочих в прибылях. Собственность, благодаря полному господству коллективного предпринимательства, примет социальный характер, и таким образом, мало-помалу, создадутся условия для социального строя будущего - ассоциации.

Какой же социальный строй придет на смену цивилизации? Ячейкой его будет организованная община, коммуна. Коммуна и в современном обществе является самым важным социальным элементом; но она не организована, и потому общественное хозяйство идет так плохо. Коммуны - это камни, из которых строится общественное здание. Если камни не отесаны, не пригнаны друг к другу, то для их скрепления нужно много цемента; напротив, для хорошо отесанных камней, не требуется большого количества скрепляющего материала, - они держатся собственной тяжестью. При дурном устройстве или полном неустойстве коммуны требуется

много чиновников, сильная правительственная власть, сложная администрация, для того, чтобы общественная машина могла работать; при хорошем устройстве коммуны правительству останется мало дела. Коммуна создает богатство - вот почему и главное внимание социальных реформаторов должно быть обращено на коммуны. Отсюда ясна бессодержательность политических революций, направленных на преобразование формы правления и оставлявшие незатронутым самый важный социальный элемент - коммуны.

Важнейшей задачей всякой общественной организации является создание богатства, материальной основы прогресса. Социальный вопрос сводится к такой организации коммуны, при которой возможно было бы наибольшее производство богатства. Для этого требуется достигнуть гармонического соединения в коммуне трех факторов производства - земли, труда и капитала.

Если мы обратим внимание на организацию хозяйства в современном обществе, то увидим, что в нем имеются два различных вида хозяйства: крупное - при помощи наемного труда, и мелкое - при помощи труда собственника. И тот, и другой вид хозяйства имеют свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше в техническом отношении, но зато в нем рабочий не заинтересован в результатах труда и работает плохо. Мелкое хозяйство стоит на низком техническом уровне, но зато в нем человек трудится сам для себя.

Задача в том, чтобы воспользоваться преимуществами крупного производства и не потерять выгод мелкого. Образцовая коммуна должна удовлетворять поэтому следующим требованиям: 1) собственность не должна быть в ней раздроблена; 2) все земельные участки коммуны и все отрасли промышленности должны эксплуатироваться под руководством одной власти; 3) система наемного труда, при которой рабочий не заинтересован в продуктах своего труда, должна быть заменена системой общего участия всех в общем продукте пропорционально участию каждого в производстве.

Нужно создать ассоциацию нескольких сот семей (Фурье берет 400 семейств), которые могли бы совместно вести хозяйство. Для этого не требуется экспроприировать кого бы то ни было. Собственник не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоциации, так как взамен своей собственности он получает акции, доход которых, по расчетам Фурье, будет несравненно выше, чем доход с собственности при индивидуальном владении.

Такую коммуны, организованную согласно его плану, Фурье называет фалангой, а социальный дворец, который предназначен для жизни членов фаланги - фаланстером. Хозяйство фаланги не должно иметь характера коммунизма. Коммунизм стремится к полному равенству, отрицает права капитала и таланта и признает только права труда. Коммунизм рассчитывает достигнуть общего довольства не путем гармонического развития всех страстей человека, а путем подавления некоторых из них, притом наиболее содействующих материальному и интеллектуальному прогрессу, каковы стремление к превосходству, честолюбие, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не более, как половина социальной идеи, - именно, принцип коллективности, ассоциации, и притом в своей грубой, неразвитой форме, точно так же, как основная идея современного строя - принцип индивидуализма - есть другая половина социальной идеи. Гармоничное соединение этих двух несовершенных элементов в высшей и сложной комбинации должно стать основной идеей ассоциации будущего, фаланги.

Мы уже сказали, что в фаланге частная собственность отнюдь не уничтожается, но только принимает иную форму - форму права участия в общих доходах, а не права исключительного пользования тем или иным орудием производства. Последнее право естественно отпадает, так как производство в фаланге ведется сообща; предметы потребления могут быть, однако, объектом собственности. Вообще индивидуальная

свобода в фаланстере не испытывает никакого ограничения. Каждый живет так, как хочет, может обедать в своем собственном углу и не принимать участия в общих обедах, если этого пожелает, хотя собственная выгода и должна побуждать его к участию в коллективной организации потребления, которая представляет такие же огромные преимущества, как и коллективная организация производства. Именно в виду выгоды производства и потребления в крупных размерах, и то, и другое будет организовано в фаланстере на коллективных началах.

Фурье подробно описывает, какие огромные сбережения получатся, если сотни отдельных маленьких кухонь будут заменены одной огромной кухней в фаланстере, если сотни прачечных, кладовых, подвалов будут соединены в одно огромное целое в будущей коммуне. Политико-экономы относятся обыкновенно с презрением к организации домашнего хозяйства: это кажется им делом мелким, тривиальным. На самом же деле трудно и оценить, какая масса капитала и труда бесполезно растрачивается, благодаря раздроблению потребления.

Что касается до преимуществ коллективного производства, как оно будет организовано в фаланге, то выгоды его должны быть еще больше. Всем известно, что крупная промышленность вытесняет мелкую именно благодаря большей производительности труда в крупном производстве. Но фаланга будет иметь одно важное преимущество перед современным крупным предприятием: ей будет выгодно вводить такие машины, такие усовершенствованные приемы производства, которые не могут быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствует низкая заработная плата (делающая ручную работу более дешевым способом производства, чем машинную) и сопротивление рабочих введению новых машин. Машина перестанет быть врагом человека, каким она является при современном несовершенном устройстве общества, и станет его помощником и слугою.

Точно также будет преобразовано и земледелие. Соединение в фаланстере земледелия с промышленностью даст возможность избежать еще одного огромного недостатка хозяйственного устройства цивилизации, именно вынужденной праздности земледельца в зимнее время.

Наконец, в области торговли преимущества фаланги не менее очевидны. Покупки в розницу, небольшими партиями, через частые промежутки, при огромной затрате времени будут заменены правильно организованным приобретением продуктов, нужных для фаланги, и таковым же сбытом ее собственных произведений.

Все эти огромные сбережения дадут возможность достигнуть, при гармоничном устройстве общества, таких степеней богатства, о которых мы теперь и не мечтаем. На месте теперешних хижин будут воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье с особенной любовью останавливается над описанием социального дворца будущего, фаланстера.

Это прекрасное здание, план которого Фурье дает во всех мельчайших деталях. Фаланстер окружен садами; рядом с ним помещаются промышленные мастерские, сельскохозяйственные постройки, распланированные таким образом, чтобы не портить общего вида. Сам фаланстер и все хозяйственные постройки соединены закрытой галереей - каналом, по которому циркулирует жизнь фаланги. Галерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цветами, полна света и воздуха; в ней устраиваются общественные собрания, выставки, балы, концерты. В фаланстере помещается храм и театр.

Каждый выбирает себе в фаланстере квартиру по своему вкусу, причем предоставляется усмотрению каждого меблировать ее собственной мебелью, или получать полную обстановку за известную плату от фаланги.

Каким же образом должна быть организована работа фаланги? Вопрос этот является основным для всей системы Фурье, и в разрешении его наш автор проявляет

наибольшую оригинальность. Не забудьте, что Фурье не признает вредных страстей или влечений. Человек устроен таким образом, что все его страсти естественно образуют гармоничный ряд. Наши страсти суть элемент неизменяемый и постоянный, а общественные формы - преходящий и изменчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться к общественному устройству, а социальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человека направлялись не во вред обществу, а на пользу ему. Соответственно этому принципу - предоставления полной свободы всем страстям и стремлениям человека, - должен быть организован и труд в фаланге. В ней должна быть для всех членов фаланги полная свобода в выборе занятий. Прирожденные способности, симпатии, привычки, знания определяют, какое занятие изберет себе каждый член фаланги.

Так как все работы фаланги будут совершаться сообща, то естественно возникнут группы рабочих, занимающихся тем или иным делом. Чтобы объяснить, каким образом возникнут группы, Фурье указывает на детей. Возьмите любую гимназию или пансион. Какое зрелище представляют собой школьники в то время, когда они свободны от занятий? Они не разбредаются порознь, но среди них сами собой возникают группы. Одни заняты одной игрой, другие - другой, одни - одним делом, другие - другим. Каждый присоединяется к той группе, которая кажется ему наиболее привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослых людей, если они будут предоставлены собственным влечениям, если над ними не будет висеть внешней силы, противодействующей этим влечениям. Современная организация труда, делающая невозможной такую естественную группировку рабочих, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождает отвращение к труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будет в этом отношении противоположностью современному строю. Каждый будет выбирать себе занятие по вкусу, присоединяться к той группе, которая ему всего более нравится.

Обыкновенно думают, что существуют известные роды труда, которые по самому своему характеру неприятны для человека. Мы уже говорили, что это неверно. Труд данаид не может быть привлекательным, но не потому, что он требует исключительных усилий, а потому, что он безрезультатен. Высшая задача социальной организации - полное и гармоничное развитие сил человека - будет разрешена только тогда, когда будет открыто средство сделать всякий труд привлекательным. А это и будет осуществлено в фаланге. Каждая группа производителей фаланстера работает сряду не более 2-х часов. Как только труд становится утомителен и теряет свою привлекательность, группа прекращает работу, ее члены входят в состав новых групп и с новой энергией принимаются за новую работу.

То, что теперь называют ленью, в сущности есть не что иное, как отвращение к однообразной, монотонной работе; это отвращение, точно так же как и честолюбие и жажда первенства, будут не ослаблять, а усиливать энергию труда в фаланстере. Те силы, которые в цивилизованном обществе действуют разрушительно, в фаланге будут служить общим интересам.

Каким же образом будет совершаться распределение продуктов в фаланге? Весь продукт будет делиться на 3 неравные части: 5/12 будет идти труду, 4/12 капиталу и 3/12 - на вознаграждение таланта. Хотя все работы будут производиться сообща, равенства вознаграждения в фаланстере не будет. Каждый будет получать соразмерно своему участию в производстве. И хотя, сравнительно с современным состоянием, доход от труда возрастет в гораздо большей степени, чем доход от капитала, тем не менее, и капиталисты не потерпят никакого убытка. Доход рабочих увеличится в 6-8 раз, а капиталистов - в 3-4 раза. Сверх того во много раз увеличится вознаграждение таланта.

Мы не будем останавливаться над описаниями прелести жизни в фаланстере, которые так увлекали самого Фурье и его учеников. Наш утопист рисует эту жизнь, как постоянный, светлый и радостный праздник, которого не будут омрачать никакие тени, никакое страдание, никакой диссонанс. И все это будет достигнуто, благодаря тому, что организация производства и потребления в крупных размерах, вместе с увеличением энергии труда, вследствие его привлекательности, дадут человечеству столько богатства, что люди не будут испытывать ни в чем недостатка.

Как только возникнет первая фаланга, гармоничность устройства ее подействует так завлекательно на остальное население, что, мало-помалу, без всякого насилия и принуждения, сами собою начнут возникать новые и новые фаланги. Постепенно они покроют весь мир, сделают плодородной Сахару и заселят пустыни Сибири. Настанет земной рай, - и человек благословит свою судьбу; люди убедятся на опыте, что их удел на земле - счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся не в человеческой природе, а в несовершенствах социальной организации...

Научное значение всей этой утопии заключается в том, что Фурье в яркой и выпуклой форме показал, в каких огромных размерах возможно увеличение общественного богатства при планомерной организации производительных сил общества. Фурье сделал популярной идею широкой производительной и потребительной ассоциации, охватывающей все стороны человеческой жизни. В своей утопии Фурье выше Сен-Симона и его Школы. Сен-симонисты не могли выработать определенного плана устройства нового социального мира, а план Фурье был так тщательно разработан в деталях, казался таким практичным и осуществимым, обещал так много, что общественное влияние Фурье не могло не быть более глубоким, чем влияние Сен-Симона. Первый был скорее изобретателем, второй - исследователем. Фурье влиял на массы, а Сен-Симон на избранных. Что касается до чисто критической части учения Фурье, то и она заключала в себе много глубокого и замечательного. В ней замечается много общего со взглядами Сен-Симона, хотя не подлежит сомнению, что оба великих социалиста выработали свои системы совершенно независимо друг от друга.

Несмотря на остроту своего критического взгляда, Фурье остается, в общем, утопистом. В своих социальных построениях он совершенно обходит глубочайший антагонизм нашего времени - антагонизм труда и капитала - и предается утопической надежде гармонически соединить оба эти враждебные общественных элемента в строе будущего. С точки зрения Фурье, указанный антагонизм не имеет значения, так как ассоциация будущего - фаланга - обладает такими колоссальными, производительными силами, что богатства хватит на всех. Но в этом и заключалась утопия.

КРИТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Великие утописты - Оуэн, Сен-Симон, Фурье - были не только утопистами, рисовавшими в голубой дали облитый солнечным светом новый чудный мир, который должен придти на смену тяжелого и мрачного старого мира, но и глубокими критиками современного социального строя. Однако утопия стояла у них, несомненно, впереди критики. Утописты призывали не к социальной борьбе, а к социальному творчеству; они смотрели так далеко вперед, что окружавшее их взволнованное море политической жизни почти не попадало в их поле зрения. Поэтому неудивительно, что учения утопистов не вызвали никаких крупных классовых общественных движений и не стали лозунгом никакой могущественной политической партии. Характерной чертой утопического мировоззрения была непоколебимая уверенность в возможности гармонического примирения всех

общественных интересов. Утописты были глубоко убежденными - не за страх, а за совесть - проповедниками социального мира, служащего темой стольких фальшивых мелодий в буржуазном лагере. Но в отличие от "социальных гармонистов", типа Бастиа, утописты искали мира не в царстве капитала, а в царстве будущей свободной ассоциации.

Утописты стояли в стороне от политической классовой борьбы, отрицали неизбежность ее и видели в ней продукт человеческого невежества. Борьба, однако, продолжалась, - голоса немногих мечтателей не могли изменить течение исторического потока. Это не значит, чтобы проповедь утопистов не имела практических результатов, - но сфера влияния утопистов лежала не в политике, а в положительном творчестве новых общественных форм. Мы видели, что Оуэну удалось создать великое кооперативное движение, охватывающее в настоящее время миллионы рабочих всего света. Точно также не подлежит сомнению и влияние Фурье на образование производительных ассоциаций. Таким образом, практическое дело утопистов уже и теперь громадно. Еще неизмеримо большее значение оно должно приобрести в будущем. Создание нового социального идеала нужно считать самым крупным завоеванием общественной мысли XIX столетия.

Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своих продолжателей - критиков капиталистического строя - Прудона, Родбертуса, Маркса. И если Маркс заставил на долгое время забыть своих более великих предшественников и учителей, то это лишь потому, что условия исторической жизни выдвинули в наше время на первый план классовую политическую борьбу, значения которой не понимали утописты.

Правда, подобно тому, как утописты были одновременно и критиками, так и Маркс был не только критиком, но и последователем социального идеала утопистов. Однако, критические, отрицательные элементы, несомненно, берут в учении Маркса перевес над положительными, творческими. В "Капитале" утопия складывает свои крылья и опускается с неба на землю; в этом и сила и слабость Маркса. Утописты стремились угадать цель, к которой движется современное общество; Маркс сосредоточил свое внимание на изучении пути к этой цели. Путь исторического развития казался утопистам простым; мирная пропаганда новых взглядов - дальше этого не пошли утописты. Для продолжателей их дела выдвинулась на первый план иная огромная задача - открытие закона развития современного общества. Исходя из критических идей самих утопистов, в особенности Сен-Симона и Фурье, критическое направление пришло к выводу, что важнейшим содержанием истории является борьба различных общественных групп за свои экономические интересы. Отсюда вытекло и иное отношение к этой борьбе. Утописты обращались со своей проповедью ко всему обществу, без различия классов. Критическое направление попыталось слить в одно целое дело осуществления нового социального идеала с защитой интересов одного общественного класса, составляющего большинство населения - пролетариата. Направление это быстро стало одним из самых могущественных факторов политической жизни Западной Европы, благодаря тому, что оно сумело сделаться выразителем политических и экономических требований рабочего класса.

Полного развития рассматриваемое направление достигло в трудах Маркса; хотя в настоящее время ортодоксальный марксизм пережил апогей своего успеха и находится в периоде разложения, тем не менее и теперь марксизм остается господствующим социальным мировоззрением среди рабочих масс Германии. Как бы мы ни оценивали положительных заслуг автора "Капитала", не подлежит сомнению, что по своему влиянию на умы современников Маркс далеко оставляет за собой всех социальных мыслителей нового времени. Провозглашенная Марксом политическая борьба, как средство осуществления классовых интересов пролетариата, поглотила лучшие силы рабочего класса континента. Положительное экономическое творчество,

к которому призывали утописты, не пользовалось никаким сочувствием политиков школы Маркса. И только в самое последнее время наблюдается в этом отношении реакция,- кооперативное движение признается многими выдающимися немецкими последователями Маркса не менее важным делом, чем политическая организация рабочих. Таким образом, даже в главной твердыне марксизма возникает новое течение и вырабатывается новая тактика, объединяющая в себе сильные и жизнеспособные элементы утопизма и марксизма, - тактика уже давно нашедшая блестящее практическое выражение в деятельности бельгийской рабочей партии.

I. Прудон

Бывают исторические фразы, как и исторические события. Одна из таких фраз принадлежит Прудону. Его сочинения теперь почти забыты; но кто не знает, что Прудон решился дерзновенно провозгласить - "la propriete c'est le vol". Эти несколько слов больше содействовали знаменитости автора, чем десятки написанных им толстых томов.

Но если вообще трудно охарактеризовать парой слов содержание богатой и разнообразной жизни человека, то это в особенности верно по отношению к Прудону. Его всем известная фраза не только не дает нам ключа к пониманию мировоззрения автора, но способна внушить совершенно превратное представление о взглядах этого замечательного человека, Прудон вовсе не был крайним революционером; он не проповедовал грабежа и расхищения имущества богатых, как можно было бы подумать по его дерзкому сопоставлению собственности с кражей. Как общественный деятель Прудон всего менее мог быть обвинен в беспощадном радикализме; его упрекали, и с полным основанием, в обратном - в угодливости правительству, в склонности к компромиссу, в оппортунизме. Правда, его фраза прозвучала в свое время как звон набата. От нее пахнет кровью и дымом пожаров, она способна нарушить сон мирного буржуа и внушить его испуганному воображению картины гражданской войны и всеобщего разрушения. Но самое лучшее средство покончить с этими страхами - это познакомиться с сочинениями самого автора знаменитой фразы.

Пьер Жозеф Прудон (1809 - 1865) был сыном мелкого городского ремесленника. Он сам называл себя мужиком и когда в 1848 г. ему случилось возражать в национальном собрании одному легитимисту, хваставшему знаменитостью рода, он с гордостью заявил: "У меня 14 предков мужиков - назовите мне хоть одно семейство, имеющее больше благородных предков!" Жизнь Прудона была далеко не из легких. Судьба его не баловала. Главным бичем его жизни была постоянная нужда. В молодости он перепробовал несколько профессий - был наборщиком, затем содержал небольшую типографию, разорившись, поступил секретарем к одному богатому барину. Затем для него стал главным источником заработка литературный труд, который, однако, не мог обеспечить ему достаточного дохода, благодаря тому, что Прудон был во вражде со всеми партиями и не имел опоры в прессе. Поэтому он очень тяготился литературным заработком и неоднократно пытался получить место в каком-нибудь торговом предприятии; так, несколько лет он управлял делами одной торговой фирмы. Ему приходилось много претерпеть от гонений правительства, хотя он был совершенно чужд принципиальной оппозиции власти. Наоборот, он постоянно носился с мыслью привлечь правительство на свою сторону и с его помощью осуществить свои проекты. Незадолго до февральской революции он выразил уверенность, что эра революций миновала навсегда и что трону Луи Филиппа не угрожает никакая опасность. Февральская революция, в которой Прудон не принимал никакого участия, сделала нашего автора депутатом национального собрания. Но благодаря своей обычной тактике - наносить удары с одинаковым ожесточением направо и налево -

радикализму и консерватизму - Прудон не преуспел на политической трибуне. Только один раз ему пришлось выступить в собрании со своим собственным проектом коренной реформы налогов. Он произнес горячую речь, и в результате голосования на стороне проекта оказалось... два голоса, включая и голос самого Прудона.

Политическая деятельность Прудона закончилась присуждением его к трехлетнему тюремному заключению за нападки на президента республики - Луи-Наполеона. С наполеоновским правительством наш автор никак не мог поладить. Он не считал себя непримиримым врагом империи, столь же мало, как и монархии Луи-Филиппа. Но империя считала его своим врагом и не останавливалась перед суровыми карами, чтобы зажать рот беспокойному публицисту. Через несколько лет после своего освобождения он опять навлекает на себя неудовольствие бонапартовской полиции и только бегством в Бельгию спасается от угрожавшего ему нового тюремного заключения.

В то же время республиканская партия обвиняла Прудона в заискивании перед империей. Действительно, в одной брошюре, вышедшей вскоре после переворота 2-го декабря, Прудон обнаружил довольно благосклонное отношение к виновнику этого позорного акта и признал возможным при известных условиях оправдать переворот. Авансы по адресу империи встречаются и в некоторых последующих сочинениях преследуемого автора. Непримиимые враги бонапартовского режима, ставили также с полным основанием в вину Прудону, что он воспользовался амнистией Наполеона и вернулся во Францию после того, как раньше публично заявлял о своем решении ни в каком случае не принимать амнистии из рук правительства, присудившего его к тюрьме.

Все это, несомненно, доказывает отсутствие политической стойкости у Прудона. Но помимо недостатка гражданского мужества, поведение его объясняется и другими соображениями, не бросающими столь неблагоприятного света на личность автора знаменитого мемуара о собственности. Прудон не был вполне чужд утопического мировоззрения, типическими выразителями которого могут считаться: Оуэн, Сен-Симон и Фурье. Это мировоззрение, отрицавшее значение политической борьбы, дало возможность Оуэну, чистота побуждений которого стоит выше всяких подозрений, обращаться с адресами к реакционным правительствам Священного союза, а благородному и рыцарственному Сен-Симону посвящать свои сочинения Людовику XVIII. Точно также и Прудон был равнодушен к политике и несмотря на свой собственный достаточно, казалось бы, убедительный опыт не покидал несбыточной надежды заставить правительство служить своим идеям.

В общей же сложности Прудон отнюдь не был героической натурой. Его социальные идеалы также не отличались высотой; на них ярко отразилось миросозерцание того класса, откуда вышел Прудон - мелкой буржуазии. В этом отношении весьма характерно отношение Прудона к женщине и семье. Великие утописты стремились к такой же коренной реформе семьи, как и современного общественного строя. Они требовали не только освобождения труда, но и освобождения женщины. Напротив, мнения Прудона о так называемом женском вопросе нисколько не возвышались над уровнем обычных буржуазных взглядов на брак и семью. Он сам был женат на простой работнице и нашел в ней свой идеал хорошей хозяйки и любящей матери своих дочерей, об образовании которых он совершенно не заботился. Женщина была в его глазах низшим существом; к образованным женщинам он относился с нескрываемым отвращением и заявлял, что предпочитает им куртизанок. Семья представлялась ему прочным и неразрывным, хозяйственным союзом, в котором должен неограниченно царить мужчина; на долю мужчины выпадает высшая духовная деятельность, между тем как женщина должна быть только хозяйкой и матерью. Так называемая эмансипация женщины повела бы,

по мнению Прудона, лишь к разврату, ибо только суровый долг и узы брака могут ввести в границы и сдержать стихийную чувственность, заложенную в женщину.

Перейдем к рассмотрению сочинений Прудона. Из них самым блестящим является его юношеская работа о собственности - "Qu'est-ce que la propriété? Lememoire" (1840), написанная на тему, данную академией, подобно знаменитой книге Руссо о влиянии цивилизации на нравы людей.

Прудон рассматривает в этой работе одну за другой так называемые теории собственности - юридические обоснования этого социального института. Среди юристов наиболее популярна теория первого завладения. Сущность этой теории сводится к следующему. Чтобы работать и добывать пищу, человек должен обладать орудиями труда, а также участками земли, подвергаемыми обработке. Вначале земля не принадлежала никому. Поэтому всякий мог захватить себе столько земли, сколько ему нужно было для обработки, и мало помалу земля перешла в частную собственность без нарушения чьих-либо прав и интересов. Но когда земля была таким образом поделена, положение вещей резко изменилось. Завладевать было нечем, потому что никто не имеет права пользоваться той вещью, которая уже принадлежит другому. Общество распалось на имущих собственников и пролетариев.

Но завладение, - говорит Прудон, - может давать человеку право лишь на то, что ему действительно необходимо для существования и к чему он лично приложил труд. Как же оправдать с этой точки зрения захват одним лицом огромных земельных пространств, требующих для своей обработки сотен и тысяч рук? Теория завладения, юридически обосновывая мелкую собственность, тем самым отрицает правомерность крупной собственности.

Экономисты со времен Локка приводят обыкновенно в защиту частной собственности доводы другого рода. Они придерживаются так называемой рабочей теории. Из этой теории исходят, например, в своей защите собственности Тьер и Бастиа. Право собственности, говорят они, основывается на праве рабочего бесконтрольно распоряжаться продуктами своего труда. Бастиа прямо так и определяет сущность права собственности: "собственность есть право рабочего на ценность, созданную его трудом". Но если так, то вся земельная собственность должна быть признана незаконной и несправедливой. Нам говорят, что человек приобретает право собственности на землю, потому что он ее обрабатывает, прилагает к ней свой труд. Но разве продуктом его труда является земля, а не хлеб, сено, вино и пр.? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на средства производства? Почему в прежнее время приложение труда к земле могло давать земледельцу право собственности на землю, а в настоящее время оно не приводит уже к этому праву? Почему в настоящее время арендатор не признается собственником земли, которую он десятки лет обрабатывал и улучшал?

Также несостоятельна так называемая "легальная" теория права собственности - обоснование этого права волей законодателя. Требуется указать высший, нравственный или юридический принцип, на котором покоится институт собственности. Ссылка на закон есть признание, что такого высшего принципа не существует и что право собственности основывается просто на силе. Попытка иначе обосновать с точки зрения легальной теории право собственности возвращает нас к теории завладения или рабочей теории.

Итак, существующие теории собственности бессильны оправдать это право. В действительности, оно есть не что иное, как право получения дохода, не основанного на труде, иначе говоря - право получения без всякого возмещения продуктов, произведенных другими лицами. Собственник, в силу своего права, жнет, где не сеял, потребляет то, чего не произвел, и пользуется наслаждениями, когда другие умирают с голода. Доход, вытекающий из права собственности, принимает различные формы в зависимости от своего источника. Доход этот называется арендной платой, когда его

источником является земельная собственность, наемной платой, когда он вытекает из собственности на здания, процентом, если он извлекается из денежного капитала, наконец, прибылью, если получение его основывается на пользовании торговым или промышленным капиталом. Но во всех этих случаях сущность дела остается одна и та же - извлекаемый доход не основывается на труде.

Откуда же получается названный доход? Очевидно, какова бы ни была форма этого дохода, источник его может быть лишь один: рабочие создают больше ценностей, чем получают их в виде заработной платы, излишек поступает в пользу собственника и составляет его доход - арендную или наемную плату, прибыль или процент. Следовательно, "la propriété c'est le vol".

Нужно, однако, иметь в виду, что несправедливость и угнетение заключаются не в том, что человек завладевает орудиями труда или земельным участком, а в том, что один человек лишает того и другого других людей. Поскольку владение одного человека не нарушает прав другого, постольку собственность является вполне правомерной формой пользования орудиями и предметами хозяйства. Но существующая историческая собственность неизменно основывалась на насилии и эксплуатации. Частная собственность была глубочайшей причиной общественного неравенства, а следовательно, и всех революций, посредством которых люди стремились восстановить равенство.

Но если собственность разрушает равенство, ведет к порабощению слабого - сильным, то коммунизм привел бы к другому неравенству, еще более губительному. В таком обществе, о котором мечтают социалисты, слабые угнетали бы сильных, ленивые и неспособные жили бы на счет трудящихся и способных. Коммунизм есть система рабства, так как общность владения требует принудительной организации труда, лишает членов общества свободы действий и превращает их всех в рабов государства.

Таково содержание знаменитой книги Прудона. В ней впервые с полной ясностью и резкостью высказана мысль, что центральным правовым институтом современного общества, институтом, на котором все основывается, из которого все исходит, и хорошее и дурное, составляющее цивилизацию, которой мы так гордимся, является институт частной собственности, и что критика современного социального строя должна быть прежде всего направлена на этот основной социальный институт, одинаково присущий всем цивилизованным народам.

Право собственности до такой степени привычно человеку нашего времени, что оно кажется не исторически развившейся, а потому и подлежащей дальнейшему развитию юридической нормой, а как бы первоначальным и неотъемлемым условием самого общественного существования человека. Этот институт, вкоренившийся глубочайшим образом в современную жизнь, подчинил своему влиянию все нравственное мирозерцание цивилизованного человека. На этой почве возникло условное чувство чести, более гнушающееся нарушения права собственности, чем нарушения самых естественных прав человеческой личности.

И вот является писатель, осмелившийся посягнуть на это святая святых современного общества, порвать со всеми установившимися представлениями о дурном и хорошем, честном и бесчестном! Если собственность есть кража, если почтенный бережливый рантье ничем не отличается от рыцаря большой дороги, то, значит, все рушится, все теряет смысл и значение, наступает хаос, в котором бедный буржуа чувствует себя совершенно не в силах разобраться. Немудрено, что дерзновенные слова Прудона прогремели по всему свету. Сам автор был так горд ими, что не обинуясь объявил их самым великим событием своего времени.

Однако слова эти были не так уж новы. Знаменитая фраза о собственности была впервые сказана еще в XVIII веке вождем жирондистов Бриссо. Но у Прудона она была выражением целого общественного мировоззрения, венцом социальной

системы, чего отнюдь нельзя сказать о Бриссо. Слова Прудона заключали в себе определенную теорию происхождения нетрудового дохода. Согласно этой теории, нетрудовой доход основывается на эксплуатации рабочего, присвоении собственником доли трудовой ценности, создаваемой рабочим. Учение это естественно вытекает из трудовой теории ценности, понимаемой абсолютно и механически, т.е. не как определенное методологическое допущение, а как выражение реального свойства труда быть единственной субстанцией ценности; теория неоплаченного труда была развита уже школой Оуэна, а свое завершение она получила у Родбертуса и Маркса. Что касается до Прудона, то он, несомненно, исходил из нее, хотя в его мемуаре о собственности, как и в последующих сочинениях, теория эксплуатации труда не сделала ни шага вперед сравнительно с более ранними сочинениями английских социалистов. Вообще, знаменитая книга Прудона о собственности, более замечательна по блеску изложения, сильному, полному воодушевления и страсти языку, ярким, остроумным, парадоксальным оборотам мысли, чем по новизне и глубине содержания. В теоретическом отношении наиболее ценным в разбираемой работе можно признать самую постановку вопроса, темы исследования.

Но правильно поставив задачу, Прудон мало сделал для ее разрешения. Его критика института частной собственности, в общем слаба. Действительно, в чем заключается эта критика? Главным образом, в разборе господствующих юридических теорий обоснования права собственности. Но если бы даже Прудону удалось совершенно разбить эти теории, отсюда вытекало бы не то, что институт собственности заслуживает отвержения, а лишь то, что собственность защищается учеными плохо. Вместо исследования социальных результатов права собственности, значения этого права для интересов различных классов населения и всего общества в целом, наш автор дает нам юридический анализ рассматриваемого права, и анализ, к тому же весьма неудачный... Прудон, конечно, не доказал невозможности юридического обоснования права собственности. Его критические удары направляются, главным образом, против двух теорий собственности - теории завладения и рабочей теории. Но самой сильной в научном отношении теории собственности - так называемой легальной теории - Прудон почти не затрагивает своей критикой. Согласно этой теории, право собственности имеет за себя верховную юридическую санкцию не какого-либо отвлеченного этического начала, а общественной пользы. Общество нуждается в институте частной собственности не в силу его справедливости, а в силу его социальной плодородности. Чтобы разбить этот аргумент в пользу собственности, следовало бы доказать, что общество, в целом или в лице большинства, не пострадает или даже выиграет от уничтожения частной собственности. Ничего подобного Прудон не исполнил, да и не мог исполнить, так как - и это самое главное, - он отнюдь не принципиальный враг частной собственности, как это можно было бы подумать, судя по резкости его критики.

Мы видели, что, отвергая частную собственность в современной ее форме, Прудон не менее решительно высказывается против социализма. Никакого положительного решения автор не дает, и читатель остается в недоумении, что же, собственно, защищает критик. Рассеять этого недоумения не сумел бы и сам Прудон, так как он, как можно с уверенностью утверждать, и сам определенно не знал, каким образом можно предотвратить эксплуатацию одних членов общества другими, возникающую при господстве собственности, и в то же время избежать указываемых им бедствий коммунизма. Правда, его умственному взору представлялась некоторая туманная утопия коренной реформы права собственности при сохранении личного владения, но утопия эта облеклась в разное время в разные формы. Прудон до конца жизни не терял надежды придумать такое социальное устройство, которое одинаково обеспечивало бы личную свободу каждого и благосостояние всех. Свобода и

равенство были основными политическими догматами Прудона. Он не соглашался пожертвовать ни одним из них. Во имя равенства он отвергал частную собственность в существующей форме; во имя свободы он отвергал социализм. Нужно было, следовательно, найти такое общественное устройство, в котором и свобода и равенство были бы обеспечены в равной мере.

Задача была не из легких, и немудрено, что Прудон постоянно колебался между различными решениями ее. Интересно, что под конец жизни он нашел, наконец, свой идеал не в чем ином, как... в русской общине. В своем посмертном сочинении "Theorie de la propriete" Прудон говорит, что истинное решение проблемы собственности дано славянской расой, создавшей общинную собственность, при которой земля принадлежит всей общине, а право пользования отдельными земельными участками - каждому члену общины.

"Требованием владения такого рода, - заявляет наш автор, - я закончил свой первый мемуар о собственности, не дав этому требованию вполне ясной формулировки. Распространить славянскую форму владения было бы большим шагом вперед в цивилизации. Эта форма более пригодна для применения в жизни, чем абсолютное "dominium" римлян, которое воскресло в нашем праве собственности. Никакой разумный экономист не может желать большего. При господстве славянского права владения рабочий получает должное вознаграждение, и плоды его трудов вполне обеспечены. Этот принцип славянской цивилизации есть самый славный факт в истории этой расы".

Самым ценным в научном отношении трудом Прудона мы считаем его "Systeme des contradictions economiques ou Philosophic de la misere" (1846). Эта работа произвела огромное впечатление на современников; в Германии быстро появились три перевода ее, и даже ученые буржуазного лагеря, как, например, один из основателей исторической школы знаменитый Бруно Гилдебранд, признали Прудона выдающимся экономическим мыслителем эпохи.

В "Экономических противоречиях" Прудон дает критическое исследование основных категорий современного экономического строя. Под влиянием Гегеля он видит задачу науки об обществе в исследовании процесса общественного развития. "Социальная наука, - говорит он, - есть систематическое и рациональное познание не того, чем общество было, и не того, чем оно будет, но того, что оно есть во всей своей жизни, т.е. в совокупности своих последовательных проявлений".

Социальная наука одинаково чужда как консерватизма, так и утопии. Она исследует самый процесс общественного движения, и свои практические требования выводит из открываемых ею законов этого движения.

"Краеугольным камнем экономического здания является ценность". Со времени А. Смита экономисты различают два рода ценности - потребительную и меновую. В каком же отношении друг к другу находятся эти два вида ценности? Увеличение предложения товаров увеличивает общую сумму их полезности, их потребительной ценности, но понижает их рыночную цену. Уменьшение предложения повышает цену, хотя полезность становится меньше. Следовательно, между меновой и потребительной ценностью существует внутреннее противоречие.

Противоречие это разрешается конституированием ценности - приведением ее в соответствие с трудом, затраченным на производство каждой вещи.

Но задача конституирования ценности еще далеко не разрешена обществом. От этого зависят все отрицательные явления современного хозяйственного строя - расстройство товарного обращения, потрясения кредита, промышленные, денежные и торговые кризисы, неравенство вознаграждения рабочих, эксплуатация одних членов общества другими, бедность большинства населения. Если бы товары обменивались в соответствии с трудом, то всякий получал бы вознаграждения пропорционально своим заслугам; теперь же мы видим, что представители физического труда

вознаграждаются ничтожно, между тем как те профессии, которые составляют достояние привилегированных, достаточных классов общества, оплачиваются во много раз выше. Если бы обмен совершался на основании трудовой равноценности, то рабочий, отдавая свой труд капиталисту, получал бы от него всю созданную трудом ценность и эксплуатация труда капиталом должна была бы прекратиться. Существование в современном обществе непроизводительных классов, потребляющих, но не производящих, есть результат того, что конституирование ценности еще далеко не достигнуто.

Но, с другой стороны, весь прогресс общества заключается в борьбе за эту великую цель. "Политическая экономия есть не что иное, как история этой борьбы. Поскольку политическая экономия освящает и желает упрочить аномалию ценности и притязания эгоизма, она есть, поистине, теория несчастья и организации бедности; но поскольку она указывает средства, открытые цивилизацией, к уничтожению пауперизма (хотя эти средства монополия непрерывно стремится обратить в свою пользу), она предвещает организацию богатства".

Учение о ценности является основанием всей системы "Экономических противоречий" Прудона. Последовательно, одна за другой, рассматривает Прудон экономические категории, и так как в корне их лежит противоречивая категория ценности, то все они оказываются содержащими в себе внутренние противоречия. Подобно тому, как человеческий ум изобретает одну гипотезу за другой для разрешения трудной задачи, так и мировая мысль, - говорит наш автор, - последовательно создает новые социальные категории, все более полно разрешающие противоречия социального строя.

Социальная эволюция начинается с разделения труда. Разделение труда дает возможность человечеству осуществить идею равенства, так как только при дифференциации профессий каждый может заниматься тем, к чему он наиболее способен или к чему он чувствует наибольшее влечение. Социализация труда увеличивает в огромных размерах его производительность и открывает человечеству широкую дорогу к накоплению богатства и знания. Но, с другой стороны, разделение труда порабощает рабочего, делает его слепым орудием в руках хозяина, увеличивает нищету и невежество низших классов народа и ведет к сосредоточению всех благ цивилизации у небольшой кучки избранных. Новое противоречие, разрешаемое новой экономической категорией - машинами.

Изобретением машин промышленный гений человека протестует против раздробления и специализации труда. Действительно, что такое машина? Это - соединение в одном целом тех инструментов, которыми раньше работало несколько рабочих. В этом смысле введение машин по своим результатам прямо противоположно действию разделения труда. Машина должна уменьшить человеческий труд, понизить цены продуктов и сделать их доступными всем классам населения. "Машина есть символ человеческой свободы, знак господства человека над природой, атрибут нашего могущества, выражение нашего права, эмблема нашей личности".

"Но тем самым, что машины уменьшают труд рабочего, они урезают и сокращают возможность труда, благодаря чему спрос на труд все более и более падает и не достигает предложения". Вытеснение рабочего машиной есть хроническое бедствие, непрерывное и неизбежное, "нечто вроде холеры, которая появляется то под видом Гутенберга, то Аркрайта; здесь она называется Жаккардом, там Джемсом Уаттом, Ч другом месте маркизом Жоффруа".

"Машины, так же как и разделение труда, суть при господствующей системе социальной экономии, одновременно источник богатства и постоянная и фатальная причина нищеты". Нередко машины вводятся со специальной целью борьбы с рабочими; так, станок Шарпа и Робертса был введен в Манчестере для того, чтобы

победить стачку рабочих, не соглашавшихся на понижение заработной платы. Но вытесняя рабочих машинами, фабриканты сами себе роют яму, ибо рабочие суть потребители машинных изделий, и сокращение числа рабочих равносильно сокращению рынка для сбыта изделий.

Машинная работа оказывает губительное действие на организм рабочего и вызывает в фабричных странах прямо вырождение населения. В Англии наблюдается одновременно с развитием фабричного производства такое увеличение пауперизма, что рост налогов в пользу бедных идет быстрее роста населения.

Пролетариат есть прямое порождение машин. "Крупная мастерская есть первая простейшая и самая могущественная машина". Увеличивая применение машин, мы не делаем труд рабочего легче, напротив, фабричная работа и тяжелее и неприятнее прежнего ручного труда. Вместе с тем машина унижает рабочего, превращая его из искусного ремесленника в простого чернорабочего. "Каков бы ни был прогресс механического знания, сколько бы ни изобретали машин еще во сто раз более удивительных, чем прядильная машина "Дженни", паровой ткацкий станок и цилиндрический печатный станок, какие бы новые силы, еще в сотни раз могущественнее пара, ни открывали, - все же эти изобретения не только не дадут свободы человечеству, не увеличат его досуга и не улучшат потребления, но напротив, умножат труд, усугубят рабство, удорожат жизнь и еще более углубят пропасть, разделяющую господствующий и наслаждающийся класс от класса подчиненного и страдающего".

Свободная конкуренция представляет собой следующую категорию экономического строя. Всем известны выгоды свободной конкуренции, столь восхваляемые экономистами. Но экономисты упускают из виду основную истину, что "конкуренция убивает конкуренцию". Геометрия не знает истины более - несомненной. Правда, социалисты говорят нам, что во всем нужно различать правильное пользование, от злоупотребления. Есть конкуренция благородная, заслуживающая высокой похвалы - это соревнование. Но есть конкуренция губительная, безнравственная и разрушительная - это своекорыстие. Точно также экономисты требуют, чтобы мы сохранили хорошую сторону конкуренции и устранили дурную. Экономисты не отрицают, что конкуренция приводит к своей противоположности - монополии; но они видят в этом лишь злоупотребление. Однако, говорит Прудон, монополия не есть злоупотребление конкуренцией, а естественный и неустрашимый принцип последней. "Монополия есть фатальное завершение конкуренции, непрерывно порождающей монополию, как свое отрицание; в этом заключается и оправдание монополии. Так как конкуренция присуща обществу, как движение присуще живым существам, то и монополия, следующая за конкуренцией, составляющая ее цель и предел, без которых конкуренция была бы неприемлема, должна быть признаваема столь же законной". В ожесточенной экономической борьбе побеждает сильнейший, становящийся монополистом. Чем сильнее конкуренция, тем неизбежнее монополия. И мы видим, что монополия захватывает все новые и новые области хозяйства. И в земледелии, и в промышленности, и в торговле монополия становится господствующей. Благодаря этому растут производительные силы общества; коллективные рабочие, объединенные монополистом, производят больше разъединенных рабочих. Но монополия в то же время есть могущественнейшая причина общественного упадка. *Latifundiae perdidere Italiam!* Монополия стремится не к созданию наибольшей суммы общественного благосостояния, а к доставлению наибольшего дохода монополисту. Ради увеличения своего дохода монополисты готовы сократить сумму производимых продуктов - иначе говоря, пожертвовать общим благосостоянием ради своего собственного. Монополия в корне противоположна равенству.

Подобным образом Прудон последовательно разбирает экономические категории - налоги, торговлю, кредит и, наконец, собственность и коммунизм. Во всем он находит

внутренние противоречия, разрешение которых возможно будет лишь тогда, когда будет разрешено лежащее в основе современной хозяйственной системы противоречие ценности, когда закон трудовой ценности получит свое полное осуществление. В заключение Прудон критикует учение Мальтуса и противопоставляет его формуле, - что население растет в геометрической, а средства существования в арифметической прогрессии - свою собственную, гласящую, что средства существования растут как квадраты числа рабочих. Нечего и говорить, что обе формулы - и Мальтуса и Прудона - одинаково произвольны.

Таково содержание "Экономических противоречий", далеко оставляющих за собой по глубине и зрелости мысли первое экономическое сочинение Прудона. Хотя автор совершенно произвольно распределяет свои экономические категории, которые не только не соответствуют последовательности исторического развития, но и не подчинены никакому логическому правилу и столь же успешно могли бы быть размещены в обратном или в каком-либо ином порядке, все же "Экономические противоречия" содержат в себе такую глубокую критику капиталистического строя, что большинству последующих критиков капитализма оставалось только развивать или видоизменять мысли Прудона. Не подлежит сомнению, что несмотря на крайне пристрастную критику Прудона Марксом, "Капитал" Маркса создан под непосредственным влиянием "Экономических Противоречий". И это неудивительно, так как Прудон был первым замечательным экономистом, применившим гегелевский диалектический метод к исследованию системы экономических категорий во всей их совокупности. Тому же методу следовал и Маркс.

Задача "Экономических противоречий" была чисто критическая. Правда, Прудон уже и в этом сочинении довольно ясно дал понять, в чем он видит решение социального вопроса. Конституирование ценностей всех товаров - вот в чем заключалось искомое решение. Но как это достигнуть? На это Прудон отвечает в другой книге "Resume de la question sociale" (1849). Он поднимает свой старый вопрос, - что такое собственность - и решает его в том смысле, что собственность при современных условиях хозяйства есть не что иное, как своего рода привилегия на получение сбора, пошлины с продуктов, поступающих в оборот, с циркуляции товаров.

Реформируя механизм товарного обращения, мы вместе с тем реформируем и право собственности, со всеми его губительными последствиями.

Но какая сила руководит в настоящее время обращением товаров и деспотически управляет их движением? Эта сила - деньги. Следовательно, и решение социального вопроса должно заключаться в реформе денежного обращения. Денежный капитал должен утратить свою деспотическую власть.

Для достижения этой цели Прудон предлагает устройство менового банка, во многом напоминающего рабочую биржу Оуэна, с тем различием, что Оуэн стремился только к устранению денег в роли менового посредника, между тем как Прудон вместе с тем хотел достигнуть своим меновым банком и другой цели - дарового, беспроцентного кредита.

Мы не будем повторять сказанного выше (по поводу рабочей биржи Оуэна) о невозможности обеспечить сбыт всех товаров путем замены денег какими-либо условными знаками, путем организации безденежного обмена. Не организация сбыта, а организация общественного производства, замена анархического единоличного хозяйства планомерным общественным хозяйством - вот что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбыт. Меновой банк Прудона был, несомненно, утопией, хотя отнюдь не социалистической. Прудон надеялся сохранить в неприкосновенности индивидуальную свободу производителя и в то же время избавить рабочего от власти предпринимателя путем беспроцентного кредита. Но где найти капиталы для неограниченного кредита? Прудон повторяет здесь ошибку

многих буржуазных экономистов, приписывавших кредиту чудесную способность создавать богатство из ничего. Классическим и неподражаемым примером и вместе родоначальником этих утопистов кредита был кредитный Калиостро XVIII века - шотландец Джон Лоу, заразивший своим безумием чуть не всю французскую нацию, закруживший ее в вихре неистовой биржевой игры, ослепивший ее миражом фантастических сказочных богатств, лопнувших как мыльный пузырь. Весьма характерно, что Прудон относился с большой симпатией к Лоу и даже заявил в "Экономических противоречиях", что истинные идеи Лоу еще никем не поняты надлежащим образом и что, будучи правильно поняты, они могут произвести настоящий переворот в народном хозяйстве.

Такой переворот должен был осуществить меновой, или, как впоследствии его назвал Прудон, народный банк. Со своим обычным избытком темперамента наш автор в следующих выражениях возвестил о своем новом предприятии. "Я начинаю дело, равного которому не было и не будет в мире. Я хочу изменить основание общества, повернуть ось цивилизации, сделать так, чтобы мир, который по воле Божества движется с запада на восток, начал двигаться по воле человека с востока на запад". И все эти чудеса должен был произвести скромный "народный банк" с капиталом в 50.000 франков!

К счастью для Прудона судьба избавила его от разочарования и некоторого конфуза, который не мог не сопровождать неизбежного жалкого крушения предприятия, начатого с такими необычайными обещаниями. В дело вмешалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о том, чтобы "ось цивилизации" не пострадала: как раз в самое горячее время, накануне открытия операций банка, Прудон был арестован и посажен в тюрьму. За отсутствием главного руководителя, "народный банк", акции которого парижский рабочий класс раскупал очень охотно, должен был немедленно закрыться.

В заключение отметим, что Прудон считается создателем теории анархизма, превосходящей по своей утопичности все социалистические теории, к которым наш автор относился с таким осуждением.

II. Родбертус

Классовые интересы, несомненно, оказали глубокое влияние на экономическую науку, но все же политическая экономия далеко не составляет простого идеологического отражения классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочего класса могут быть противоположны интересам капиталистов, но то, что является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочего. Законы логики общеобязательны, и самый сильный интерес не может не склониться перед ними. Не существует двух политических экономии - буржуазной и социалистической, а есть одна наука о народном хозяйстве, правда, еще очень несовершенная и потому распадающаяся на несколько направлений, различия между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось места. Теоретические построения защитника капиталистических интересов Рикардо легли в основу так называемого научного социализма, долгое время опиравшегося на трудовую теорию ценности; в новейшее время некоторые выдающиеся теоретики социализма приняли новую теорию ценности - теорию предельной полезности, развитую учеными буржуазного лагеря. Таким образом, не взирая на различие классовых интересов, объективная и единая наука прокладывает себе путь, следуя своим собственным логическим законам развития и повинувшись одному голосу - истины.

Ученый может иметь классовые симпатии, но истина должна быть для него всего выше. Именно таким ученым, сумевшим подняться над своими классовыми симпатиями, не пожертвовав ради них ни крупницей того, что он считал объективной истиной, был один из гениальнейших экономистов XIX века - Карл Родбертус-Ягецов (1805 - 1875 г.).

По своему происхождению, общественному положению, условиям жизни и всей жизненной обстановке этот, наряду с Марксом, замечательнейший представитель критического социализма был совершенно чужд рабочим классам. Отец его был профессором римского права в Грейфсвальдском университете. По окончании университета Родбертус поступил на службу по министерству юстиции. Но вскоре он вышел в отставку и в 1832 г. купил в Померании крупное дворянское имение Ягецов, где и жил с небольшими перерывами до конца жизни. Он был деятельным и успешным сельским хозяином, благодаря чему пользовался значительным престижем среди местного дворянства, неоднократно выбиравшего его на разные почетные должности. В 1847 г. Родбертус был представителем дворянства в ландтаге. Как парламентский деятель он обращал на себя внимание главным образом своей горячей преданностью общегерманским национальным интересам. Революционные бури выдвинули нашего ученого на короткое время на первый план политической арены. Он с жаром выступил на защиту верховных прав народного представительства и национальной германской идеи. Когда образовалось умеренно-прогрессивное министерство Аурсваль-да-Ганземана, Родбертус получил в нем портфель министра народного просвещения.

Но министром он пробыл всего несколько дней: реакция скоро восторжествовала, и наступил период трусливых попыток парламентских либералов бороться с прусской солдатчиной. Родбертус принимал некоторое участие в этой борьбе и издал в начал 1849 г. брошюру, в которой защищал права народного представительства и отрицал законность действий прусского правительства. В скором времени он был избран депутатом одного берлинского округа. Когда собрание представителей было распущено правительством, Родбертус высказался против участия своей партии в выборах и уже больше не играл активной роли в политической жизни страны. Он сблизился с консерваторами и разошелся с либералами; поэтому, когда в 1862 г. партия прогрессистов предложила Родбертусу кандидатуру в одном округе, он отклонил это предложение.

Вся его последующая жизнь была посвящена упорному, уединенному научному труду в деревне и отчасти практической деятельности в качестве сельского хозяина. Вначале научные работы Родбертуса не имели никакого успеха; его первая статья "Die Forderungen der arbeitenden Klassen" (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась в печати только почти полвека спустя в посмертном издании. "Социальные письма" к Кирхману - работа, в полном смысле, гениальная - были напечатаны в ограниченном числе экземпляров и остались совершенно незамеченными публикой. Только в 60-х годах одинокий мыслитель начинает находить друзей и последователей. С ним завязывает сношения Лассаль, стремившийся, но безуспешно, вовлечь Родбертуса в свою агитацию, поведшую к образованию германской рабочей партии. Несмотря на все усилия, Лассалю не удалось побудить Родбертуса вступить в члены "Всеобщего германского рабочего союза". В ответ на один вопрос комитета союза Родбертус издал брошюру, в которой выразил мнение, что рабочие вполне правы в своем отрицательном отношении к Шульце-Деличу, но что и рекомендуемые Лассалем производительные ассоциации с государственной помощью не в силах разрешить социальный вопрос. В особенности неодобрительно отнесся Родбертус к тому, что рабочие под влиянием Лассалья поставили в первую очередь своих требований всеобщее избирательное право; политические задачи, - говорил Родбертус, - не должны ни в каком случае заслонять

социальных. Рабочим не следует тратить время на блуждание окольными путями политики, а нужно напрямик идти твердым шагом к своим социальным целям.

Крепкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помехой к достижению его социальных идеалов. Напротив, в его глазах особенностью нашего времени является близость политического консерватизма к экономическому радикализму. Поэтому Родбертус одновременно поддерживал сношения с создателем немецкой социал-демократии Лассалем и с консервативными политиками вроде Рудольфа Мейера и Вагнера. Он искренне верил в утопию социальной монархии и думал, что прусская королевская власть может взять на себя миссию осуществления требований рабочих классов.

Все это, разумеется, отнюдь не свидетельствует о проницательности Родбертуса как политика и о глубине его социально-политических воззрений. Его сила лежала в совершенно иной области, чем практическая политика - в области теоретической мысли. Классовые симпатии тесно связывали его с консервативными и даже реакционными общественными элементами, а как теоретик он был провозвестником общественного строя будущего. Этим и объясняется противоречивая общественная позиция великого экономиста.

Как теоретик, Родбертус стоит очень высоко. В особенности замечательно его учение о распределении, которое он развивает в самом строгом соответствии с трудовой теорией ценности.

Результатом производительной деятельности общества, - говорит Родбертус в своих "Социальных письмах", - является коллективное создание общественного продукта. Часть этого общественного продукта совсем не предназначена для общественного потребления и идет на возмещение израсходованного и уничтоженного во время процесса производства общественного капитала - иначе говоря, средств производства. Другая часть распределяется между общественными классами, владеющими тремя основными, производительными факторами - трудом, капиталом и землей - рабочими, капиталистами и землевладельцами. "Рабочая плата, земельная рента, прибыль на капитал суть социальные факты и понятия, - говорит Родбертус, - т.е. факты и понятия, которые существуют лишь потому, что соответствующие лица соединены узлами разделения труда в одно общество. При принципиальном объяснении заработной платы, ренты и пр. можно рассматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр. как целое, так что можно мыслить все общество как состоящее из одного рабочего, одного землевладельца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующие дальнейшее разделение заработной платы, земельной ренты и прибыли между отдельными рабочими, отдельными землевладельцами и отдельными капиталистами, суть иные законы, чем те, которые устанавливают распределение общественного продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль".

"Ренту образует всякий доход, получаемый без собственного труда, исключительно в силу владения имуществом. Что такой доход имеется в обществе, это не может быть никем оспариваемо, хотя некоторые и утверждают, что имущество, которым собственники владеют, есть результат собственного труда владельца. Рентой является, поэтому, как земельная рента, так и прибыль, процент на капитал".

Каким же образом возникает рента? С точки зрения Родбертуса, единственной, производительной силой является труд, всякая ценность создается трудом и только трудом. Между тем рента несомненно есть ценность, но она не есть результат труда получающего ее лица. Следовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновения ренты необходимы два следующих основных условия: "Во-первых, не может быть ренты, если труд не создает больше того, что требуется по крайней мере для продолжения труда рабочего, ибо если такого избытка нет, то никто не может получать доход не работая лично. Во-вторых, не может быть ренты, если не имеется учреждений, лишающих рабочих всего или доли этого избытка и

передающих его другим, лично не работающим, ибо рабочие, по самому существу дела, являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа дает этот избыток, основывается на хозяйственных причинах, повышающих производительность труда. То же, что этот избыток частью или целиком отбирается у рабочих и поступает в пользу других, основывается на положительном праве, которое с самого своего возникновения покоилось на силе и поныне лишь путем принуждения лишает рабочих части созданного ими продукта".

Этой силой, создавшей нетрудовые формы дохода, первоначально было рабство. Рабочие, изготовлявшие общественный продукт, были рабами своего господина, оставлявшего рабам лишь такую долю их продукта, которая была строго необходима для поддержания их жизни и работоспособности. Но рабство возникает лишь на определенной ступени производительности труда, благодаря тому, что на более ранних ступенях труд слишком мало производителен и не мог бы создать никакого избыточного продукта. Поэтому наиболее первобытные племена не обращают своих пленников в рабство, а просто убивают их.

В настоящее время рабства не существует, но отсутствие средств - производства у рабочих и принадлежность земли и капитала другим лицам оказывают на рабочих такое же принудительное действие, как и рабство. "Приказания рабовладельца заменены договором рабочих со своим хозяином, но этот договор только формально, а не материально, свободен, и голод почти вполне заменяет плеть. Что называлось раньше кормом для рабов, теперь называется заработной платой".

Причиной увеличения производительности труда, сделавшей возможной ренту, было разделение труда. "В изолированном состоянии - до разделения труда - наши потребности превосходят наши силы; в общественном состоянии - при разделении труда - наши силы превосходят наши потребности". Но вместе с разделением труда возникает и эксплуатация одних членов общества другими, распадение общества на работающие и не работающие классы, причем последние присваивают себе большую или меньшую долю продукта первых. "Утверждение экономистов, что по крайней мере первоначально, земля, капитал и рабочий продукт принадлежали самим рабочим, не только не согласуется с историей, но даже, наоборот, история показывает, что первоначально не только земля, капитал и рабочий продукт, но даже и сам рабочий принадлежали другим лицам, что первичная система эксплуатации была настолько же тяжелее современной, насколько рабство тяжелее земельной и капитальной собственности".

Получив свободу, рабочий не получил ничего, кроме свободы. Он не получил ни земли, ни капитала, требуемых для производства. И то и другое было собственностью других лиц. Такое положение вещей должно было неизбежно привести к тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками трудового продукта, рабочему же было предоставлено пользование частью произведенного им продукта как своей заработной платой. "Если труд достаточно производителен и существует право собственности на землю и капитал, то неизбежно должно произойти само собой, что рабочие будут получать как свой доход только часть своего трудового продукта, а остальная часть поступит в доход землевладельцев и капиталистов".

"Таким образом - объясняет Родбертус происхождение ренты - нетрудового дохода вообще. Но в развитом капиталистическом хозяйстве рента, в свою очередь, распадается на два различных дохода - доход капиталистов и землевладельцев, прибыль и земельную ренту". На чем же основывается это распадение?

Если мы обратимся к хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, например, к хозяйственному строю античного мира или средних веков, то мы не найдем этого распадения ренты. Возьмем, например, хозяйство римского патриция. Патриций был собственником земли, средств - производства и

рабочих. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его в окончательный продукт. Весь этот продукт, за вычетом содержания рабов и расходов по возмещению уничтожившихся в процессе работы средств производства, составлял доход патриция, очевидно не имевшего ни повода, ни возможности различать в своем доходе долю прибыли на капитал и долю земельной ренты. К тому же этот доход имел натуральную форму, благодаря чему строгая расценка его была вообще неосуществима. С точки зрения патриция, источником его дохода было имущество, в действительности же создателями этого дохода были рабы.

При таком положении вещей даже самое понятие кали-тала и прибыли на капитал не может достигнуть ясности. Только одна категория капитала выделяется и приобретает определенность уже в античном мире - это денежный капитал. Так как и при господстве натурального хозяйства, обмен не совершенно исключен, и потребность в деньгах существует иногда даже сильная благодаря тому, что денег мало, - то и на самых ранних ступенях хозяйства мы замечаем существование ростовщического денежного капитала. Ростовщический денежный процент есть почти единственно известная в античном мире форма прибыли на капитал. Но размер этой прибыли - ростовщического процента - не находится ни в какой зависимости от дохода промышленного предприятия, так как высота процента устанавливается при этих условиях исключительно нуждой заемщика, почему и процент может достигать чудовищных размеров. Благодаря этому общественное мнение древнего мира не признавало процента правомерным, нормальным видом народного дохода и видело в нем нечто противоестественное и заслуживающее порицания.

Современное хозяйство имеет совершенно иной характер. Вместо натурального производства для собственного потребления в нем господствует и дает тон экономической жизни производство для сбыта на продажу. Отсюда вытекает необходимость строгой расценки всех предметов хозяйства. Вместе с тем первоначально неделимое производство продукта с начала до конца в одном и том же хозяйстве распадается на две основных ступени. На одной ступени изготавливается сырье, на другой - сырье превращается в фабрикат. Изготовление и обработка сырья принадлежат различным предприятиям.

Первоначально единая рента должна теперь распаться на две части, так как и производители сырья и фабриканты должны получить свою долю. Какое же начало управляет разделением ренты? Начало трудовой ценности, создаваемой на каждой ступени производства, - отвечает Родбертус. "Я исхожу из предположения, - говорит наш автор, - что меновая ценность как каждого готового продукта, так и на каждой ступени изготовления продукта, равна соответствующей трудовой затрате, так что не только готовые продукты, но и сырье и фабрикат обмениваются между собой пропорционально своим трудовым стоимостям; если например, изготовление сырья потребовало столько же труда, как и превращение его в фабрикат, то готовый фабрикат будет расцениваться вдвое выше сырья". При этом условии очевидно, что рента должна распределиться между собственниками сырья и фабрикатов пропорционально трудовой затрате на каждой ступени производства, ибо рента есть доля ценности продукта, и если ценность пропорциональна труду, то и рента должна быть, при прочих равных условиях, пропорциональна труду.

Итак, если производство сырья стоило такого же труда, как и превращение сырья в фабрикат, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна сумме ренты на второй ступени. Но капитал, на который начисляется рента, неизбежно должен быть больше на второй ступени, чем на первой, так как на первой ступени в расходы производства не входит сырье, а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этих расходов.

Отсюда следует, что процент прибыли должен бы быть выше в производстве сырья (ибо капитал, на который начисляется прибыль, меньше), чем в производстве фабрикатов.

Совместимо ли, однако, с законами капиталистической конкуренции существование в двух основных отделах национального производства двух различных процентов прибыли? Конечно, нет. Избыточная прибыль, извлекаемая из производства сырья и, в частности, из сельского хозяйства, не может достаться капиталу. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капитал должен начисляться лишь такой же процент прибыли, как и на промышленный капитал. Кому же достанется избыточная прибыль в земледельческом производстве? Очевидно, землевладельцу, собственнику естественных сил, без помощи которых невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образует земельную ренту, доход землевладельца. И земельная рента и прибыль суть составные части ренты вообще, доли собственников в трудовом продукте, которая в предшествовавшие исторические эпохи поступала собственнику в неразделенном виде, а затем, вследствие обособления земельной и капитальной собственности, стала распределяться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладельцами и капиталистами и получила название земельной ренты и прибыли на капитал.

Легко понять различие этой теории земельной ренты от теории Рикардо. По Рикардо, земельная рента зависит лишь от различия естественного плодородия земельных участков или от различия производительности последовательных затрат земледельческого капитала. Родбертус нисколько не отрицает очевидного факта, что земельная рента должна быть тем выше, чем участок плодороднее, точно так же, как и того, что рента повышается при большей интенсивности сельского хозяйства. Такую земельную ренту, возникающую благодаря естественным различиям условий земледельческого производства, Родбертус называет дифференциальной рентой. Законы дифференциальной ренты выяснены Рикардо. Но в противность последнему, Родбертус утверждает, что, кроме дифференциальной ренты, существует и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая от указанных различий и неизбежно возникающая в сельском хозяйстве непосредственно в силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требует меньшей затраты капитала, чем обрабатывающая промышленность, в состав капитала которой входит это самое сырье. Поэтому не только более плодородные участки земли дают ренту, но и наименее плодородная земля, если только она обрабатывается, не может не приносить ренты.

Однако, несмотря на многие верные частности и замечательно глубокое социологическое освещение вопроса о происхождении земледельческого дохода, теория земельной ренты Родбертуса в целом безусловно несостоятельна. Она построена на предположении, что цена продукта определяется не издержками производства, а трудовой стоимостью. Но сам Родбертус признает в других своих работах ошибочность этой точки зрения. Центром тяготения средних цен является в современном хозяйстве не трудовая стоимость издержки, а издержки производства.

Если же так, то все учение о земельной ренте Родбертуса падает. Нужно согласиться, что в земледельческом производстве отсутствуют затраты на сырье, между тем как в обрабатывающей промышленности эти затраты входят в состав издержек производства. Но что же из этого следует? Большая прибыльность земледельческого производства, как думает Родбертус? Отнюдь нет. Большая прибыльность получилась бы в том случае, если бы цены сырья и фабриката устанавливались на основе трудовых затрат. А так как этого нет и быть не может, так как цены в капиталистическом хозяйстве управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно более высокие затраты капитала на производство фабрикатов приведут лишь к более высоким ценам

последних. Если фабрикат имеет вдвое высшую трудовую стоимость, чем сырье, то цена его будет более чем вдвое превышать цену сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, как показал Родбертус, должны в этом случае более чем вдвое превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусом обстоятельство (относительно меньшая затрата капитала в производстве сырья сравнительно с производством фабрикатов) ведет не к возникновению земельной ренты, а к отклонению средних товарных цен от трудовых стоимостей.

Таким образом, желая опровергнуть теорию земельной ренты Рикардо, Родбертус опроверг трудовую теорию ценности в ее абсолютной форме. Наш автор совершенно прав, утверждая, что его теория земельной ренты есть безусловно необходимый логический вывод из признания труда единственным фактором ценности. Но это говорит лишь против этой последней теории, ибо легко показать, что теория земельной ренты Родбертуса есть экономическая нелепость. В самом деле, согласно этой теории, первые ступени производства должны давать больший доход предпринимателю сравнительно с последующими. Родбертус делит в данном случае весь процесс производства на две ступени - производство сырья и производство фабриката. Но, конечно, ступеней производства в действительности гораздо больше. Так, хлопок, раньше чем превратиться в предмет одежды, должен подвергнуться целому ряду промежуточных производств, каждое из которых может быть предметом независимого промышленного предприятия (производство хлопка, пряденье, ткачество, окраска и набивка, фабрикация предметов одежды). Из теории Родбертуса вытекает, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточный доход сравнительно с последующей, ибо, по мере того как продукт поднимается по ступеням производства, ценность его растет, а следовательно растут и затраты на приобретение материала для обработки. Если бы рассматриваемая теория была справедлива, то красильщик получал бы избыточный доход сравнительно с портным, ткач сравнительно с красильщиком, прядильщик сравнительно с ткачом и т.д. На каждой ступени производства, кроме последней возникала бы добавочная рента - иначе говоря, процент прибыли был бы различен, и тем выше, чем ближе эта ступень к началу производства - изготовлению сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бывает в действительности и быть не может, ибо признаваемый Родбертусом закон равенства прибылей приводит цены продуктов на всех ступенях производства к соответствию с издержками производства.

Весьма своеобразную позицию занимает Родбертус по отношению к центральному вопросу в социально-политическом отношении - вопросу о правомерности дохода, вытекающего из права собственности. Мы видели, что автор "Социальных писем" отнюдь не склонен прикрывать вуалью разного рода истины, грустные или позорные для современной цивилизации, от которых стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критический нож режет смело и глубоко, вскрывая самые основы современного социального строя. Родбертус менее всего склонен замалчивать или отрицать, что доход, вытекающий из права собственности на средства производства, покоится всецело на праве силы, и что все попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основание, более согласное с этическими воззрениями нашего времени, должны остаться по необходимости безуспешными. Вместе с тем Родбертус отнюдь не считает права собственности на землю и капитал неустранимым условием хозяйственной деятельности вообще. Даже больше, наш автор выработал в одной из своих работ план организации общественного хозяйства при отсутствии частной собственности на средства производства. И в тоже время Родбертус выступал защитником классовых интересов крупных землевладельцев. Каким образом согласовать это противоречие?

Для Родбертуса тут никакого противоречия нет. Капиталистический, хозяйственный строй, в глазах Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая

дальнейшему развитию, долженствующему привести к замене существующей стихийной свободы частно-хозяйственного предпринимательства планомерной организацией всего национального производства под руководством общественной власти; но для данного исторического момента частнохозяйственное предпринимательство необходимо. "Хотя я думаю, - писал Родбертус в "Капитале", - что современное общество уже целиком попало в коммунистический поток, все же я отнюдь не рассчитываю на уничтожение земельной и капитальной собственности в ближайшем будущем. Противоположные экономические и правовые убеждения, могущество интересов, связанных с земельной и капитальной собственностью, умственное и нравственное состояние, как господствующих классов собственников, так и подчиненных рабочих классов, делают невозможным еще на много десятков лет крушение столь глубоко коренящихся социальных учреждений. Я не думаю также, чтобы "свободный труд" достаточно обеспечивал сохранение науки и искусства и большинства других высших благ цивилизации. Прекрасно было бы, если бы воспитание человеческого рода... уже закончилось, так что человек мог бы добровольно и по собственной инициативе исполнять прибавочную работу. Но с того времени, как лучшие умы признали неправомерность рабства, потребовалось тысячелетие, чтобы даже в цивилизованных странах Европы изгладились последние следы рабства. И хотя теперь история движется быстрее, зато и собственность на землю и капитал гораздо прочнее срослась с обществом".

Современный хозяйственный строй может поэтому, по мнению Родбертуса, с уверенностью рассчитывать на несколько столетий существования. Собственность пока необходима в высших интересах человечества. Собственники земли и капитала в качестве руководителей национального производства, исполняют в глазах автора "Социальных писем" чрезвычайно важную хозяйственную функцию. Без упорной работы ума частного предпринимателя не мог бы работать хозяйственный механизм нашего времени.

"Для того, чтобы с успехом руководить производством при господстве разделения труда, требуются не только познания, но и моральная сила и энергия. Те же свойства необходимы и для того, чтобы следить за потребностями рынка, соответственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Редко бывает, чтобы капиталист или землевладелец так или иначе не действовали в этом смысле. Деятельности этого рода рабочий не исполняет и не может исполнять по самому характеру своего занятия. Однако, она абсолютно необходима в национальном производстве. Поэтому, поскольку всякая общепольная деятельность вправе ожидать оплаты, нельзя сомневаться, что капиталисты и землевладельцы, предприниматели и руководители предприятий имеют полное право требовать от общества оплаты своей вышеуказанной деятельности. Они имеют на это такое же право, как и министр торговли, если только он исполняет свои обязанности хорошо. Вместе с тем, очевидно, что указанная деятельность, как и деятельность судьи, школьного учителя, врача и т.д., может быть оплачена только путем вычета из трудового продукта рабочих, - ибо нет другого источника материального богатства".

Вместе со всеми экономистами, социальное мировоззрение которых сложилось во вторую четверть закончившегося века - в период падения заработной платы и роста нищеты - Родбертус разделяет пессимистическое учение о тяготении заработной платы к минимуму средств существования.

"Распределение национального продукта, - говорит он, - подчиняющееся "естественным" законам обращения, приводит к тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляет все меньшую долю продукта, ибо сколько бы ни произвел рабочий, жестокие законы обмена принуждают его довольствоваться одной и той же скромной суммой средств существования, безусловно необходимой для жизни. А так как при большей производительности

труда то же абсолютное количество продуктов должно иметь меньшую трудовую стоимость, то, следовательно, рабочий, получая, несмотря на все успехи промышленности, одно и то же количество предметов потребления, отдает в пользу владеющих классов все большую долю своего трудового продукта"... В этом тяготении заработной платы к минимуму средств существования Родбертус находит объяснение роста нищеты, замечаемого именно в наиболее прогрессирующих странах.

Но этот же закон объясняет, по мнению нашего автора, и другую, не менее характерную черту господствующего хозяйственного строя - постоянное возвращение промышленных кризисов, от которых так жестоко страдают передовые страны. "Нищета и промышленные кризисы, - читаем во втором "Социальном письме", - вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современного товарного обращения создает оба этих величайших препятствия равномерному и непрерывному общественному прогрессу".

Представим себе, что производительность труда возросла. Это значит, что одинаковое количество труда создает теперь большее количество товаров, поступающих на рынок. Если бы рабочие классы имели возможность закупить это возросшее количество товаров, то, очевидно, спрос на товары соответствовал бы предложению. Но, согласно учению, принимаемому Родбертусом, реальная заработная плата остается неизменной. Если количество производимых рабочими продуктов возрастает, и цена продуктов соответственно падает, то законы обращения приводят к соответствующему понижению денежной заработной платы. При этом условии очевидно, что при каждом успехе промышленной техники рабочие классы должны предъявлять спрос все на меньшую долю национального продукта. Следствием этого должна явиться невозможность сбыть рабочим возросшее количество товаров - иначе говоря, должно получиться перепроизводство всех товаров, предназначенных для потребления низших классов населения; а так как главная масса товаров, обращающихся на рынке, относится именно к этой категории, то переполнение рынка товарами примет форму общего промышленного кризиса. "Покупательная сила большей части общества уменьшается по мере возрастания производительности труда, и следствием этого является производство потребительных ценностей, не имеющих рыночной цены и покупательной силы, несмотря на то, что потребности в них большинства населения не удовлетворены".

Таким образом, кризисы вызываются, по мнению Родбертуса, сокращением по мере возрастания производительности труда доли рабочих в национальном продукте. При этом важно иметь в виду, что Родбертус решительно отрицает, чтобы кризисы были, в какой бы то ни было связи с абсолютным размером заработной платы. "Я утверждаю, - говорит он, - что причина промышленных кризисов заключается не в недостаточности доли рабочих в общем продукте, но в падении этой доли по мере успехов техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступить, если бы эта доля была столь же мала, как и ныне, но не изменялась бы при повышении производительности труда, и, далее, что кризисы будут происходить, как бы ни была велика эта доля, если только она будет падать при росте производительности труда".

Теория Родбертуса была бы правильна, если бы его послышки соответствовали действительности. Если бы доля рабочих классов в национальном продукте падала при каждом успехе промышленности, то перепроизводство предметов потребления рабочих масс, а следовательно, и общий промышленный кризис, были бы неизбежны. Но в том-то и дело, что эта посылка не соответствует действительности. Можно признавать или отрицать факт повышения реальной заработной платы за продолжительные исторические периоды, но одно, несомненно: для небольших периодов времени денежная заработная плата гораздо устойчивее реальной. Вся теория кризисов Родбертуса построена на предположении, что сокращение доли

рабочих в рациональном продукте происходит настолько быстро и внезапно, что национальное производство не успевает приспособиться к изменившемуся спросу и капиталы не успевают перейти от производства предметов потребления рабочих к производству предметов потребления господствующих общественных классов (доля которых в национальном продукте возросла). Всего этого на самом деле нет: прогресс техники идет не скачками одновременно во многих отраслях производства, а постепенно и понемногу и в разное время в различных отраслях труда. Промышленные кризисы отнюдь не вызываются промышленными изобретениями; наоборот, крупные изобретения делаются и входят в общее употребление обыкновенно после промышленных кризисов в периоды застоя, когда низкая прибыль побуждает фабрикантов принимать меры к понижению издержек производства. Периоды торгового и промышленного оживления, предшествующие кризисам и непосредственно вызывающие их, характеризуются не ускорением технического прогресса и удешевлением фабрикатов, а, наоборот, замедлением технического прогресса и повышением цен фабрикатов. Денежная заработная плата не понижается в периоды, предшествующие кризисам, а, наоборот, повышается,

Исходя из мысли, что главное зло существующего хозяйственного строя заключается не столько в недостаточности доли рабочих в национальном продукте, сколько в ее непрерывном падении по мере прогресса техники, Родбертус предлагает ряд мер, долженствующих предотвратить это зло. В "Письме к конгрессу рабочих при всемирной выставке в Лондоне" Родбертус советует рабочим выработать нормальный рабочий день, долженствующий выражать нормальное и среднее количество рабочих часов в сутки, соответствующее силам рабочего и его интересам как человека и члена общества. Когда этот нормальный рабочий день будет установлен, следует определить, смотря по тягостности и утомительности труда в разных занятиях, сколько часов труда в каждом из этих занятий соответствует нормальному рабочему дню; это даст норму для рабочего дня в различных родах труда. Затем, нужно найти средний трудовой продукт нормального рабочего дня для каждого производства в отдельности. Таким образом, определится нормальная производительность труда. Исходя из этих данных, можно выработать применительно к господствующим условиям жизни рабочих в разных странах нормальную заработную плату (т.е. плату, пропорциональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дело рабочих настоять на принятии предпринимателями этих нормальных расценок труда, которые должны каждые десять лет пересматриваться и изменяться соответственно происшедшим переменам производительности труда. Таким образом, удастся достигнуть устойчивости доли рабочих классов в национальном продукте и предотвратить понижение этой доли.

В этом направлении, по мнению Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путем компромисса уменьшить бедствия, создаваемые свободой товарного хозяйства, превращающей самого человека в такой же товар, как и предметы человеческого потребления.

В одном из позднейших сочинений Родбертуса, изданном после его смерти, во второй части "Zur Beleuchtung der socialen Frage" содержится интересная попытка статистического освещения законов распределения народного дохода в капиталистическом обществе, по данным английской статистики подоходного налога. Родбертус пользуется работой английского статистика Бакстера, графически изобразившего социальное сложение английского общества в начале 60-х годов. Пьедестал "общественной пирамиды" образует многочисленный класс рабочих, охватывающий около 77% населения, но владеющий только 40% национального дохода; на этом пьедестале возвышается пирамида имущих классов, вершину которой образует небольшая кучка миллионеров, сосредоточивающая в своих руках около 14% национального дохода. Средние классы общества по своей численности играют

совершенно ничтожную роль сравнительно с рабочими, а по общей сумме дохода далеко уступают классу богатых людей.

Но эти данные, характеризующие распределение английского национального дохода в определенный исторический момент, ничего не говорят о тенденциях исторического развития, об изменениях, претерпеваемых общественной пирамидой под влиянием роста капиталистического хозяйства. Для этой последней цели необходимо сравнить распределение национального дохода в одной и той же стране в различные моменты времени. Родбертус пользуется для сравнения данными Колькуна, относящимися к Британскому королевству в 1812 году.

Сравнение это приводит Родбертуса к следующему заключению: "Общество все более и более развивается в противоположных направлениях. Все возрастающая неимущая масса внизу! Все более накапливающая огромные богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху! Соединяющие эти противоположности промежуточные, примиряющие классы, находятся в быстром падении и по своей численности и по своему доходу!"

И Родбертус дает свой рисунок социального сложения капиталистического общества. Внизу, на самых низах, залегает как бы придавленный тяжестью социального здания толстый пласт пауперов, нищих, бесполезных для общества и содержимых на его счет в состоянии крайней скудости и нужды. Затем, возвышается мощный фундамент, в котором сосредоточена истинная сила нации - класс рабочих, которых Родбертус изображает трудолюбивыми муравьями, питающими все остальные классы общества и воздвигающими своим трудом национальное здание. На рабочем фундаменте покоится узкая подставка - средние классы общества, - поддерживающие богатые классы - огромный денежный мешок, венчающий всю постройку...

Рисунок Родбертуса очень остроумен и изобразителен. Жаль только, что статистические данные, из которых исходит наш автор, частью мало надежны, а частью и несомненно неверны - как, например, данные Колькуна; весьма возможно, что движение национального дохода в Англии за рассматриваемое время шло в направлении, указанном Родбертусом, т.е. что общество все резче раскалывалось на богатых и бедняков, а средние классы теряли почву. Но доказать этого статистическим путем Родбертусу не удалось. И потому его статистические сопоставления следует считать лишь произвольной цифровой иллюстрацией вероятного направления общественного развития.

Родбертус был не только экономистом, но и замечательным историком. Его исследования хозяйственной истории Рима составили эпоху в изучении истории классического мира. Но исследования эти важны не только для понимания прошлого; одновременно с этим они подкрепляют и глубже обосновывают гениальные обобщения Родбертуса относительно настоящего и будущего нашего хозяйственного развития. В противоположность экономистам так называемой исторической школы, совершенно не сумевшим связать в одно целое экономическую историю и экономическую теорию, воспользоваться историческими обобщениями для установления новых теоретических посылок, Родбертус дает грандиозную картину исторического развития народного хозяйства, которая проливает новый и яркий свет на экономическую теорию вообще.

В настоящем Родбертус ищет зачаточных элементов будущего; в прошлом он видит зародыш, из которого выросло настоящее. Но так как история заключается в непрерывном творчестве новых социальных форм, то Родбертус чужд нередкой ошибки историков - конструирования социальных форм одной исторической эпохи по формам другой. Напротив, великая заслуга Родбертуса в том и заключается, что он с чрезвычайной резкостью и отчетливостью противопоставил друг другу три основных

типа хозяйственного устройства - "ойкосного" хозяйства древности, современного капиталистического менового хозяйства и социалистического хозяйства будущего.

Социальный строй древнего мира покоился на натуральном хозяйстве, картину которого Родбертус воссоздает с неподражаемым искусством. Хозяйственной единицей был ойкос - античная семья, владевшая более или менее обширным участком земли, орудиями труда и рабами, исполнявшими хозяйственные операции. И земледелие, и обработка сырья сосредоточивалось в ойкосе. "Благоустроенный ойкос сам удовлетворял всем потребностям своей обширной домохозяйственной сферы и потому настолько обеспечивал ей самостоятельность, самообеспеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывший единственным полноправным гражданином, мог всецело и бескорыстно посвящать себя служению государству". Не было никакой нужды в деньгах для того, чтобы поднимать национальный продукт со ступени на ступень в процессе производства, потому что в течение всего этого процесса продукт не менял владельца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшего своим рабам-ремесленникам продолжать работу над произведениями рабов-земледельцев. В распределении национального дохода деньги принимали ничтожное участие. Рабочего класса не было на рынке, так как в ойкосном хозяйстве рабочий получал содержание натурой. Не имело места и деление ренты между земледельцем и капиталистом (так как одно и то же лицо совмещало в себе владение капиталом и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль в хозяйстве ойкоса: они служили лишь для обмена избыточных продуктов, оставшихся за покрытием потребностей ойкоса, и обращались в международной торговле, значение которой также было весьма ограничено. Рабочего вопроса общество не знало, так как не было класса свободных рабочих. Общество распадалось только на богатых и бедных, причем богатство зависело главным образом от размера землевладения. Не имевший земли был бедняком и пролетарием. Ему противостоял богатый землевладелец, владевший множеством рабов, благодаря чему античная культура достигла высокой степени материального совершенства. Рабы, среди которых были искусно и даже художественно обученные рабочие, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, - среди которой жил, например, богатый римский патриций.

Ойкос был ячейкой античного государства. Разложение ойкоса повлекло за собой гибель и античного государства. В эпоху Римской империи разложение античного социального строя идет быстрыми шагами, и на развалинах ойкоса вырастает новая хозяйственная организация. Рабство превращается сначала в колонат - в систему прикрепления земледельческого рабочего к земле, крепостное состояние. Из колонатов образовался мало-помалу класс свободных крестьян. Вместе с тем класс прежних собственников рабовладельцев дифференцируется и раскалывается на два класса - землевладельцев и капиталистов; возникает класс свободных рабочих. Денежное хозяйство приобретает все большее значение и таким образом создаются начатки социального строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусом с удивительным мастерством и на основании самого детального изучения первоисточников; его картина развития античного хозяйства не априорное построение дилетанта-историка, а строго фактическая, документальная история специалиста. Но в то же время - что так редко бывает в подобных работах - она вся освещена и проникнута теоретической мыслью. В центре ее лежит теория ойкоса как основной ячейки античного социального строя. Теория эта является в настоящее время почти общепринятой не только среди экономистов, но в значительной мере и историков древности. Родбертус принадлежит к числу тех истинно великих мыслителей, влияние которых на потомство гораздо сильнее влияния их на современников. При жизни он стоял в стороне от широкой дороги

общественной жизни. В политической борьбе он не мог принимать участия благодаря своей противоречивой социально-политической программе. Крупный землевладелец, защитник аграрных интересов, он не мог стать во главе рабочего движения; радикально-консервативная партия - радикальная в социальных вопросах и консервативная в политических, - образования которой желал Родбертус, есть несомненная политическая нелепость. Если бы Родбертус был сколько-нибудь политиком, он быстро разочаровался бы в своих социально-политических планах. Но в том-то и дело, что уединенный мыслитель Ягцов был всего менее политиком. Он был одним из самых оригинальных и глубоких социальных философов нового времени; уже по одному этому он не мог иметь быстрого успеха. Слабость его социально-политической программы должна была еще более препятствовать влиянию его идей на умы современников.

Если сравнивать Родбертуса с Марксом, то нельзя не признать, что теория нетрудового дохода нашла у Родбертуса более точное и лирически стройное выражение, чем у Маркса. Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора "Социальных писем" глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс. Вообще в области отвлеченной экономической теории Родбертус оригинальнее и выше Маркса, далеко уступая последнему в более широкой сфере социологических обобщений. Что же касается до значения обоих мыслителей как политиков, то в этом отношении их нельзя, конечно, и сравнивать. Померанский помещик Родбертус совсем не понимал политической жизни и не пошел дальше совершенно несбыточной и не имеющей никакого практического значения утопии "социальной монархии"; а Маркс был и остается вдохновителем величайшего социального движения нового времени.

III. Маркс

Критический социализм насчитывает столько же великих представителей, как утопический социализм. Прудон, Родбертус и Маркс могут быть противопоставлены Оуэну, Сен-Симону и Фурье. Но среди критиков далеко не замечается того сходства общего мирозерцания, которое характерно для утопистов. Анархист Прудон, вышедший из полукрестьянской среды, сохранивший всю жизнь тяготение к мелкобуржуазным идеалам, имеет весьма мало общего по своему социальному мировоззрению с крупным землевладельцем и сторонником крепкой государственной власти Родбертусом; еще глубже отличается от них обоим величайший представитель критического социализма, вдохновитель новейшего рабочего движения - Карл Маркс.

В лице Маркса мы имеем перед собой удивительно законченную и цельную фигуру, как бы всю вылитую из бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоуверенное, но в то же время угловатое, жесткое, резкое сквозит во всякой черте его характерного нравственного облика. Видно, что перед вами человек, привыкший царить над умами людей и не допускающий ни минуты сомнения в своем праве на это. Его портрет несколько напоминает изображение Юпитера Олимпийца. И действительно, таким олимпийцем, повелителем неба, держащим в своих руках громоносные стрелы, должен был казаться Маркс своим многочисленным ученикам и последователям. В своем собственном царстве он был не конституционным монархом, но самодержавным владыкой. Его умственное руководство превращалось в железную диктатуру, которой должен был подчиняться каждый, поддерживавший с ним духовное общение.

По внешним фактам своей жизни Маркс может показаться типом самоотверженного борца за идеал. Большую часть жизни он прожил политическим эмигрантом, в бедности, нередко в тяжелой обстановке политического одиночества. Его первые шаги на жизненном пути сопровождались большими успехами, но затем наступили трудные, долгие годы изгнания, среди полного равнодушия публики к научной работе великого мыслителя и при невнимании рабочего класса к его социальной проповеди. Все это, однако, нисколько не сломило энергии Маркса, который в минуты невзгоды оставался таким же твердым и непоколебимым, как и во время успехов. Его социальное мировоззрение сложилось очень рано - когда ему не было и 30 лет; но умирая 64 летним стариком, он ни одним словом, ни тем более делом, не изменил этому мировоззрению и оставался ему верен до конца; никаких компромиссов не было в его политической карьере. Неуклонно шел он выбранным им самим путем и мог с полным правом применить к себе гордые слова Данте:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!

(Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят!).

И все же идеализм был не свойствен натуре Маркса. Не был он и фанатиком идеи, ибо не идея владела им, но он владел своей идеей. Из всех страстей, волнующих душу людей, его холодная душа была всего доступнее одной страсти - страсти к познанию. Упорная умственная работа привела Маркса к выработке законченного мировоззрения, и вся его жизнь превратилась в борьбу за торжество этого мировоззрения. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергию, которую Маркс проявил в своей жизненной борьбе, борьба эта не освещалась тем высшим светом, о котором говорил своим ученикам умиравший Сен-Симон - светом энтузиазма. В лице Маркса мы имеем перед собой не вдохновенного бойца за лучшее будущее человечества, не пророка и не проповедника новой социальной веры, но упорного и настойчивого мыслителя, непоколебимо убежденного, что им открыты законы развития человеческого общества, что завеса будущего спала перед его умственным взором, и что люди должны идти указанным им путем, ибо такова железная необходимость. Литературный талант Маркса был перворазрядным; многие страницы его произведений блещут такой сжатой энергией выражения и таким блеском и остроумием сравнений и метафор, что должны быть причислены к лучшим образчикам художественной прозы. Но как ни разнообразны и ни могущественны душевные струны Маркса, одна струна никогда не звучала в его душе - энтузиазма, вдохновения.

Ненависть, презрение, сарказм - вот те чувства, из которых слагался пафос Маркса. Творец "Капитала" был глубоким психологом, но нельзя не согласиться с Зомбартом, что человеческая душа была раскрыта для него лишь наполовину: все темное и злое находит в нашем мыслителе удивительного ясновидца, но по отношению к благородным движениям человеческой души он страдал чем-то, весьма похожим на умственную слепоту. Ему было знакомо негодование против зла, - но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места.

Каким глубоким контрастом является душевный облик Маркса сравнительно с обликами великих утопистов! Непобедимая любовь к людям Оуэна, рыцарское благородство Сен-Симона, вдохновенные мечты Фурье о прекрасном гармоническом строе будущего общества - все эти движущие силы идеалистического мировоззрения утопистов были чужды Марксу. И если он сошелся с утопистами в своем социальном идеале, то это, с одной стороны, потому, что научный анализ объективного хода исторического развития оправдывал в его глазах предвидение утопистов; с другой же стороны, Маркс не был лишен чувств, толкавших его в ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви к людям было ему мало доступно, но зато он был

чрезвычайно способен к вражде, - и вражда к угнетателям заменяла в его душе любовь к угнетенным.

К своим политическим врагам Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко, - для этого было достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста являются его отношения к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба, и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого ядовитого презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно.

Со своими друзьями, в своей частной жизни, Маркс был совсем иным. Подобно многим сильным людям, он был мягок и добродушен с теми, кто ему покорялся и признавал его авторитет. Суровый политический боец преобразался у своего домашнего очага, в интимном кругу среди своей семьи, которую он очень любил, в веселого, остроумного и приветливого хозяина и собеседника. По словам Либкнехта, одной из трогательных черт Маркса была его любовь к детям - он чувствовал большую потребность в детском обществе и мог целыми часами играть с детьми. Обладая крепким здоровым организмом, уравновешенным, хотя и желчным характером, Маркс любил простые непритязательные развлечения, и веселье было частым гостем в его доме. Трудно сказать, внушал ли он к себе любовь; но, несомненно, многие перед ним преклонялись и были ему преданы. Со своими верноподданными он был милостивым повелителем; но ничего похожего на равенство не было в интимном кругу Маркса. Он один царил, а все прочие - были его покорными слугами и учениками. И горе было ученику, который осмелился бы ослушаться учителя!

Карл Маркс (1818 - 1883) происходил из еврейской семьи, из которой в течение ряда поколений выходили замечательные раввины. Отец его был адвокатом и вскоре после рождения Карла принял крещение вместе со всей семьей. В университете молодой Маркс, специально изучал философию и право и получил степень доктора философии. Он предполагал открыть курс лекций по философии в Боннском университете, но созданные правительством затруднения для академической деятельности его друга Бруно Бауэра (который был доцентом богословия) побудили молодого ученого отказаться от этой мысли.

Итак, Маркс получил философское образование и первоначально думал посвятить себя специальному изучению философии. Его первая работа - докторская диссертация о философии Эпикура - была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошел Маркс, несомненно глубоко отразилась на всей последующей литературной деятельности великого экономиста. Тем не менее философа в узком смысле слова из него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своих исследований, охватывающих всю общественную жизнь, никакой законченной системы своих философских воззрений Маркс не дал. В истории философии для нашего доктора философии почти нет места.

Философская непроизводительность нашего мыслителя зависела от его быстрого разочарования в философии как особой области познания. Будущий творец материалистической теории общественного развития вышел из идеалистической школы Гегеля. В конце 30-х годов, когда наш юный студент проходил в Берлине свой философский курс, Гегель был венчанным королем философской мысли Германии. Метафизика праздновала свои самые пышные триумфы, и за ее победной колесницей скромно шла наука. Но молодой философ не надолго присоединился к этому торжественному шествию. В свойствах своего ума и характера он обладал талисманом, охранявшим его от метафизических увлечений. Трудно указать в

истории мировой мысли другой выдающийся ум, который был бы до такой степени чужд всяких идеалистических порывов, как ум Маркса. Никакого искания вечного и абсолютного, никакого стремления за пределы опыта, никакой жажды веры, никакого чувства тайны, наполняющей мир! Прямо-таки странно, каким образом такой сильный ум мог мыслить так грубо реалистически! Быть может, Маркс был единственным в истории примером гениального мыслителя, совершенно лишенного религиозного чувства. И конечно, только философская непродуманность его миросозерцания давала ему возможность с таким высокомерным презрением относиться к верховным проблемам человеческого духа, неотступно привлекающим к себе возвышенные умы. Вообще, по своему общему миросозерцанию и душевному складу, Маркс более всего напоминает французских материалистов XVIII века, с их моралью разумного эгоизма и реалистической ограниченностью философского мышления. Но французские материалисты были людьми малого духа, между тем как Маркс был мыслителем огромной силы. И в этом глубокое различие между ними.

При таких умственных симпатиях Маркс не мог проникнуться идеалистическим духом философии Гегеля. Тем не менее, гегельянская школа не прошла для него бесследно. Отвергнув наиболее существенную идеалистическую часть системы Гегеля - все положительное содержание этой системы, наш философ усвоил диалектический метод Гегеля - представление о мировом процессе как о непрерывном развитии путем [борьбы] противоположностей. Однако, марксистская диалектика существенно отличается от гегельянской. У Гегеля процесс природы есть внешнее обнаружение процесса мысли. "Для меня же, - говорит Маркс, в предисловии ко второму изданию "Капитала", - идеальное начало является, наоборот, лишь прошедшим через человеческий мозг материальным началом... Диалектика стоит у Гегеля вверх ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти рациональное начало в мистической оболочке". Подвергнув гегелевскую диалектику этой рискованной операции, Маркс признал ее вполне пригодным методом исследования общественного развития. Диалектическое развитие предполагает постоянную смену трех фазисов - тезиса, антитезиса и синтезиса: данная ступень развития (тезис) влечет свое отрицание (антитезис), за которым следует высшая ступень, отрицающая отрицание и примиряющая противоречие двух предшествовавших ступеней в высшем единстве (синтезе), в свою очередь отрицаемом дальнейшей ступенью развития и т.д. Внутренние противоречия, присущие каждому бытию, являются движущими силами развития. Развитие не имеет конца, - все находится в непрерывном движении, возникает для того, чтобы погибнуть, и погибает для того, чтобы возникнуть в новом виде, - неподвижна лишь голая абстракция от всякого движения - "бессмертная смерть".

Этот метод Маркс думал применить к изучению исторического развития общества. Но, строго говоря, автор "Капитала", как он и сам признавался, только "кокетничал гегелевской манерой выражаться". От гегелевского метода у него осталась под конец почти одна терминология.

Гораздо глубже повлиял на Маркса другой философ, также вышедший из школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму - Людвиг Фейербах. Его книга "Сущность христианства" пришла как нельзя более по вкусу юных гегельянцев, стремившихся освободиться от метафизического плена. Не нужно забывать, что дело происходило в начале 40-х годов, когда вся умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революционной грозой. Книга Фейербаха показалась откровением. "Нужно самому пережить освобождающее действие этой книги, чтобы составить себе представление о ее значении, - писал Энгельс. - Воодушевление было всеобщее; мы все моментально сделались фейербахианцами".

И действительно, в лице автора "Сущности христианства" Маркс нашел философа значительно более родственного себе по духу, чем Гегель. Главное, что влекло юного

отрицателя к Фейербаху - это общее направление философии последнего. В области морали Фейербах был утилитаристом, в области философии - материалистом. Одному из своих сочинений Фейербах дал характерный подзаголовок: "человек есть то, что он есть". Философское значение этого оригинального мыслителя Энгельс характеризует следующим образом: "Путь развития Фейербаха вдет от гегельянства - правда, далеко не правоверного - к материализму, - развития, приводящего на известной своей ступени к совершенному разрыву с идеалистической системой Гегеля. С непреодолимой силой в уме Фейербаха возникает убеждение, что принимаемое Гегелем домировое существование абсолютной идеи, вечное бытие логических категорий, есть не что иное, как остаток фантастических суеверий, что материальный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно реальное бытие и что наше сознание и мышление, какими бы сверхчувственными они нам ни казались, суть продукты материального, телесного органа - мозга. Не материя продукт мозга, но дух есть не что иное, как высший продукт материи".

Все эти идеи, вплоть до знаменитого тезиса "человек есть то, что он есть" (зерно материалистического понимания истории), были восприняты Марксом. Но для нашего радикального мыслителя даже Фейербах был слишком идеалистичен. Несмотря на свой материализм, автор "Сущности христианства" признавал необходимость религии - хотя бы только религии человечества. Он был не чужд энтузиазма: отвергнув поклонение высшему началу, он склонял колена перед величием любви, которая была венцом его системы, верховной силой, управляющей человеческим обществом. На этом базисе несколько сентиментальный, несмотря на свой атеизм, философ стремился обосновать свою систему морали.

Как презрительно должен был относиться к этим слабостям добродушного немецкого философа молодой Маркс! Он столь же мало верил в любовь, как и в абсолютную идею. Человеческая история, насыщенная насилием и кровью бесчисленных поколений, казалась ему лучшим опровержением религии любви. Он возлагал свои надежды не на любовь, а на силу, которая должна, наконец, избавить людей от тяготеющего над ними тысячелетнего беспощадного, безжалостного гнета.

Уже в 1842 г. (т.е. всего 24-х лет от роду) наш радикальный философ становится редактором большой оппозиционной газеты в Кельне - "Rheinische Zeitung". Газета была органом оппозиционной буржуазии, и просуществовала недолго - правительство поспешило ее закрыть.

На родине Марксу делать нечего, он едет в Париж и вместе с Арнольдом Руге основывает орган "Deutsch-französische Jahrbücher", из которого появилась, однако, только одна книжка. Журнал прекратился частью вследствие трудности доставления его в Германию, частью вследствие принципиальных разногласий между редакторами. Разногласия состояли, по словам Энгельса, в том, что Руге оставался гегельянцем и буржуазным радикалом, между тем как Маркс под влиянием изучения французских социалистов переходит к социализму.

Около этого времени Маркс начинает упорно изучать экономические вопросы. Первый толчок к экономическим исследованиям был дан нашему мыслителю, по его собственным словам, необходимостью высказываться по экономическим вопросам в редактированной им газете "Rheinische Zeitung". Пребывание в Париже доставило молодому немецкому эмигранту случай ближе познакомиться с французскими социалистами, из которых наибольшее влияние на него оказал, вероятно, Прудон. Вместе с тем, существенное значение в выработке социального мировоззрения Маркса имела, по-видимому, и книга Лоренца Штейна "Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs" (1842 г.)

В числе сотрудников "Deutsch-französische Jahrbücher" был и Фридрих Энгельс, с которым Маркс хорошо сошелся в Париже в 1844 году; между ними установилась

тесная дружба, основанная на сходстве воззрений и на полном подчинении Энгельса своему несколько более старшему сверстнику. В истории трудно указать другой пример такой тесной духовной связи двух выдающихся людей. Что Энгельс сам по себе представлял крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближения с Марксом. Одна из них "Die Lage der arbeitenden Klasse in England" представляет собой, бесспорно, замечательное произведение, оригинальное и глубокое. Но в натуре Энгельса не хватало, по-видимому, самостоятельности и энергии; после сближения с Марксом он как бы утрачивает свою индивидуальность, совершенно отходит на второй план, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великого друга и популяризатора его взглядов. Только после смерти Маркса Энгельс перестал играть "вторую скрипку" и занимает в руководительстве рабочим движением его место.

Первым совместным трудом обоих друзей была книга, направленная против их прежнего товарища - Бруно Бауэра ("Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten", 1845 г.), написанная в том резко полемическом тоне, который характеризует все произведения Маркса.

В Париже Маркс пробыл недолго. Прусскому правительству удалось выхлопотать у министерства Гизо высылку молодого публициста из Франции за редактирование небольшой немецкой оппозиционной газеты "Vorwärts", издававшейся в Париже. Преследуемый писатель переселяется в 1845 году в Брюссель и здесь издает в 1847 г. полемическую книгу против Прудона. Маркс и Энгельс становятся членами одного тайного политического общества и выпускают в начале 1848 г., по поручению этого общества знаменитый "Коммунистический Манифест".

Затем следует февральская революция, арест Маркса в Брюсселе и возвращение его в Париж по приглашению одного из членов временного правительства. Вся Европа полна революционной смуты, Германия волнуется. Маркс спешит вернуться на родину и возобновляет в Кельне издание газеты "Neue Rheinische Zeitung", просуществовавшей, однако, меньше года. Победа реакции повела к высылке молодого революционного публициста из Кельна, а вслед затем и французское правительство запретило ему пребывание в Париже.

Тут наступает решительный поворот в жизни нашего мыслителя; на политической арене ему делать нечего, и он удаляется в обычное убежище политических эмигрантов европейского континента - в свободную Англию, в Лондон, который и делается его окончательным и постоянным местом жительства.

Революционные бури затихли. Скитания Маркса кончились, и он живет несколько десятков лет, не преследуемый и не тревожимый никем в мировой столице. Но это внешнее спокойствие было тяжелым испытанием для творца "Капитала". По своей натуре он был борцом; его мощная воля требовала энергичной деятельности, а между тем политические условия Европы обрекали его в течение длинного ряда лет на полное политическое бездействие. Когда Маркс покинул континент, ему едва исполнился 31 год; несмотря на такую молодость, он был уже одним из самых видных радикальных публицистов Германии и пользовался огромным влиянием и авторитетом среди своих единомышленников. Он принимал деятельное участие в революционном движении 1848 г., когда даже самым скептическим людям могло казаться, что наступил огромный социальный переворот, за которым последует рождение мира будущего. Но революционный вихрь пронесся, - и старая Европа устояла; только обломки революционных партий свидетельствовали о неудавшейся революции.

Первые годы реакции были особенно тяжелы для политических эмигрантов, скопившихся из всех стран Европы в Лондоне. Разочарование было глубоко. После стольких блестящих успехов - такое уничтожающее поражение! После стольких светлых надежд - такая удручающая действительность! Бывшие диктаторы,

главнокомандующие революционных армий, министры, члены временных правительств, превратились в жалких изгнанников, искавших и не находивших заработка. Такое падение было трудным испытанием стойкости политических убеждений многих революционных деятелей. Более слабые пали и "поклонились тому, что сжигали", но и самые сильные поколебались, утратили энергию и прежнюю веру, поддались унынию, которое охватило всю европейскую демократию. Вспомним, например, какой тяжелый душевный кризис пережил в это время Герцен - человек выдающейся энергии и светлого ума. И быть может, среди всех усталых, измученных, колеблющихся или совсем изменивших своему делу ветеранов и инвалидов революции один Маркс остался таким же бодрым, каким он был в минуты наибольшего подъема революционной волны. Его социальное мировоззрение только крепнет под влиянием пережитых испытаний. В тех событиях, которые другим казались крушением движения, он видел лишь последовательные фазисы развития движения. За отливом должен последовать прилив, - и чем сильнее реакция, тем выше должна подняться грядущая революционная волна.

Политический застой 50-х годов был для Маркса периодом самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы. Уже в конце 40-х годов он обладал серьезной экономической эрудицией и как показывает его книга о Прудоне, был хорошо знаком с английской экономической литературой. Пребывание в Лондоне и постоянные занятия в Британском Музее доставили ему возможность расширить его экономическую эрудицию в колоссальных размерах. По всей вероятности никто до и после Маркса не знал в таком совершенстве и в такой полноте английскую экономическую литературу. Французскую экономическую литературу он также знал хорошо, немецкую же гораздо меньше, как показывает засвидетельствованное Энгельсом его незнакомство с первыми работами Родбертуса.

В 50-х годах Маркс деятельно сотрудничал в "New-York Tribune" и выпустил несколько брошюр, из которых особенно замечательна "Die 18 Bruinaire des Louis Bonaparte" (1852 г.) - мастерский анализ событий, поведших к диктатуре Бонапарта. Наконец, в 1859 г. он представил первый очерк своей критики капиталистического строя в работе под заглавием "Zur Kritik der Politischen Oekonomie". Книга эта должна была быть первым выпуском задуманного Марксом обширного экономического сочинения, но последующих выпусков не появилось, благодаря тому, что автор изменил план своей работы. Вместо продолжения "Zur Kritik der Politischen Oekonomie" он выпустил в 1867 г. первый том своего главного, в полном смысле слова гениального труда "Das Kapital". Второй том "Капитала" вышел после смерти своего великого автора в 1885 году, третий - в 1894 г.

В 60-х годах, в то время, когда Маркс работал над "Капиталом", обстоятельства позволили ему вернуться к практической общественной деятельности. В 1864 г. в Лондоне была основана "Международная ассоциация рабочих". Инициатива создания "Интернационала" не принадлежала Марксу, но так как Маркс был велик, а прочие члены "Интернационала" были людьми обыкновенного роста, то руководство общества естественно перешло к нему. Задачей "Интернационала" было объединение рабочего движения в разных странах капиталистического мира и поддержка этого движения общими силами пролетариата. Со стороны Маркса требовалась большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль "Интернационала" не разбился с первых же шагов о подводные камни партийных раздоров среди рабочих. Но великий экономист был вместе с тем искусным дипломатом. Он умел, когда нужно, скрывать свои мысли и прибегать к туманным выражениям, чтобы заставить людей согласиться с тем, с чем они не согласны. Вступительный адрес общества и его статуты, принадлежащие перу Маркса, были составлены так ловко, что самые противоположные рабочие течения могли примкнуть к "Интернационалу".

Деятельность общества вначале выразилась главным образом в поддержке стачек. Однако с каждым годом Маркс все более и более забирал в свои руки нити управления обществом, постепенно проникавшимся идеями автора "Капитала" и подчинявшимся его социально-политической программе. Но вместе с тем росла и оппозиция, группировавшаяся преимущественно вокруг Бакунина и приведшая в конце концов к крушению "Интернационала". В 1872 г. на конгрессе в Гааге было постановлено под внушением Маркса, лично ненавидевшего Бакунина, исключение последнего из состава общества. Это повело к расколу "Интернационала" - целый ряд секций высказался за Бакунина, и "Международная ассоциация рабочих" фактически прекратила существование.

Падением "Интернационала" заканчивается публичная, политическая деятельность Маркса; но его влияние на рабочее движение всего мира росло и росло. К концу жизни гениальный экономист был на вершине своей славы. Его мысли стали символом веры германских рабочих; его практическая программа легла в основание политической борьбы пролетариата. Все его бывшие соперники сошли со сцены или были забыты. И он оставался единственным общепризнанным верховным авторитетом, творцом и главою самого могущественного социального движения, какое только знает новейшая история.

Учение Маркса охватывает собой не только экономическую теорию, но и общую философию истории; в то же время из теоретических основ этого учения вытекает определенная программа политической и общественной деятельности. Поэтому марксизм, может быть изучаем с разных точек зрения. Но мы не будем говорить о философии истории Маркса - так называемом материалистическом понимании истории, а остановимся только на его экономической теории - учении о природе и законах развития капиталистического хозяйства.

В основание всей своей экономической системы Маркс кладет учение о труде, как единственной и абсолютной субстанции ценности. "Величина ценности какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно необходимого труда или общественно необходимого для ее производства рабочего времени", - говорит Маркс.

"Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или иной полезной вещи... Товары, в которых содержатся одинаковые количества труда, или которые могут быть произведены в одинаковые промежутки рабочего времени, имеют поэтому одинаковую ценность. Ценность одного товара относится к ценности другого товара как рабочее время, необходимое для производства одного относится к рабочему времени, необходимому для производства другого. Как ценности все товары суть только определенные количества застывшего рабочего времени". Итак, ценность товара - это застывшее в нем рабочее время. Человеческий труд есть не один из моментов, влияющих на высоту ценности, как учил Рикардо; нет, труд образует самое существо, самую субстанцию ценности.

Но ведь конкретный человеческий труд так же различен, как различны и продукты труда. Труд сапожника в своей конкретной форме есть нечто иное, чем труд врача. Различные, конкретные виды труда столь же несоизмеримы между собой, как и продукты труда в своей потребительной форме. Все разнообразные виды труда становятся, однако, вполне соизмеримыми друг с другом, если мы отвлекаемся от их конкретной формы и рассматриваем их как простое выражение абстрактного человеческого труда, как затрату человеческой рабочей силы вообще.

Сложный искусный труд, требующий обучения со стороны рабочего, содержит в себе как бы в сжатом виде умноженное количество простого труда. В этом смысле все виды труда соизмеримы между собой и могут быть выражены в одних и тех же

единицах человеческого труда в его абстрактной форме. Именно этот абстрактный человеческий труд, освобожденный от конкретных форм своего обнаружения, и образует субстанцию ценности.

Итак, ценность - это кристаллизованный в товаре человеческий труд. Понятно, что с точки зрения Маркса ничего не могло быть нелепее вопроса о том, какое участие принимает природа в создании ценности. "Так как меновая ценность есть только определенный общественный способ выражать потраченный на какую-нибудь вещь труд, то в меновой ценности может содержаться столько же данного самой природой вещества, сколько, например, в вексельном курсе".

Но ценность есть не просто человеческий труд. Хозяйственный труд есть необходимая основа всякого хозяйства, независимо от исторической формы его. Ценность же есть историческая, преходящая экономическая категория, свойственная только определенной исторической форме хозяйства - товарному хозяйству.

Экономическая категория ценности предполагает два момента: 1) затрату человеческого труда на производство данного хозяйственного продукта и 2) выражение этой затраты не непосредственно в рабочем времени, а посредственно в трудовом продукте, обмениваемом на данный трудовой продукт. Представим себе, например, что общество слагается не из товаропроизводителей, обменивающихся продуктами своего или чужого труда, а образует собой социалистическую общину, владеющую сообща средствами производства и всеми предметами своего потребления. В таком обществе количество труда, заключенного в продукте, вовсе не потребовало бы для своего определения окольного пути (обмена); ежедневный опыт непосредственно указывал бы такому обществу, сколько труда заключено в продукте. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочих часов стоила данная паровая машина, гектолитр пшеницы, сто квадратных метров сукна. Никому не могло бы прийти в голову выражать непосредственно известное количество труда, заключенное в продукте, в относительном, колеблющемся и недостаточном мериле - другом продукте, а не в естественном адекватном и абсолютном мериле труда - времени... Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребления. Оно должно было бы установить общий план производства, принимая в соображение полезность разных, нужных предметов и потребное для их производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто без посредства знаменитой ценности. Понятие ценности есть, таким образом, самое общее и всеобъемлющее выражение экономических условий товарного производства".

Итак, обмен продуктов труда есть необходимое условие для возникновения экономической категории ценности. Теперь нам ясно, чем отличается категория ценности от категории трудовой затраты. Трудовая затрата есть факт всеобщий, не связанный с историческими особенностями данной формы хозяйства, ценность же есть исторический факт. Для превращения трудовой затраты в ценность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людям выражать трудовую затрату иначе, как окольным путем, сравнением одного трудового продукта с другим трудовым продуктом.

Возьмем, например, натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; в этом случае всякий хозяин непосредственно знает, сколько труда он потратил на изготовление потребляемого им продукта. То же следует сказать и о социалистической общине, сообща владеющей средствами производства. Но в товарном хозяйстве производитель потребляет продукт не своего, а чужого труда, и потому не может непосредственно знать, сколько труда заключено в этом продукте. Трудовая затрата остается, однако, по-прежнему основным моментом хозяйства. Но выражается она в товарном хозяйстве не прямо - в приравнивании одного количества труда другому количеству труда, а косвенно - в приравнивании одного трудового

продукта другому трудовому продукту, в объективировании труда в ценности товара. Поэтому, хотя субстанцию ценности образует человеческий труд, но он становится ценностью лишь тогда, когда застывает в вещной форме товара. "Человеческий труд, правда, образует ценность, но не является сам ценностью. Он становится ценностью лишь в застывшем состоянии, в вещной форме".

Отсюда вытекает та своеобразная особенность товарного хозяйства, которую Маркс называет фетишизмом товарохозяйственного строя. Дело в том, что основой товарного хозяйства, как и всякого иного, остается человеческий труд - взаимная работа членов общества друг на друга. Но эта взаимная работа скрывается в обществе товаровладельцев под совершенно иной категорией - обмена товаров. В товарном хозяйстве не труд, а продукт труда - товар - является связующим звеном между отдельными хозяйственными единицами.

Общественные отношения объективируются в товаре, который как будто одухотворяется и приобретает самостоятельную жизнь.

Обращение товаров на рынке есть несомненный результат человеческой деятельности. Однако никакой отдельный товаропроизводитель не может управлять этим обращением. Наоборот, оно само управляет деятельностью товаропроизводителя; не человек господствует над товарным рынком, а товарный рынок господствует над человеком. Не производитель устанавливает цену, а цена устанавливает размеры производства. Товар и его цена как бы совершенно вырываются из-под власти человека и становятся его повелителями. Это объективирование в сознании товаропроизводителей их собственных общественных отношений в отношении вещей, товаров, Маркс и называет фетишизмом товарного хозяйства.

Товарный фетишизм выступает с наибольшей ясностью в господствующем товаре товарного мира - в деньгах. Золотой телец кажется истинным владыкой капиталистического мира. Неудивительно, что первые теоретики товарного хозяйства - меркантилисты - признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чем основана ценность денег? Это кажется решительной загадкой, но факт возможности приобрести на деньги все что угодно стоит у всех перед глазами. Отсюда вытекает ненасытная жажда денег, характеризующая психологию товаропроизводителя. "Загадка денежного фетиша есть та же загадка товарного фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослепляет взор своим металлическим блеском".

Товарный фетишизм коренится в самой природе товара и потому не исчезает из сознания товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара как фетиша разгадана. Сложные общественные отношения, выражением которых является товарная цена, скрыты от сознания товаровладельца. Отсюда возникает необходимость рассматривать цену не как общественное отношение, но как свойство вещи, товара. Таким образом, товар как бы получает в придачу к своим физико-химическим свойствам, которыми он обладает в качестве материального тела, еще новое общественное свойство - ценность. На самом же деле ценность отнюдь не есть свойство товара, как материальной вещи, а определенное общественное отношение, отношение затраты человеческого труда.

Товарный фетишизм коренится в основной товаро-хозяйственной категории - ценности, ибо ценность есть вещное выражение общественных отношений. Экономическая критика вскрывает тайну товара, как фетиша, объясняет происхождение товарного фетишизма, показывает иллюзию, которая лежит в его основании, но самой иллюзии убить не может. Луна на горизонте кажется нам большего диаметра, чем посреди неба. Мы знаем, что это иллюзия, но поддаемся обману чувства; но все наше знание бессильно развеять иллюзию и изменить обманчивые представления. То же следует сказать и о товарном фетишизме.

Открытие закона ценности, объяснение товарного фетишизма составляет, по словам Маркса, "эпоху в историческом развитии человечества, но отнюдь не рассеивает вещной видимости общественных свойств труда. Определение величины ценности рабочим временем есть тайна, скрытая под явными движениями относительных ценностей товаров. Раскрытие этой тайны устраняет видимую случайность в определении величины ценности продуктов труда, но нисколько не устраняет ее вещной формы".

Однако кто понял тайну товарного фетишизма, того эта иллюзия не может ввести в обман. Иное следует сказать о буржуазной политической экономии, всецело остающейся во власти указанной иллюзии, порождающей такие проникнутые фетишизмом учения, как учение о способности средств - производства создавать процент, земли - создавать ренту и т.п. Один из экономистов, находившихся во власти товарного фетишизма, даже прямо заявил, что "ценность, есть свойство вещи, богатство же (потребительная ценность) есть свойство человека... Жемчужина или алмаз имеют ценность как жемчужина или алмаз". Но, - замечает по этому поводу Маркс, - "до сих пор еще ни один химик не открыл меновой ценности в веществе жемчуга или алмаза".

Вещи самой по себе столь же чужда ценность, сколь чужды божеские свойства сделанному дикарем деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является ценностью, а деревянный чурбан для дикаря богом, то это лишь потому, что в среде самих товаропроизводителей (а отнюдь не вещей), имеются общественные отношения, выражаемые категорией ценности, а среди дикарей (а не чурбанов), имеются условия, заставляющие дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношение выражается ценностью? Отношение общественного труда, взаимной работы членов общества друг на друга, и притом работы не непосредственной, но при посредстве обмена продуктами труда, становящимися в силу этого товарами. Присущая всякому хозяйству категория трудовой затраты тем отличается от исторической категории ценности, что последняя предполагает материальное выражение трудовой затраты в продукте труда. Отсюда вытекает товарный фетишизм, своеобразный общественный мираж, который исчезнет лишь с падением товарного хозяйства.

"Общественный процесс жизни, т.е. материальный процесс производства лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало, когда он как продукт свободно соединившихся людей станет под их сознательный и планомерный контроль. Но для этого требуется такая материальная основа общества или такой ряд материальных условий его существования, которые в свою очередь являются лишь естественным продуктом долгого и мучительного исторического развития".

Мистическое покрывало окутывает собой все социальные отношения, возникающие на почве товарного производства. Отличительной категорией капиталистического строя является капитал. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершения товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, в котором не только продукты человеческого труда, но и сама рабочая сила человека становится свободно отчуждаемым товаром. Что же такое капитал?

Прежде всего, капитал не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, как ценность не есть вещь и не есть свойство вещи.

"Накопленный труд, служащий для нового производства - вот что такое капитал". Так говорят экономисты.

Что такое раб негр? Человек черной расы. Один ответ стоит другого. Негр есть негр. Но только при известных условиях он становится рабом. Бумагопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Но только при известных условиях она становится капиталом. Вне этих условий она настолько же не капитал, насколько золото само по себе не составляет еще денег".

Если бы орудие труда само по себе было капиталом, в таком случае капиталистическое хозяйство было бы не исторической, переходящей, а постоянной и неизменной формой хозяйства. Нужно было бы говорить о капиталистах каменного периода, когда человек начал пользоваться орудиями труда.

Нет, капитал не есть та или иная вещь. Как ценность есть некоторое общественное отношение, скрытое под маской товара, так и капитал есть некоторое общественное отношение, скрытое под вещной маской.

Коротко говоря, капитал есть ценность, приобретающая в силу известных общественных отношений способность к самовозрастанию. Капитал есть ценность, которая создает в пользу своего собственника некоторый избыток ценности. Это приращение, этот излишек ценности Маркс называет прибавочной ценностью.

Существование такой прибавочной ценности не подлежит сомнению. В наиболее упрощенной форме прибавочная ценность проявляется в виде ростовщического или ссудного процента. Ростовщический капитал есть вместе с тем одна из древнейших форм капитала. Античному миру была хорошо знакома (и надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающего свои деньги и получающего их обратно с прибавкой огромного процента. В ссудном капитале загадка прибавочной ценности выступает наиболее ярко. Капиталист бросает в обращение определенную сумму денег - и через некоторое время сумма эта возвращается к своему исходному пункту в увеличенном виде, создается прибавочная ценность, которая и поступает в распоряжение капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная ценность? Не порождает ли ее сам капитал, подобно тому, как курица кладет яйца или как на яблоне растут яблоки?

В ссудном капитале капиталистический фетиш достигает своей наиболее законченной формы, подобно тому, как товарный фетиш достигает полноты своего развития в деньгах. Как ценность кажется естественным свойством денежного металла, так и способность создавать процент кажется свойством ссудного капитала. Мистическая оболочка совершенно скрывает в ссудном капитале его общественное содержание. Ослепленные чудесной способностью ссудного капитала порождать процент, экономисты доходили иногда в своих расчетах самовозрастающей силы капитала до геркулесовых столбов нелепости. Вспомним, например, знаменитые соображения экономиста XVIII века Ричарда Прайса о погашении английского национального долга.

Достаточно положить на продолжительный срок ничтожный капитал для возрастания по сложным процентам, и самый огромный долг будет погашен, - так учил Прайс, ослепленный силой самовозрастания капитала. "Пенни, выданный в ссуду при рождении Спасителя и возрастающий по сложным процентам из 5%, превратился бы к настоящему времени в сумму денег, превосходящую по своим размерам 150 миллионов земных шаров, состоящих из чистого золота". Какой бездельней сравнительно с этими фантастическими золотыми мирами является английский национальный долг! Нужно только предоставить полный простор самовозрастающей силе капитала - и труднейшие финансовые вопросы будут разрешены шутя.

Капитал-фетиш, капитал, несущий золотые яйца, рождающий сам из себя процент, находит свое наиболее яркое и наглядное выражение в ссудном капитале. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистический мираж, нужно обратиться к другим формам капитала. Подобно тому, как в товаре скрыта разгадка денежного фетиша, так и разгадку капитала-фетиша нужно искать не в ссудном, а в промышленном капитале. Промышленный капитал выступает на историческую арену гораздо позже ростовщического и торгового капитала. Торговый капитал появляется одновременно с ростовщическим, но эра капиталистического способа производства начинается лишь с XVI века. Несмотря на свое позднее появление, промышленный

капитал есть капитал по преимуществу. Пока ростовщический и торговый капитал были единственно известными формами капитала, до тех пор общий строй народного хозяйства не был капиталистическим. Ростовщик и торговец представляют собой характерные фигуры хозяйственного мира древних и средних веков, но не они определили собой общий тип античного и средневекового хозяйства. Пока ростовщический процент был главнейшей формой капиталистического дохода, до тех пор капиталистический доход признавался общественным мнением противоестественной и безнравственной формой дохода. И только с тех пор, как капиталистический способ производства преобразовал все основы хозяйства, общественное правосознание перестало возмущаться капиталистическим доходом.

Откуда же возникает прибыль промышленного капиталиста? Ответ на этот вопрос дает нам решение всей загадки прибавочной ценности.

Не возникает ли прибавочная ценность из самого обращения товаров, из того, что товары продаются по ценам, превышающим действительные ценности? Если бы это было так, то выигрыш одного капиталистического предпринимателя был бы равносителен убытку другого. Капиталисты в своей совокупности, как класс, ничего не выигрывали и не проигрывали бы, - только отдельные представители класса были бы в выгоде или в убытке. Но так как капиталисты, как общественный класс, извлекают прибавочную ценность, то, следовательно, источником прибавочной ценности не может быть обращение товаров, несоответствие цены и ценности товаров.

Остается искать источник прибавочной ценности в производстве товаров. Приступая к производству, капиталист должен приобрести товары двоякого рода: во-первых, средства производства, которые не могут создать никакой новой ценности, только переносят на продукт ценность, заключенную в них самих; и во-вторых, рабочую силу человека, которая является источником всякой ценности. Ценность человеческой рабочей силы определяется на товарном рынке так же, как и всякого иного товара, - трудовая стоимость производства товара рабочей силы и есть его ценность. Приобретши этот товар на рынке, капиталист приобретает и право пользования им. Допустим, что ценность товара рабочей силы равна 6 часам в сутки, т.е. что ежедневно требуется шестичасовой труд для поддержания работоспособности и жизни рабочего и его семьи. Если рабочий будет работать в пользу капиталиста те же 6 часов, то капиталист получит от рабочего такую же ценность, какую он сам выдал рабочему в виде заработной платы; иными словами, никакой прибавочной ценности не возникает. Но ничто не обязывает капиталиста ограничить рабочий день таким коротким сроком. Он купил право пользования рабочей силой в течение всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно большую выгоду из своего права. Если он заставит рабочего работать 12 часов в сутки, то это будет вполне согласно с условиями рабочей сделки. В 12 часов рабочий создает в пользу капиталиста двенадцать единиц ценности, расход же капиталиста на приобретение рабочей силы выразился 6 единицами ценности. Разница в 6 единиц ценности есть чистый выигрыш нашего капиталиста - прибавочная ценность, извлеченная им из капиталистического процесса производства.

Итак, тайна прибавочной ценности раскрыта. Рабочий работает в пользу капиталиста более продолжительное время, чем то, которое требуется для восстановления полученной им заработной платы. Этот неоплаченный капиталистом прибавочный труд и есть источник прибыли капиталиста.

Мы видим, таким образом, что прибавочная ценность отнюдь не есть создание средств - производства. Средства производства существовали всегда с тех пор, как человек возвысился над чисто животным состоянием, но средства производства превратились в капитал лишь с того времени, как на товарном рынке появился новый род товаров - человеческая рабочая сила. Для этого же, в свою очередь, требуется определенные социальные отношения, возникающие путем исторического развития.

Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочий должен быть, во-первых, лично свободен, так как можно продавать лишь то, на что имеешь право собственности (раб не мог себя продавать, так как был сам собственностью господина). Вторым условием появления на рынке товара рабочей силы является невозможность для рабочего продавать что-либо, кроме своей рабочей силы, отсутствие у него средств - производства. Рабочий должен быть, следовательно, свободен в двояком смысле: свободен лично и свободен от средств к существованию. Ему противостоит капиталист, располагающий средствами производства и готовый приобрести рабочую силу нашего пролетария, но, конечно, не из филантропии, а с вполне ясным коммерческим расчетом - извлечь из рабочего возможно большую сумму прибавочного труда.

Теперь нам ясно, какое общественное отношение скрыто под вещной маской капитала: отношение присвоения владельцами средств производства, без соответствующего эквивалента, более или менее значительной части общественного труда и общественного продукта - присвоения, вытекающего из капиталистической купли-продажи труда, работы по найму в пользу капиталиста.

Капиталист начисляет свою прибыль на весь затраченный в производстве капитал, как на ту долю капитала, которая превратилась в рабочую силу, так и на средства производства. Но средства производства играют в образовании прибавочной ценности пассивную роль - они только переносят на готовый продукт свою ценность, не создавая новой ценности, поэтому Маркс называет их постоянным капиталом. Напротив, рабочая сила, занятая в процессе производства, создает большую ценность, чем та, которая была потрачена на приобретение рабочей силы; поэтому эту часть капитала Маркс называет переменным капиталом. Лишь труд создает прибавочную ценность, а следовательно, и прибыль капиталиста. Отношение прибавочной ценности к переменному капиталу образует собой уровень прибавочной ценности. Очевидно, уровень прибавочной ценности должен быть выше уровня прибыли (т.е. отношения прибавочной ценности, образующей прибыль, ко всему затраченному капиталу).

Капиталистическая прибыль есть одна из форм прибавочной ценности, но совершенно неправильно отождествлять прибавочную ценность с прибылью. Капиталистический предприниматель не имеет никакой возможности присвоить себе всю прибавочную ценность, выкачанную им из рабочего. Только часть этой прибавочной ценности остается в руках промышленного капиталиста и образует его прибыль, остальная же часть распределяется между другими классами общества. Капиталист-торговец требует своей доли в прибавочной ценности и получает ее, покупая товар у промышленного капиталиста по пониженной цене сравнительно с истинной ценностью товара; продавая товар потребителю по его истинной ценности, торговец сохраняет в свою пользу разницу в цене и таким образом реализует свою прибыль. Если капиталистический предприниматель ведет свое предприятие при помощи заемного капитала, то его кредитор, денежный капиталист, получает свою долю прибавочной ценности в виде ссудного процента, который должен уплачивать кредитору наш предприниматель. Земельная рента есть доля прибавочной ценности, уплачиваемая землевладельцу арендатором и реализуемая им в цене продукта земли. Точно также налоги, взимаемые государством, представляют собой прибавочную ценность, присваиваемую государством; из прибавочной же ценности черпаются и доходы непродуцирующих классов общества, то есть классов, не производящих своим трудом иной ценности. Сюда входят не только праздные лица, но и чрезвычайно полезные работники, труд которых, однако, не имеет хозяйственного характера, как например, ученые, врачи, судьи, артисты, учителя и пр. Все они живут насчет прибавочной ценности, создаваемой трудом рабочих, занятых в производстве.

Чтобы правильно понять теорию прибавочной ценности, нужно помнить, что она имеет в виду объяснить распределение народного дохода не между отдельными лицами, а между общественными классами. Когда мы говорим о рабочем, промышленном капиталисте, торговце и пр., то всегда нужно подразумевать не отдельного рабочего, промышленника, торговца, но класс рабочих, класс промышленников и пр. Именно в этом смысле теория прибавочной ценности утверждает, что прибыль капиталиста создается не всем его капиталом, а только переменной частью последнего - рабочей силой, занятой в производстве. Это может быть верно только в применении ко всему классу капиталистов, но отнюдь не к отдельному представителю капиталистического класса.

Распределение прибыли между отдельными капиталистами подчиняется совершенно иным законам, чем создание прибыли всего капиталистического класса. Если бы прибыль каждого капиталиста была пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности, то в таком случае процент прибыли в различных предприятиях неминуемо был бы различен, благодаря различию того, что Маркс называет органическим строением капитала, т.е. распределения капитала на постоянную и переменную часть. Чем большую долю капитала составляет его переменная часть, тем выше должен бы быть процент прибыли, так как только переменный капитал создает прибавочную ценность. Но условия капиталистической конкуренции не допускают различия процента прибыли, - капиталистические предприятия должны давать в среднем одинаковый процент прибыли как бы ни были велики различия органического строения капитала. Поэтому не подлежит сомнению, что прибыль отдельного капитала отнюдь не пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности и не определяется только переменной частью капитала. Маркс представляет процесс образования прибыли в отдельном предприятии следующим образом. Для всего класса капиталистов единственным источником прибыли является прибавочная ценность, создаваемая производительными рабочими. Но отдельные капиталисты распределяют между собой эту прибыль пропорционально всему затрачиваемому капиталу, а не только переменной его части. Капиталисты, в предприятиях которых преобладает переменный капитал, побуждаются конкуренцией уступать часть создаваемой в их предприятиях прибавочной ценности тем капиталистам, в предприятиях которых преобладает постоянный капитал. Таким образом, путем перераспределения прибавочной ценности между отдельными капиталистами осуществляется основной капиталистический закон равенства прибылей. Прибыль каждого отдельного капиталиста зависит в такой же мере от постоянного, как и переменного капитала, но для всего капиталистического класса труд рабочих, занятых в производстве, иначе говоря, - переменный капитал, есть единственный источник прибыли.

Теория прибавочной ценности вскрывает нам тайну капитала-фетиша, высшим выражением которой является чудесная способность ссудного капитала к самовозрастанию, созданию процента. Если мы обратимся к хозяйственным эпохам, предшествовавшим капитализму, то увидим тот же прибавочный труд, но без всякого мистического покрывала. "Весь мистицизм товарного мира, все то волшебство и колдовство, которое окружает продукты труда, производимые на основе товарного производства, исчезают тотчас, как только мы обращаемся к другим формам производства". Возьмем, например, античную организацию хозяйства, покоившуюся на рабском труде. Может ли прийти в голову господина или раба сомнение, что господин не живет за счет труда раба? То же следует сказать и о средневековом строе, когда рабочий был крепостным своего сеньора. "Крепостной труд так же хорошо измеряется временем, как и труд, производящий товары; но каждый крепостной знает, что он тратит определенное количество своей личной рабочей силы на службе своего

господина". Когда три дня в неделю крестьянин работает на своем поле, а три дня на помещищем, то существование прибавочного труда очевидно для всех.

"Капитал не изобрел прибавочного труда. Везде, где одна часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен к рабочему времени необходимому для поддержания его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время идущее на производство средств существования для владельца, средств производства, будет ли это афинский нуадо, этрусский теократ, римский гражданин (*civis romanus*), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист". Но капитал скрыл прибавочный труд под специфической капиталистической категорией прибавочной ценности. Благодаря этому возникла иллюзия, будто капиталистическая прибыль, процент на капитал, создается не неоплаченным, прибавочным трудом рабочего, но самими средствами производства. Эксплуатация крепостного помещиком бросается в глаза; напротив, капиталист и рабочий кажутся равноправными участниками гражданской сделки, купли - продажи рабочей силы. Сделка эта юридически вполне подобна всякой другой товарной сделке; и как при обмене пшеницы на сукно нет основания предполагать эксплуатацию одной стороны другой, так и при купле-продаже рабочей силы эксплуатация рабочего капиталистом совершенно скрывается под обманчивой видимостью гражданской равноправности обоих участников договора. Но это юридическое равенство есть только правовая оболочка экономического неравенства. Капиталистический способ производства точно также основывается на присвоении прибавочного труда, как и предшествующие ему способы производства - рабский и крепостной.

Таково существенное содержание теории ценности и прибавочной ценности Маркса. Переходим теперь к его теории развития капиталистического хозяйства.

Прежде всего устраним одно недоразумение. Многие думают, что социальные требования Маркса логически связаны с теорией прибавочной ценности. Против этого энергично протестовал Энгельс. Не на теории прибавочной ценности, а на теории развития капиталистического строя, представляющей собой обобщение реальных исторических фактов нашего времени, покоится, по мнению Энгельса, система практической политики марксизма, столь могущественно повлиявшая на современное рабочее движение.

В предисловии к I тому "Капитала" Маркс говорит, что его главной задачей является открытие "экономического закона движения современного общества". По своему социальному идеалу творец "Капитала" был последователем утопических социалистов. Утописты не только создали этот идеал, но и подвергли острой и смелой критике господствующий социальный строй - капиталистическое хозяйство. Тем не менее, путь, ведущий от общества нашего времени, к обществу будущего, оставался туманным и неясным. Мир будущего является в изображении утопистов таким глубоким контрастом сравнительно с миром настоящего, что казалось непонятным, как переберется человечество через бездну, отделяющую оба эти мира. Кто выведет человечество из "дома сумасшедших", в который оно заключено теперь, по словам Оуэна? Фурье дал поразительно яркую картину "пороков цивилизации", но где же найти в цивилизованном обществе силы, способные расцечь "порочный круг" цивилизации, как железными тисками сковывающий общественную жизнь и общественное развитие? Утописты черпали свое вдохновение в противопоставлении светлого, лучезарного, гармоничного будущего темному и мрачному настоящему. Однако в практической политике приходилось исходить из того самого классового общества, из того самого "сумасшедшего дома", все ужасы которого так гениально изобразили утописты. Нужно было указать в капиталистическом обществе элементы и силы, способные осуществить великое социальное преобразование, к которому с таким энтузиазмом утописты призывали человечество.

Для решения этой задачи требовалось открыть "закон движения современного общества", к чему и стремился Маркс. Путем обобщения реальных фактов исторического развития Маркс попытался выяснить, в каком направлении идет это развитие, какие новые общественные формы с железной необходимостью вырастают из недр старого общества. При этом Маркс естественно исходил из своей философии истории - из доктрины социального материализма, признающей основным и решающим моментом социального прогресса развитие материальных условий хозяйственного труда. Если хозяйственное развитие определяет собой все остальное, то зарождение нового общественного строя должно быть результатом закономерного развития формы хозяйства, господствующей в настоящее время. Таковой является капитализм. Отсюда получался вывод, что движущие силы грядущего социального преобразования должны быть созданы развитием капиталистического хозяйства.

Таким образом проблема осуществления капиталистического строя была сведена социальным материализмом к открытию закона развития капиталистического способа производства. В наличности такого развития нельзя было сомневаться. Уже самое поверхностное наблюдение новейшей, хозяйственной истории обнаруживало глубокие последовательные изменения, которые претерпевает капиталистическое хозяйство. В сочинениях утопистов (особенно у Фурье) было разбросано множество отдельных Указаний на общее направление капиталистического развития. Но заслуга построения законченной и систематической теории развития современного хозяйственного строя, несомненно, принадлежит Марксу.

Капиталистический способ производства отмечает собой новейший фазис в прогрессивном развитии человечества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, с одной стороны, и принудительное производство, основывающееся на крепостных отношениях, с другой. Обе эти формы производства с чисто технической стороны стоят несравненно ниже капитализма. Буржуазия сыграла в высшей степени прогрессивную роль в истории человечества. "Буржуазия, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно порвала разнообразные феодальные узы, которые связывали человека с человеком, и не оставила между людьми никакой иной связи, кроме голого интереса, кроме бесчувственной "уплаты наличностью". "Буржуазия в течение своего менее чем столетнего классового господства создала более всеобъемлющие и колоссальные, производительные силы, чем все предшествующие поколения в совокупности. Подчинение сил природы, введение машин, применение химии к промышленности и земледелию, паровое судоходство, железные дороги, электрический телеграф, подчинение культуре целых частей света, улучшение рек, внезапно выросшие из земли целые народы - какой из предшествующих веков мог предчувствовать, что такие огромные производительные силы таятся в недрах общественного труда!"

Но эти изумительные успехи были куплены дорогой ценой, - ценой разорения и пролетаризации огромных масс населения. Развитие капиталистического способа производства равносильно уничтожению мелкого производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности в докапиталистическое время. Капитализм экспроприировал мелкого производителя, лишил его орудий производства и сделал из прежнего, самостоятельного ремесленника, крестьянина, кустика наемного слугу капитала.

Однако чем шире развивается капиталистическое производство, чем полнее оно охватывает все роды общественного труда, тем ярче выступает коренное противоречие, заложенное в самом существе капиталистической формы хозяйства. При господстве мелкого производства форма присвоения, форма собственности была в полной гармонии со способом производства. Собственность была индивидуальной, и таким же индивидуальным было и производство. Напротив, в капиталистическом

хозяйстве производство принимает все более общественный характер, а собственность остается по-прежнему индивидуальной. Никто из отдельных рабочих, занятых на фабрике, не может сказать: "это мой продукт, я это сделал", ибо всякий продукт", создаваемый фабрикой, есть результат общей работы многих лиц. Но этот общий продукт многих поступает в частную собственность одного - капиталиста. Таково неустранимое противоречие капиталистического способа производства. И "чем больше новый способ производства подчиняет своей власти различные отрасли промышленности, чем больше он низводит до жалких остатков прошлого прежнее единоличное производство, тем ярче выступает наружу, несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением".

В то же время, в пределах самой капиталистической промышленности происходит чрезвычайно многозначительная перемена. Законы капиталистической конкуренции (благодаря большей производительности крупного производства), требуют постоянного расширения оборотов капиталистического предприятия. Средством для этого служит капитализация большей или меньшей доли прибыли. Таким образом, происходит то, что Маркс называет аккумуляцией средств - производства - увеличение размера капиталистического предприятия путем накопления капитала. От аккумуляции средств - производства следует отличать их централизацию - слияние нескольких или многих капиталов в один капитал. В первом случае каждый капитал растет собственными средствами, - один капитал не поглощает другого. Во втором случае происходит уничтожение индивидуальной самостоятельности капиталов - "превращение многих мелких капиталов в небольшое число крупных. Этот процесс тем отличается от первого, что он предполагает лишь изменение в распределении имеющихся уже и функционирующих капиталов, и что его поле действия не ограничено, следовательно, абсолютным ростом общественного богатства или абсолютными границами накопления. Капитал нарастает в одних руках здесь, потому что там он исчез из многих рук". Централизация капиталов вызывается конкуренцией капиталистических предприятий между собой. Капиталистический мир не знает мира, - в нем кипит неустанная ожесточенная борьба, в которой сильный экспроприрует слабого, и капитал побежденного становится прекраснейшим трофеем победителя. "Независимо от этого с развитием капиталистического производства создается новая сила - кредит, который в начале робко прокрадывается в виде скромного пособника накопления, невидимыми нитями стягивает в руки индивидуальных капиталистов или ассоциаций капиталистов денежные средства, рассеянные на поверхности общества в больших или меньших массах; но вскоре становится новым и страшным орудием конкуренции и наконец превращается в громадный социальный механизм для централизации капиталов".

Конкуренция капиталов и кредит являются двумя могущественнейшими рычагами централизации. Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять размеры своих операций. "Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, произойдет ли централизация насильственным путем присоединения, при котором некоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяжения для других, что побеждают их индивидуальное сцепление и притягивают к себе их разрозненные куски, или же слияние массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталов произойдет более гладким путем, посредством образования акционерных обществ - экономическое действие от этого не изменится".

Без помощи централизации образование очень крупных капиталистических предприятий было бы почти невозможно. "Мир оставался бы еще и до сих пор без железных дорог, если бы ему пришлось ждать, пока накопление поставит отдельные капиталы в возможность построить железную дорогу. Централизация же, напротив, произвела это сразу посредством акционерных компаний".

Аккумуляция и централизация средств - производства чрезвычайно повышают производительность общественного труда. Но чем могущественнее производительные силы капитала, тем большее значение в жизни капиталистического общества приобретает другое основное противоречие капиталистического способа производства - "противоречие между организованностью производства в отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе". На почве обоих указанных противоречий капитализма возникают периодические промышленные кризисы, от которых так жестоко страдает капиталистическое хозяйство. "В кризисах противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением насильственно прорывается наружу. Товарный обмен как бы уничтожается; орудие обращения - деньги - становится препятствием обращению, все законы производства и обращения товаров превращаются в свою противоположность. Экономическая коллизия достигает своего апогея: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа обмена, который они переросли".

Капиталистическая промышленность принуждена с роковой неизбежностью повторять один и тот же цикл развития: за спокойным состоянием идет оживление промышленности, затем следует промышленная горячка, неизбежно заканчивающаяся крахом и кризисом, после которого та же история начинается сызнова.

"Как небесные тела, будучи раз приведены в известное движение, неизменно повторяют его, так и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, также постоянно повторяет его... До настоящего времени период этих циклов составляет 10 - 11 лет, но нет никакого основания считать эту величину постоянной. Наоборот, на основании законов капиталистического производства следует предположить, что она изменяется и что продолжительность циклов будет постепенно сокращаться".

Таким образом, Марксу рисуется в будущем хронический кризис, который совершенно остановит движение капиталистического производства и этим нанесет смертельный удар всему капиталистическому строю. "Тот факт, что общественная организация производства в пределах фабрики должна достигнуть пункта, на котором она становится несоединимой с сопутствующей ей анархией производства в целом обществе - этот факт обнаруживается самим капиталистам в насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных, а еще более мелких капиталистов. Весь совокупный механизм капиталистического способа производства отказывается работать под давлением созданных им самим производительных сил. Он не может превратить в капитал всю эту массу средств - производства, они остаются без употребления. Таким образом, капиталистический способ производства приводится, с одной стороны, к сознанию собственной неспособности к дальнейшему руководству производительными силами общества. С другой же стороны, эти самые производительные силы стремятся с нарастающей силой к разрешению этого противоречия, к своему освобождению от капиталистической оболочки, к фактическому признанию за ними их характера общественных, производительных сил".

"Современное буржуазное общество, создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не может совладать с подземными силами, вызванными им самим. Уже в течение многих десятков лет история промышленности и торговли есть история возмущения современных производительных сил против современных отношений производства, против современных отношений собственности, которые суть условия жизни и господства буржуазии... Производительные силы, которые находятся в распоряжении общества, не могут более содействовать развитию буржуазных отношений собственности,

наоборот, они становятся слишком могущественными для этих отношений, они связываются последними: преодолевая эти узлы, производительные силы приводят в расстройство все буржуазное общество, подвергают опасности самое существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения становятся слишком узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем насильственного уничтожения массы производительных сил, с другой же стороны, путем захвата новых рынков и более глубокого использования старых. Другими словами, путем приготовления новых и более могущественных кризисов и путем сокращения средств борьбы с этими кризисами. Таким образом, оружие, которым буржуазия повергла в прах феодализм, обращается теперь против самой буржуазии".

Итак, чисто экономические силы, заложенные в капиталистической организации общественного хозяйства, влекут ее с роковой необходимостью к превращению в социалистическое хозяйство. Рядом с этими слепыми, стихийными силами хозяйственного развития действуют в том же направлении и сознательные, социальные силы, порождаемые тем же процессом капиталистического развития. Капитализм не только приходит к экономическому конфликту, неразрешимому на почве существующей организации хозяйства и требующему обобществления средств - производства, но тот же капитализм создает и общественный класс, непосредственно заинтересованный в таком обобществлении. Этим классом является пролетариат.

Огромную историческую заслугу капитализма составляет вызванный новым способом производства гигантский подъем производительности общественного труда. Но чем выше подымается общественное богатство, тем ниже падает тот, кто создает это богатство - рабочий.

Ухудшение положения рабочего есть необходимое следствие основного закона капиталистического накопления

- того, что по мере успехов техники все меньшая доля капитала превращается в заработную плату, и все большая

- в средства производства. Переменный капитал образует все меньшую долю всего общественного капитала, а так как спрос на рабочие руки создается лишь переменным капиталом, то, следовательно, и спрос на рабочие руки, по отношению ко всему общественному капиталу, должен падать (абсолютно он возрастает, но возрастает, согласно сказанному, гораздо медленнее роста общественного капитала и общественного богатства). "Капиталистическое накопление постоянно создает пропорциональное своей энергии и своим размерам относительно, т.е. для потребностей капитала в самовозрастании, излишнее рабочее население".

"Крепостной, несмотря на господство крепостного права, достиг того, что стал членом общины, подобно тому, как мелкий буржуа стал крупным буржуа, несмотря на иго феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы подниматься с успехами промышленности, падает все ниже, условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета растет быстрее населения и богатства. Все более становится очевидным, что буржуазия не способна оставаться господствующим классом в обществе, так как она не способна обеспечить существование своему рабу в пределах его собственного рабства, так как она не имеет возможности воспрепятствовать такому падению этого раба, при котором он сам поступает на содержание буржуа, вместо того, чтобы содержать ее".

"Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала". Законы капиталистического производства вызывают

образование избыточного населения, которое, как свинцовая гиря, все глубже и глубже затягивает рабочего в безвыходную тряси́ну нищеты. "Рабочее население, вместе с производимым им же самим накоплением капитала, создает в возрастающих размерах средства, делающие часть населения избыточной. Это есть закон народонаселения, характерный для капиталистического способа производства; вообще всякому историческому способу производства свойственны особые законы народонаселения, имеющие историческое значение. Абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных до тех пор, пока они не подвергаются историческому влиянию человека".

В чем же заключается закон народонаселения капиталистического способа производства? В том, что этот способ производства по неизменным экономическим, социальным (но не естественным, физиологическим) законам порождает избыточное население, для которого нет места ни в общественном труде, ни в общественном потреблении совершенно независимо от того, каким темпом идет размножение населения. Это избыточное население образует промышленную резервную армию капитализма, без которой капиталистический способ производства со свойственными ему периодическими сокращениями и расширениями производства не мог бы существовать. Всякое сокращение производства неизбежно выталкивает на мостовую тысячи рабочих, которые опять возвращаются к активной службе капиталу при оживлении промышленности, предшествующем кризису. Капитал, попеременно, то притягивает, то отталкивает рабочих. Без промышленной резервной армии капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при оживлении рынка, что является, в свою очередь, условием существования капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на мировом рынке. Поэтому промышленный резерв столь же необходим капиталу, как необходим военный резерв государству, охраняющему силой оружия свои интересы. "Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и новом образовании промышленной резервной армии. В свою очередь, превращения промышленного цикла создают человеческий материал для перенаселения и служат одним из самых энергичных факторов его воспроизведения".

Но кроме этого перенаселения, находящегося в связи с фазисами промышленного цикла, капитализм создает и иные формы избыточного населения. Маркс указывает три такие формы - текучее, скрытое и стационарное перенаселение. Текучее перенаселение вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемого капиталистическим производством на различные возрастные группы рабочих. Наибольшим спросом со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолетний труд, благодаря чему массы рабочих теряют работу по достижении совершеннолетия и входят в состав текучего избыточного населения; из них вербуются главная армия эмигрантов. Далее, капитал чрезвычайно быстро потребляет рабочую силу человека. Рабочий, приближающийся к старости, более не нужен капиталу, и также становится элементом текучего перенаселения.

Существование скрытого перенаселения в капиталистическом обществе всего ярче обнаруживается постоянным притоком рабочих из деревни в город. Этот приток не мог бы иметь места, если бы в деревне не имелся постоянный контингент скрытого избыточного населения - рабочих, не находящих себе занятия в деревне и ожидающих только благоприятного момента, чтобы покинуть родную деревню, не обеспечивающую заработка, и перейти в город.

Третью, стационарную форму перенаселения образует собой многочисленная группа хронических безработных или же рабочих, работающих крайне нерегулярно, изредка и случайно. Из этой группы вербуются рабочие в домашней промышленности, в пределах которой капиталистическая эксплуатация достигает

своих крайних пределов... Сюда же входит и низший слой современного общества - бродяги, преступники, проститутки, нищие. "Нищие представляют собой инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии. Чем больше общественное богатство, чем значительнее функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно чем больше и абсолютная величина пролетариата и производительная сила труда, тем больше промышленная резервная армия. Рабочая сила, готовая к услугам капитала, развивается вследствие тех же причин, что и сила расширения капитала. Относительная величина промышленной резервной армии возрастает, следовательно, вместе с силами общественного богатства. Но чем больше эта резервная армия в сравнении с активной рабочей армией, тем больше стационарное перенаселение, а нужда его жертв обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше инвалидов и пр., этих Лазарей рабочего населения - и вообще, чем значительнее вся промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это - абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления.

К чему же должно привести это накопление нищеты, сопутствующее росту богатства, рост пролетариата, все более погружающегося в бедность, по мере того, как сокращающаяся группа капиталистов сосредоточивает в своих руках все более колоссальные средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшего процветания "только там, где рабочий является свободным частным собственником своих условий труда, которые он сам пускает в ход, крестьянин - собственником земли, которую он обрабатывает, ремесленник - собственником орудий, с которыми он справляется, как виртуоз с инструментом. Этот способ производства предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию последних, так и кооперацию, т.е. он не допускает разделения труда внутри одного и того же процесса производства, общественного господства над природой и управления ее силами, свободного развития общественных производительных сил. Он совместим только с очень узкими, стихийными рамками производства и общества. Увековечить его, значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На известной степени своего развития он сам порождает материальные средства своего уничтожения... Его уничтожение, превращение индивидуальных и разрозненных средств производства в концентрированные и общественные, т.е. мелкой собственности многих в крупную собственность немногих, отнятие средств существования и орудий труда у народных масс, эта ужасная экспроприация народной массы составляет доисторический период в жизни капитала".

Но экспроприировав мелких производителей, капитал еще не завершает своего развития. За экспроприацией рабочего следует экспроприация самого капиталиста капиталистом же. "Один капиталист побивает многих". Средства производства концентрируются в руках все меньшей и меньшей группы капиталистов. "Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов-магнатов... увеличивается масса нищеты, угнетения, рабства, но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивление постоянно возрастающего рабочего класса, вышколенного, объединенного и организованного механизмом самого капиталистического способа производства. Монополия капитала превращается в путы для дальнейшего развития того способа производства, который развивался вместе с ней и под ее господством. Централизация средств - производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимыми с капиталистической частной собственностью. Экспроприаторы экспроприируются".

"Капиталистический способ производства... есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство создает с необходимостью естественного процесса свое собственное

отрицание. Это - отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, но индивидуальную собственность на основе всех приобретений капиталистической эры, на основе кооперации и общественного владения землей и средствами производства".

"Превращение раздробленной частной собственности, основанной на собственном труде производителей, в капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественном производстве, в собственность общественную. Там дело шло об экспроприации народных масс немногими узурпаторами, здесь же идет дело об экспроприации немногих узурпаторов народными массами".

Резюмируя все сказанное, мы можем свести теорию развития капиталистического строя, разработанную Марксом и отчасти Энгельсом, к следующим положениям:

1) Рост капиталистического производства непосредственно вызывает уничтожение мелкого самостоятельного производства. Прежние, мелкие самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистов и пополняют собой ряды пролетариата.

2) Соответственно этому производство принимает все более общественный характер, и все ярче выступает наружу несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

3) В среде капиталистического производства происходит аккумуляция и централизация средств - производства. Общественное богатство все более сосредоточивается в руках сокращающейся кучки капиталистов-магнатов.

4) Периодические промышленные кризисы с возрастающей силой приводят в расстройство капиталистическое хозяйство. В кризисах обнаруживается неспособность капитализма руководить общественным процессом производства и неизбежность крушения капитализма.

5) Параллельно росту общественного богатства растет при капиталистическом способе производства и нищета рабочего класса. Капиталистический способ производства порождает избыточное население, принимающее различные формы. Промышленная резервная армия является условием существования капиталистического производства.

6) Увеличение нищеты и страданий численно все возрастающего пролетариата сопровождается ростом организации рабочего класса, под влиянием условий самого капиталистического производства.

7) Таким образом, капитализм, с одной стороны, становится тормозом дальнейшего развития производительных общественных сил, с другой же стороны, капитализм организует и общественный класс, непосредственно заинтересованный в превращении капиталистического хозяйства в социалистическое.

В противоположность утопистам Маркс не придавал никакого значения выработке планов будущего социального устройства. Будущий социальный строй явится естественным результатом экономического развития современного строя. Общий характер общественного строя будущего уже и теперь ясен, ибо законы развития капиталистического хозяйства открыты. Что же касается до подробностей, то они пока еще не предвидимы и определяются конкретной экономической и социальной обстановкой того исторического момента, когда совершится ликвидация капиталистического способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая в основании практической деятельности германской социал-демократии), сводится почти исключительно к политической организации рабочего класса и к политической борьбе за его интересы. Правда, Маркс неоднократно выражал свое сочувствие и профессиональной организации рабочих. Но сочувствие это было совершенно особого рода. Маркс не

придавал большого значения рабочим союзам как средству поднятия заработной платы и вообще улучшения положения рабочего класса, и если он признавал желательным распространение такого рода организаций среди рабочего класса, то это лишь потому, что он видел в них могущественное средство классового объединения рабочих. Рабочие союзы превращают борьбу отдельного рабочего с отдельным капиталистом в классовую борьбу рабочего класса с классом капиталистов. Они могут служить опорными пунктами для политической организации рабочего класса, - и только поэтому Маркс считал нужным их поддерживать.

С гораздо меньшим сочувствием Маркс относился к кооперативному движению в его господствующей форме - потребительных обществ.

Женевский конгресс "Интернационала" принял, согласно предложению Маркса, следующую резолюцию по вопросу о кооперативном движении среди рабочих:

"Мы советуем рабочим обратить гораздо больше внимания на кооперативное производство (*производительные ассоциации. М. Т.-Б.*), чем на кооперативные лавки (*потребительные общества. М.Т.-Б.*). Что касается последних, то они лишь поверхностно затрагивают современный хозяйственный строй, между тем, как первые захватывают самое его основание".

В III-м томе "Капитала" имеется следующее любопытное замечание о производительных ассоциациях. "Кооперативные фабрики,- пишет Маркс,- представляют собой в пределах старой формы первое изменение этой формы, хотя они, естественно, воспроизводят и должны воспроизводить в своей фактической организации все недостатки существующей системы. Но в них уничтожается антагонизм капитала и труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных, производительных сил и соответствующих последним общественных форм производства естественно развивается и организуется из одного способа производства новый способ производства. Без фабричной системы, созданной капиталистическим способом производства, так же как и без системы кредита, вытекающей из того же способа производства, не могла бы развиваться кооперативная фабрика. Кредит, являясь основой постепенного превращения частных капиталистических предприятий в капиталистические акционерные общества, дает в то же время средства для постепенного распространения кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, так же как и кооперативные фабрики, являются переходными формами из капиталистического способа производства в ассоциированное".

Таким образом, Маркс придавал производительным ассоциациям известное значение в качестве первых зачатков новых коллективных форм хозяйства и не придавал в этом смысле почти никакого значения потребительным обществам. Несмотря, однако, на это частичное признание со стороны Маркса важности кооперации, кооперативное движение не играет в практической программе марксизма почти никакой роли. Объясняется это тем, что та форма кооперации на практике не получила и не может получить при условиях капиталистического хозяйства сколько-нибудь значительного развития и распространения, между тем, как потребительные общества, к которым Маркс относился более чем холодно, сделали гигантские успехи.

Переходя к критике изложенной теории развития капиталистического строя, мы прежде всего остановимся на входящей в ее состав "теории обнищания" (*Verelendungstheorie - этот термин не принадлежит самому Марксу, но он очень удачно характеризует суть дела*). Приведенные цитаты из сочинений Маркса не оставляют никакого сомнения, что Маркс смотрел крайне мрачно на возможность улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства. Он не только не верил в эту возможность, но утверждал даже обратное - что благосостояние рабочего класса падает по мере развития капиталистического производства, рабочий погружается глубже и глубже в нищету.

Утверждение это находится в самом резком противоречии с фактами последних десятилетий. Сознавая это, многие правоверные марксисты нашего времени пытались и пытаются изменить смысл "теории обнищания" и придать ей более невинный вид. С особенным искусством это делает Каутский в своей известной книге о Бернштейне. По толкованию этого остроумнейшего представителя современного марксизма, теорию "обнищания" нужно понимать лишь как выражение тенденции, а не положительного факта и притом тенденции не к абсолютному понижению уровня экономического благосостояния рабочего класса, а лишь к относительному ухудшению положения рабочих сравнительно с положением капиталистов. Нищета по объяснению Каутского может быть понимаема в двояком смысле: физиологическом - по отношению к удовлетворению человеком своих физиологических потребностей, и в социальном - по отношению к несоответствию между потребностями человека и возможностью их удовлетворения. Факт увеличения нищеты в этом последнем смысле кажется Каутскому бесспорным, ибо "сами буржуа признают рост нищеты в социальном смысле, давая ему лишь другое название - требовательности рабочих. Но дело не в названии. Дело в том, что несоответствие между потребностями рабочего и возможностью удовлетворения этих потребностей при помощи получаемой рабочим заработной платы постоянно возрастает... Социальное обнищание растет, выражаясь в более медленном повышении уровня жизни пролетариата, сравнительно с подъемом жизни буржуазии... Возрастает и постоянно не физическая, а социальная нищета, и именно противоречие между культурными потребностями рабочего и имеющимися у него средствами для удовлетворения этих потребностей; иными словами, масса продуктов, приходящаяся на одного рабочего, может становиться больше, но доля рабочего в создаваемом им продукте становится меньше" ("Bernstein und das socialdemokratische Programm", 120, 127, 128).

Это может быть верно или неверно, но во всяком случае, это не теория Маркса. Нищета, о которой говорит Маркс, отнюдь не есть "требовательность" рабочих, как толкует теорию обнищания Каутский, и рост нищеты в смысле Маркса далеко неравносителен росту потребностей рабочего класса. Ни о каком повышении потребностей рабочего класса с точки зрения авторов "Коммунистического Манифеста", не может быть и речи, так как рабочий "становится нищим, и нищета растет быстрее населения".

Рост капиталистического богатства признается в "Капитале" равносильным "накоплению нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения" рабочего класса. Язык Маркса во всех этих случаях так ясен и выразителен, что никаких кривотолков не допускает. Автор "Капитала" говорит не о тенденциях, которые могут и не осуществляться в действительности, а о конкретных законах капиталистического развития, выражающихся в реальных исторических фактах. Маркс категорически утверждает, что чем могущественнее производительные силы капитализма, тем хуже удовлетворяются насущные, физиологические потребности рабочего; более того, рабочий не только низводится капиталистическим развитием до положения нищего, но он регрессирует в физическом, умственном и моральном отношениях - он "вырождается", все более погружается в невежество и нравственное одичание.

Такова истинная доктрина Маркса, и если эту доктрину не решается в настоящее время поддерживать даже Каутский, то это лишь доказывает ее полную несовместимость с новейшими фактами истории рабочего класса. Все основные социальные воззрения Маркса сложились в эпоху 40-х годов - в период понижения заработной платы, хронической безработицы и огромного роста бедности и нищеты. Выражая свое убеждение в невозможности существенного и прочного улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства, Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем

серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус смотрели на положение и будущее рабочих классов не менее мрачно. Но последующие исторические факты лишили теорию обнищания всякого значения и привели к тому, что даже самые горячие сторонники марксизма должны, как мы видели, отказаться от нее, замаскировывая свой отказ от теории Маркса искажением ее смысла.

В своем первоначальном виде теория эта, очевидно, не может быть поддерживаема ни одним серьезным экономистом. Даже Каутский должен признать, что "нельзя констатировать общего увеличения физической нищеты в передовых капиталистических странах; все факты скорее говорят в пользу того, что физическая нищета в этих странах уменьшается, хотя крайне медленно и не повсеместно. Уровень жизни работающих классов в настоящее время выше, чем пятьдесят лет тому назад". Действительно, вряд ли даже самый правоверный марксист решился бы отстаивать теорию обнищания в том виде, как она изложена в "Коммунистическом Манифесте" и "Капитале"; вряд ли, например, может встретить сочувствие в настоящее время с чьей бы то ни было стороны (кроме разве крайних реакционеров), мнение Маркса о растущем невежестве, нравственном одичании и вырождении рабочего класса. Социал-демократия всего менее может защищать этот тезис, ибо эта защита была бы для нее самоубийственной и равносильной признанию безнадежности своего собственного дела: победа в общественной борьбе не может принадлежать классу, регрессирующему в умственном, моральном и экономическом отношениях. Сильнейшего венчает победа, но не численно сильнейшего, а сильнейшего мужеством, энергией, знанием, самопожертвованием, героизмом, преданностью общим интересам. Вырождающиеся, одичавшие, невежественные рабы, каковыми Маркс рисует рабочих, как бы многочисленны, они ни были, никогда не нашли бы в себе мужества для самоосвобождения. Если бы теория вырождения рабочего класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачные социальные фантазии иных социологов и романистов, предвидящих распад человеческого общества на два вида, две породы - господ, владеющих волей и знанием, и рабов, превратившихся в тупых и покорных домашних животных, были бы самой вероятной картиной социального будущего. Но, к счастью, вся эта безнадежная теория вырождения большей части человечества есть фантазия и ложь, опровергнутые фактом несомненного экономического, морального и умственного подъема рабочего класса в новейшее время.

Мы можем согласиться с Каутским, что нижеприводимая характеристика изменения положения рабочего класса в Англии применима и к другим капиталистическим странам. "Значительная часть рабочего класса, - говорит Сидней Вебб в своей брошюре "Labour in the longest reign", - сделала со времени 1837 г. большие успехи, другие же слои рабочих сделали меньшие успехи или даже совсем не приняли участия в общем прогрессе цивилизации и богатства. Если мы возьмем различные условия жизни и работы и установим уровень, ниже которого невозможно сносное существование, то мы увидим, что по отношению к заработной плате, рабочему времени, жилищам и общей культуре процент живущих ниже этого уровня теперь меньше, чем был в 1837 г. Но мы также найдем, что и общее число тех, кто живет ниже установленного нами уровня, в настоящее время вероятно выше по своей абсолютной величине, чем в 1837 г."

Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению капиталистический способ производства экспроприирует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Благодаря этому средства производства как бы под влиянием взаимного притяжения сливаются во все более и более обширные скопления и конгломераты, планомерно организованные и объединенные изнутри, но

разъединенные и не организованные в своих внешних отношениях. Общество все резче раскалывается на растущую массу пролетариев внизу и на сокращающуюся группу капиталистов вверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства и, в то же время, этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрация общественного производства легче всего объясняет, каким образом капиталистический хозяйственный строй превратился в свою противоположность, каким образом из беспощадной борьбы, угнетения, эксплуатации и ненависти, царящих ныне, вырастет с необходимостью естественного процесса семья мирной, свободной и равноправной социалистической ассоциации будущего. Капитализм является при таком понимании условий развития социализма суровой, но необходимой школой человечества, в которой человечество дисциплинируется и накапливает силы для того, чтобы взять в свои руки руководство общественным производством и заменить господствующую ныне анархию общественного хозяйства планомерной, сознательной организацией его.

Мы сказали, что это учение является центральной и, - теперь мы можем прибавить - самой сильной идеей марксизма. История промышленности всех капиталистических стран, несомненно, свидетельствует о растущей концентрации средств производства. Правда, мелкое производство в большинстве случаев почти не уменьшается по своим абсолютным размерам. Но по своему относительному значению в народном хозяйстве оно быстро падает. Крупное производство растет повсеместно гораздо энергичнее мелкого. Этот рост совершается частью за счет мелкого производства, представители которого разоряются и опускаются в ряды пролетариата. Частью же рост крупной промышленности не препятствует одновременному существованию мелкой промышленности. И наконец, в некоторых своих отделах крупное производство, развиваясь и расширяя свои операции, непосредственно содействует и росту мелкой промышленности, поставляя последней новые материалы для обработки или удешевляя старые, создавая запрос на продукты мелкой промышленности, предъявляя требования на разные работы, исполняемые мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т.д. и т.д. В результате получается, как свидетельствует промышленная статистика всех капиталистических государств, быстрый рост крупного производства и значительно более медленный рост, а иногда и упадок мелкого производства, которое в одних отраслях промышленности уничтожается крупным, в других, куда еще не проникла машина, растет и развивается. Фабрика и завод энергично и неудержимо подвигаются вперед, захватывают одну отрасль промышленности за другой, но так как одновременно с этим для мелкой промышленности открываются новые отрасли производства, то более быстрый рост фабрично-заводской промышленности иногда не препятствует, во всяком случае, гораздо более медленному росту мелкого производства.

Но если по отношению к промышленности теория Маркса в общем подтверждается новейшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледелие. Благодаря разнообразным техническим и экономическим условиям (большей зависимости сельскохозяйственного производства от природы, меньшей применимости к нему машины и разделения труда, большего значения в области сельской промышленности натурального хозяйства и пр. и пр.), крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляет таких экономических преимуществ сравнительно с мелкими, как крупное промышленное производство. К этому присоединяются различного рода

социальные препятствия, с которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразном "рабочем вопросе" крупного земледелия - недостатке сельских рабочих, бегущих из деревни в город), и которых не существует для мелкой сельскохозяйственной промышленности. В силу всех этих причин, останавливаться на которых мы не можем, в сельском хозяйстве не наблюдается ничего подобного концентрации производства, которое так характерно для эволюции промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупным капиталистическим земледелием, но даже растет в большинстве случаев, насчет этого последнего.

Даже такие горячие последователи Маркса, как Каутский, не могут отрицать этот факт. "Ожидания, выраженные Марксом при открытии "Интернационала", - пишет Каутский, - не сбылись; упрощения аграрного вопроса путем концентрации всей земельной площади в немногих руках не произошло... Мы никогда не достигнем в сельском хозяйстве той простоты и той ясности отношений, которые характерны для промышленности. Бесчисленные влияния в том и другом направлении перекрещиваются в сельском хозяйстве и взаимно уничтожают действие друг друга, классовые отношения остаются колеблющимися, в особенности там, где мало развита арендная система, где масса предпринимателей, а часто также и сельских рабочих, еще владеет землей. Смена времени года нередко приводит и к перемене классовых отношений. Один месяц тот же деревенский житель может быть предпринимателем, другой месяц - наемным рабочим".

Статистика показывает, что, например, в Германии энергичнее всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно также в Англии среднее и мелкое сельское хозяйство растет за счет крупного (и, отчасти, очень мелкого). Ничего подобного систематическому поглощению мелкого сельского хозяйства крупным мы не наблюдаем в настоящее время ни в одной стране.

Таким образом, к сельскому хозяйству схема Маркса совершенно не приложима. Но это только ослабляет, а не уничтожает значение этой схемы по отношению ко всему общественному хозяйству в совокупности. В своей интересной и содержательной книге "Die Agrarfrage" Каутский рисует яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всех капиталистических странах процесс подчинения сельского хозяйства промышленности; промышленность завоевывает все более господствующее положение в народном хозяйстве и вместе с тем промышленное население быстро растет за счет земледельческого. Сельское хозяйство повсеместно дает занятие все меньшей и меньшей доле населения. Опыт всех стран указывает на неизбежность этого процесса, приводящего к тому, что условия существования и развития промышленности в возрастающей степени определяют направление развития всего общественного хозяйства. Благодаря этому, особенности сельскохозяйственного развития могут совершенно поглощаться преобладающим характером промышленного развития. Несмотря на упадок капиталистического земледелия, капиталистический способ производства все более подчиняет себе общественное хозяйство.

До сих пор мы говорили о марксизме, как научной системе, как определенном понимании причинных законов социального строя, но марксизм есть не только объективная научная система. Марксизм есть вместе с тем и система практической политики, именно в этом тесном соединении объективной науки с политикой заключается самая характерная особенность и вместе причина исключительного общественного влияния марксизма сравнительно со всеми другими социологическими системами. Мы не будем останавливаться на рассмотрении и оценке практической программы марксизма, заметим только, что стремление марксизма свести все рабочее движение к капиталистической борьбе рабочего класса за свои классовые интересы представляется нам односторонней политикой.

Профессиональные организации рабочих, равно как и кооперативные учреждения, в своей господствующей форме - потребительных обществ - являются столь же существенными факторами социальной мощи рабочего класса, как и представительство рабочей партии в парламенте. Но, повторяем, критика практической программы марксизма не может быть предметом нашего рассмотрения. Мы остановимся лишь на общем принципиальном вопросе: возможно ли построение какой бы то ни было практической программы общественной деятельности всецело на научной почве, на почве познания объективных законов исторического развития?

Марксисты очень гордятся тем, что они освободились от утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавие которой - "Die Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft" стало излюбленным трафаретом марксистской, популярной литературы. Маркс превратил утопию в науку, как утверждают его последователи. Поэтому многие из них считают себя вправе относиться с большим пренебрежением ко всякого рода социальному идеализму, ибо сами они, по их мнению, не нуждаются в социальном идеале - социальный идеал заменяется для них пониманием законов исторического развития. Стоя на почве материалистического понимания истории, марксисты полагают, что новый социальный строй должен с неизбежностью естественного процесса вырасти из недр старого, в силу законов экономического развития, перед которыми не только воля отдельных лиц, но даже и целых общественных классов бессильна. Обобществление средств - производства совершится не потому, что частная собственность на средства производства будет признана большинством общества несправедливым и нецелесообразным учреждением, этого обобществления требует всемогущее экономическое развитие, и потому оно должно совершиться, чтобы мы ни делали, как бы ни относились к грядущему социальному перевороту.

В предисловии к немецкому изданию "Нищеты философии" Энгельс говорит, что социальные требования Маркса вытекают отнюдь не из признания капиталистического и землевладельческого дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а из признания неизбежности крушения капиталистического строя. "Согласно законам буржуазного хозяйства, - пишет Энгельс, - большая часть продукта, произведенного рабочим, принадлежит не ему. Если мы говорим: "это несправедливо, этого не должно быть", то до всего этого хозяйству нет никакого дела. Мы выражаем лишь то, что данный экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Маркс основывал свои социальные требования не на этом, а на необходимости крушения капиталистического строя, которое с возрастающей силой происходит на наших глазах".

Итак, Маркс, по словам Энгельса, основывает свои социальные требования на законах социальной необходимости. Конечно, все на свете необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никаких исключений. Социальный материализм приписывает решающую роль в процессе исторического развития экономической необходимости. С этим можно соглашаться или нет, но во всяком случае нельзя отрицать, что закон причинности безусловно господствует в истории человечества, как и вообще в природе, и что социальное будущее также детерминировано, необходимо, как и социальное прошлое.

Но Маркс объясняет экономическим развитием не только историю, - он исходит из того же и в своих социальных требованиях. Он пробует построить систему практической политики на основе познания законов исторического развития. Он пытается поставить на место социального идеала социальное предвидение.

Но, как правильно указывает Штаммлер, вся наша сознательная деятельность неразрывно связана с психологическим убеждением, в возможности изменить будущее, повлиять на него, придать ему желательный для нас вид. Если бы мы рисовали себе социальное будущее в его конкретном виде как нечто неизменное и

необходимое, если бы картина будущего была нам ясна во всех своих подробностях, то решимость следовать закону социального развития была бы совершенно равносильна "твердому решению вращаться вместе с землей вокруг солнца. При решениях подобного рода смешивается два различных и взаимно исключающих класса наших представлений. Или я познаю явления и движения в их законосообразной необходимости и предвижу определенный результат как причинно неизбежный, и тогда для воли и для решений относительно этого результата не остается места. Или же я имею твердое решение и волю что-либо осуществить, и тогда это последнее не познано мною как несомненно долженствующее быть в силу необходимых законов природы".

"Кто познал, что известный результат неизбежно произойдет по законам природы, тот не может содействовать достижению этого результата. В представлении содействия, помощи чему-либо заключено признание, что то, чему помогают или содействуют, еще не познано, как необходимо имеющее быть. Эта альтернатива не допускает никакого уклонения: если научно познано, что известное событие необходимо наступит определенным способом, то нет никакого смысла содействовать именно этому определенному способу его наступления".

"Каждый, содействующий предвидимому им в общих чертах или хотя бы лишь вероятному ходу развития должен дать себе отчет, почему он желает оказывать такое содействие и очевидно он не может дать такого ответа - потому что событие, которому оказывается содействие, все равно неминуемо произойдет. Ибо поскольку событие зависит от нашего содействия, поскольку событие может не произойти, постольку оно не познано нами как причинно необходимое событие: было бы совершенной бессмыслицей содействовать тому, что мы сами признаем неизбежно долженствующим наступить по неизменным законам причинности".

На это можно возразить, что согласно материалистическому пониманию истории, необходимость известного хода общественного развития обуславливается именно тем, что наша деятельность неизбежно принимает то или иное направление. Данного события совсем могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содействия, но так как мы необходимо должны по неизменным законам причинности желать этого события и оказывать ему содействие, то мы и предвидим его заранее как причинно необходимое. Социальная необходимость действует не помимо нас, а через нас: мы и наша воля только орудия в руках этой необходимости, которая управляет нами через нас же самих.

Возражение это имеет очень убедительный вид, что не мешает ему быть совершенно несостоятельным. Вопрос заключается в данном случае не в том, существует ли социальная необходимость или нет, подчинен ли исторический процесс закону причинности или не подчинен. Этот вопрос уже давно решен философской и научной мыслью в утвердительном смысле. Перед нами проблема совершенно иного рода - совместима ли свобода нашей сознательной воли с сознанием необходимости того, на что наша воля направлена. И опять-таки, дело идет не о свободе воли в философском смысле. Достаточно того, что психологически мы сознаем себя свободными (хотя бы это сознание было и ошибочным). Могу ли я хотеть, могу ли я напрягать свои силы для достижения того, что я сознаю, как необходимо долженствующее произойти? Вот в чем вопрос.

И мы должны на него ответить категорически, нет! Мне незачем помогать неизбежному, тому что неизмеримо сильнее меня самого. Психологическая неуверенность в будущем есть необходимое предварительное условие сознательного волевого акта. Я опасюсь, что моя бездеятельность повредит дорогим мне интересам, и я надеюсь, что мои действия помогут последним. Эти опасения и эти надежды указывают на незнание того, что именно произойдет, ибо известное будущее могло

бы вызывать лишь вполне определенное отношение с моей стороны - отношение радости или грусти,- но не того и другого вместе.

Поэтому, хотя будущее так же подчинено закону причинности, как и прошедшее, хотя будущие события с такой же роковой необходимостью, вытекают из настоящих, как настоящие из прошедших, все же психологическая неуверенность в будущем навсегда останется основанием нашей деятельности. А следовательно, и социальное предвидение не только не может заменить в качестве мотива к общественной борьбе социального идеала, но, наоборот, социальное предвидение, если бы оно было полным, означало бы собой прекращение всякой произвольной деятельности. Познание, доведенное до своего крайнего предела, было бы равносильно уничтожению нашего произвола, сознательной воли.

Социальное предвидение, конечно, чрезвычайно важно для успешности общественной работы. Сознательная деятельность предполагает познание, и чем глубже познание, тем плодотворнее работа. Все это - трюизмы, которые никому не придет в голову отрицать. И тем не менее Штаммлер глубоко прав, утверждая, что полное и абсолютное познание будущего лишило бы всякого смысла нашу деятельность и потому в корне убило бы нашу сознательную волю. Такое полное предвидение, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной в рамках опыта. Наше познание будущего навсегда обречено быть частичным, оставляя таким образом широкий простор для нашей воли. Но мало хотеть, нужно уметь достигать желаемого. Чем обширнее наше предвидение, тем целесообразнее направляются наши усилия, тем менее сталкиваются они с естественным и необходимым ходом вещей, тем более шансов на победу. Вот почему возможно полное предвидение будущего есть лучшее оружие в борьбе - за социальный идеал!

Только небольшая доля наших усилий достигает цели, вся же остальная наша деятельность погибает бесплодно, благодаря тому, что сталкивается с естественными законами природы. "Чем лучше нам известны эти законы, тем целесообразнее мы направляем нашу деятельность. Чем обширнее наше познание социального будущего, тем более сосредоточивается социальная работа на объективно достижимом и тем значительнее ее результаты. Так, поток вздымается всего выше и бежит всего быстрее там, где берега всего более стесняют его бег. Но если бы берега совсем сомкнулись, если бы наше предвидение будущего стало абсолютным, то и бег потока должен был бы прекратиться, наша деятельность должна была бы остановиться по отсутствию цели. Тот же самый результат получился бы и в противоположном случае, если бы берега потока так широко раздвинулись, что вода перестала бы течь, если бы наше познание будущего оказалось слишком ничтожным для какой бы то ни было сознательной деятельности. Абсолютное незнание, как и абсолютное познание, не оставляет места для целесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы ничего не знаем о средствах и способах достижения этих целей, но нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы заранее знаем, что будет завтра, через год, через десятки лет, если мы читаем в будущем как в раскрытой книге. Наша деятельность заключена в этих пределах - относительного и ограниченного знания, и она тем плодотворнее, чем это относительное значение полнее.

Итак, не социальное предвидение, а социальный идеал является верховным вождем в социальной борьбе. Познание есть только верный слуга, выполняющий приказание своего владыки. Но этот сверхопытный владыка - социальный идеал - не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направление исторического развития совпадает с нашим идеалом. Тогда в нашем социальном мировоззрении нет никаких диссонансов, и оно все проникнуто здоровым оптимизмом. Но если картина

будущего, раскрывающаяся перед нашим умственным взором, идет грубо вразрез с тем, что мы считаем святым и высоким, если мы не видим впереди приближения к нашему идеалу, то решимся ли мы изменить наш идеал, чтобы привести его в согласие с действительностью? История сохранила нам примеры благородных людей, идеалы которых оказались в непримиримом противоречии с современной им действительностью благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли ли эти люди свое нравственное сознание, каким бы то ни было требованиям текущей жизни? Нет и нет! Чем глубже была окутывавшая их ночь, тем дороже становился им единственный, могучий луч света, прорезывавший тьму и исходивший из них самих, из их собственного внутреннего мира, из их непобедимого идеала. Ни для чего в мире не согласится человек с нравственно развитым сознанием поступиться своим идеалом, который есть единственное верховное, чистейшее и прекраснейшее благо, единственная абсолютная ценность, нечто бесконечно и безусловно обязательное - то, ради чего всем можно пожертвовать, но что само никогда ни для кого и ни для чего не может быть предметом жертвы.

Ничего не может быть несправедливее презрительного отношения многих марксистов к социальному идеализму вообще и к идеализму великих утопистов в частности. От утопистов Маркс получил (не говоря уже об остальном), самое важное и ценное - социальный идеал. И лишь при свете этого идеала Маркс мог выработать свое замечательное учение об объективных законах капиталистического развития. Пренебрежение к социальному идеализму не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что в своей практической работе марксизм столь же мало может обойтись без социального идеала, как и другие исторические общественные движения. Практически же вредно потому, что великая борьба требует и великого напряжения сил личности. Откуда же человеческая личность может взять эти силы, как не из преданности идеалу? Без энтузиазма, без бескорыстного религиозного подчинения себя, своей личности, всех интересов, всей своей жизни чему-то более высокому, чем мы сами, нельзя достигнуть великих социальных целей, которые марксизм получил как драгоценное наследие от утопистов. А только идеал - прекраснейшее достояние духа - может порождать энтузиазм.

Борьба с идеализмом ведет к равнодушию к широким общественным задачам, требующим самоотверженной работы и самопожертвования личности. Эгоистический интерес не может не занять в нашей душе пустого места, остающегося после исчезновения идеала. И если марксизм на практике не утратил энтузиазма, то лишь потому, что вопреки всякой теории марксистское движение осталось проникнутым могучей струей социального идеализма. Серая теория оказалась не в силах заглушить прекрасный рост золотого дерева жизни. Но этот результат был достигнут лишь пожертвованием логической стройностью марксизма.

Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится, и отовсюду растут побеги новой жизни. Идет новый мир, все большие народные массы собираются вокруг красного знамени социализма. Пока - это знамя отчаянной борьбы, знамя революции. Но придет время, когда для социализма, победившего капиталистическое рабство, на первый план выступят положительные, творческие задачи. Как устроить жизнь на новых началах свободы, правды и справедливости? Марксизм не интересовался подробностями будущего социального строя, потому что этот строй казался ему далеким. Но чем ближе мы к нему будем, тем важнее для нас будут задачи, которые привлекли к себе все внимание создателей современного социализма - великих утопистов. И именно в этом направлении социалистической мысли нашего времени предстоит огромная творческая работа. Предстоит великое возрождение утопического социализма.

Источник: М.И. Туган-Барановский. К лучшему будущему.- М.: РОССПЭН. 1996.